Мих•Ильин

Воспоминания и необыкновенные путешествия Захара Загадкина

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга занимательных рассказов-загадок по географии мира и Советского Союза.

- Воспоминания и необыкновенные путешествия Захара Загадкина
  -
  - Воспоминания юнги Захара Загадкина
    -
    - Завтра снова будет сегодня
    - Уругвайское солнце
    - В небе Индонезии
    - Там, где часовая стрелка никогда не врет…
    - За пятнадцать минут из одной части света в другую
    - Второй Керабан, или посуху из Америки в Африку
    - Удивительная река
    - Два или двенадцать?
    - Пучок стрелок
    - Почему я не стал владельцем попугая Жако
    - Таинственный механизм
    - Чудеса в решете
    - Никудышные строители
    - О чем молчат карты морей и океанов
    - Путешествие во времени
    - «Кто ищет, тот всегда найдет!»
    - Пожар на маяке
    - Как мы сварили обед без огня
    - Дальневосточные истопники
    - Гудок над бухтой
    - Море, в котором нельзя утонуть
    - Пресная или соленая?
    - Странное плавание
    - Путешествующая деревня
    - Дон Иванович
    - Река, текущая туда и сюда
    - Медная пластинка
    - Остров Захара Загадкина
    - Салют в Баренцевом море
    - Подслушанный разговор
    - Коварный кок

- Необыкновенная Европа
- Необыкновенная Азия
- Холодная Африка
- Америка в… Азии
- Беседа морских волков
- Вторая беседа морских волков
- Переполох на экзамене
- Завтра снова будет сегодня
- Уругвайское солнце
- В небе Индонезии
- Там, где часовая стрелка никогда не врет
- За пятнадцать минут из одной части света в другую
- Второй Керабан, или посуху из Америки в Африку
- Удивительная река
- Два или двенадцать?
- Пучок стрелок
- Почему я не стал владельцем попугая Жако
- Таинственный механизм
- Чудеса в решете
- Никудышные строители
- О чем умалчивают карты морей и океанов
- Путешествие во времени
- «Кто ищет, тот всегда найдет!»
- Пожар на маяке
- Как мы сварили обед без огня
- Дальневосточные истопники
- Гудок над бухтой
- Море, в котором нельзя утонуть
- Пресная или соленая?
- Странное плавание
- Путешествующая деревня
- Дон Иванович
- Река, текущая туда и сюда
- Медная пластинка
- Остров Захара Загадкина
- Салют в Баренцевом море
- Подслушанный разговор
- Коварный кок
- Необыкновенная Европа
- Необыкновенная Азия
- Холодная Африка
- Америка в… Азии

- Беседа морских волков
- Вторая беседа морских волков
- Переполох на экзамене
-
- Солнце с севера!
- Месть музыканта
- Я выручаю из беды деда и его внучку
- Секрет московского климата
- О любопытстве
- Как я был экскурсоводом
- Спор на Рыбинском море
- В гостях у дядюшек Петра и Павла
- На берегах Хмельной
- Запасная Волга
- Гонки на озере
- Пятеро братьев
- Закадычные приятели
- Майка неряхи
- Мой компас и забытые магниты
- В поезде по волнам
- «Внимание, идет Боря!»
- Кто украл пляж?
- Пропавший холм
- Письма Неизвестного
- Диковинный мост
- Рудник наоборот
- Гора языков
- Самое, самое…
- Махачкалинский «водяной»
- Спорный архипелаг
- По пути знаменитых ученых
- Где были плотники?
- О красной воде и городе с косой
- Каракумские чудеса
- Три неудачи и одна удача
- Разговор с рекой
- 40 X 30 = 250
- Во сне и наяву
- Имя, которое дважды брали взаймы
- Неожиданное испытание
- Как стать знатоком географии
- Евразия и ее соседки
- Таинственная история с картами Урала
- Город-путешественник

- Съеденная гора
- Стройка-невидимка
- Яблоки на открытке
- О чем шепчут звезды?
- Соперник великих объедал
- Две неразгаданные загадки
- Немыслимые грибы
- Часы моего друга
- Драгоценный корень
- Необыкновенный человек
- Как я посрамил корабельного
- Жду весточки от тебя
- Моя первая научная работа
- Солнце с севера!
- Месть музыканта
- Я выручаю из беды деда и его внучку
- Секрет московского климата
- О любопытстве
- Как я был экскурсоводом
- Спор на Рыбинском море
- В гостях у дядюшек Петра и Павла
- На берегах Хмельной
- Запасная Волга
- Гонки на озере
- Пятеро братьев
- Закадычные приятели
- Майка неряхи
- Мой компас и забытые магниты
- В поезде по волнам
- «Внимание, идет Боря!»
- Кто украл пляж?
- Пропавший холм
- Письма Неизвестного
- Диковинный мост
- Рудник наоборот
- Гора языков
- Самое, самое…
- Махачкалинский «водяной»
- Спорный архипелаг
- По пути знаменитых ученых
- Где были плотники?
- О красной воде и городе с косой
- Каракумские чудеса
- Три неудачи и одна удача

- Разговор с рекой
- 40 X 30 = 250
- Во сне и наяву
- Имя, которое дважды брали взаймы
- Неожиданное испытание
- Как стать знатоком географии?
- Евразия и ее соседки
- Таинственная история с картами Урала
- Город-путешественник
- Съеденная гора
- Стройка-невидимка
- Яблоки на открытке
- О чет шепчут звезды?
- Соперник великих объедал
- Две неразгаданные загадки
- Немыслимые грибы
- Часы моего друга
- Драгоценный корень
- Необыкновенный человек
- Как я посрамил корабельного кока

○ Об авторе этой книги

Воспоминания и необыкновенные путешествия Захара Загадкина

Художник Анатолий Зиновьевич Иткин

Мих. Ильин

Воспоминания и необыкновенные путешествия Захара Загадкина

Москва
«Детская литература»
1976

Воспоминания юнги Захара Загадкина

Разрешите представиться: бывший юнга Захар Загадкин. Может быть, слышали мой голос по радио, или даже видели портрет, на котором художник изобразил меня в тельняшке и с вечным пером за ухом? Так вот, я тот самый Захар Загадкин и очень рад знакомству с вами.

— Одумайся, Захар, не смеши народ, — сказал мой друг корабельный кок, когда узнал, что я пишу свои воспоминания. — Кто ты такой, чтобы делиться воспоминаниями? Разве ты знаменитый путешественник или великий мореплаватель? Какие неизвестные земли ты открыл, по каким неведомым водам плавал? О чем будешь ты рассказывать людям?.. Смешно, юнга, смешно…

— Хе-хе-хе, — проскрипел серый попугай Жако, который слышал эти слова и, по свойственной ему привычке, не замедлил поддакнуть своему хозяину-коку.

Спору нет, неизвестных земель я не открывал, в неведомых водах не был. Выходит, корабельный кок и его попугай Жако правы, а Захару Загадкину нечем поделиться с читателями? Нет, кок и его удивительная птица заблуждаются. Я несколько лет плавал юнгой на одном из кораблей нашего торгового флота и за эти годы успел побывать на всех материках и многих островах земного шара,

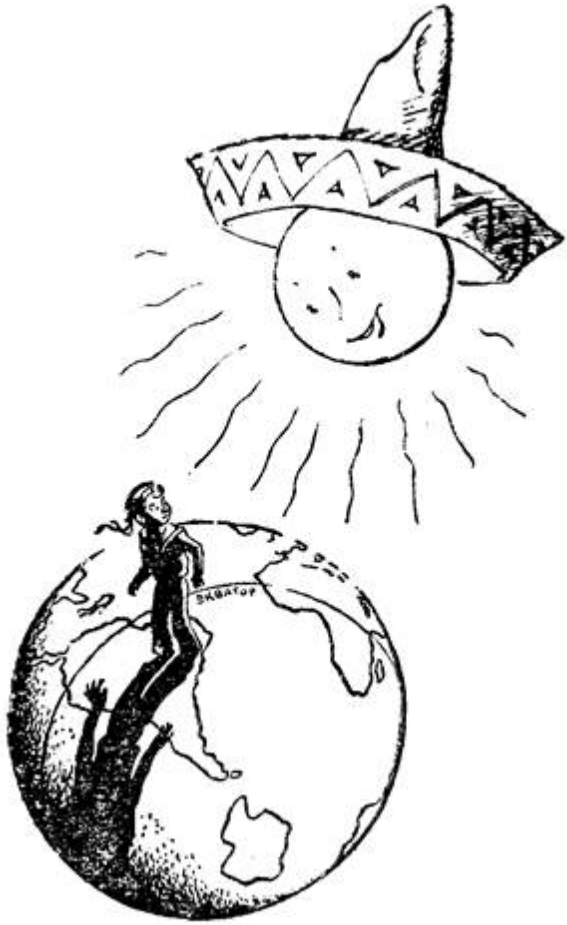
повидать холодные и теплые моря, подышать воздухом обоих полушарий. Характер у меня беспокойный, всегда и везде я стараюсь посмотреть примечательное, узнать новое, а потому испытал немало различных приключений.

Конечно, я не знаменитый путешественник, я моряк, но моряк, как говорится, бывалый, а у каждого бывалого человека есть что вспомнить, о чем рассказать. И я подумал, что мои воспоминания будут интересны тем, кто, подобно мне, увлекается географией — самой замечательной из всех наук. А корабельный кок просто не хочет, чтобы узнали его тайну: ведь он так часто посмеивался над новичком-юнгой, а потом был этим юнгой посрамлен! И я не послушался совета кока, не обратил внимания на хихиканье его попугая.

Воспоминания Захара Загадкина перед вами. Надеюсь, что, читая их, вы не затратите время напрасно. Если что-либо покажется неясным, загляните на страницы 111–148: там напечатаны пояснения.

Кому понравится моя книга, тот может прочитать и ее продолжение — «Необыкновенные путешествия Захара Загадкина». Сделать это проще простого: вы найдете продолжение «Воспоминаний» на стр. 149.

Захар Загадкин


EQUATOR

Завтра снова будет сегодня

У меня есть правило, которого я придерживаюсь неукоснительно: не откладывать на завтра то, что нужно сделать сегодня. Если правило почему-либо нарушено, я налагаю на себя взыскание — прошу корабельного кока не давать мне сладкого на обед. Кок посмеивается, но сладкого не дает. «Терпи, Захар, — говорит он в таких случаях, — адмиралом будешь».

Однажды мы шли из Владивостока в Сан-Франциско. В то плавание я усердно занимался английским языком и ежедневно запоминал по дюжине новых слов. Но выпал такой день, когда я увлекся «Всадником без головы» и забыл выучить положенные двенадцать слов. Спохватился только к ночи, и не оставалось ничего другого, как пойти к коку и заявить, что на завтра я лишаю себя послеобеденного сладкого.

— Не огорчайся, Захар, — сказал кок, узнав, в чем дело. — Ты юнга старательный, и я попрошу товарищей уважить тебя. Завтра в виде исключения мы не сорвем листок с календаря. Нынешний день постараемся растянуть на два дня: завтра снова будет сегодня, и ты успеешь выучить свои слова…

Конечно, я не поверил коку. Разве можно продлить день? Ведь, если не сорвать листок с календаря, мы отстанем от жизни на целые сутки!

Но случилось именно так, как обещал кок. Утром листок с календаря сорван не был, и вчерашний день продолжался еще двадцать четыре часа. Я выучил свои английские слова и получил сладкое после обеда.

Уругвайское солнце

В моем альбоме есть почтовая марка южноамериканского государства Уругвай. На ней изображены косые лучи солнца, ярко озаряющие футбольные ворота и большой кожаный мяч на перекладине ворот. Каждый раз, когда я гляжу на марку, мне трудно удержаться от смеха. И вот почему.

Было начало апреля, в воздухе чувствовалось приближение осени, когда наше судно бросило якорь в порту Монтевидео — столице Уругвая. Я впервые попал в те места и едва дождался минуты, когда получил разрешение сойти на берег: хотелось посмотреть город, а если посчастливится, то и игру знаменитых уругвайских футболистов.

Вместе с нашим корабельным доктором я долго гулял по улицам Монтевидео, а затем мы отправились к стадиону. До начала матча оставалось часа полтора, и доктор предложил провести это время в кафе.

Денек был прохладный, дул свежий ветер. Сообразив, что в такую погоду неплохо посидеть на солнышке, я выбрал место за столиком, на которое не падала тень от полотняного навеса, прикрывавшего кафе. Увы, мне не повезло: еще не подали кофе, а тень от навеса уже вплотную надвинулась на меня.

Вы, наверное, не раз наблюдали, что солнце ходит по небу в ту же сторону, в какую движутся стрелки часов. Я взглянул на небо, затем на навес и перебрался на другое местечко, откуда, по моему расчету, тень только что ушла. Но не успел сделать и трех глотков кофе, как тень снова накрыла меня. «Что за чертовщина!» — подумал я и в третий раз переменил место за столиком. Но тень неумолимо преследовала меня.

— Почему ты скачешь, словно блоха? — спросил доктор.

— Да вот, с солнцем что-то случилось, — пробормотал я, — никак не могу спрятаться от тени… Она должна идти в ту сторону, а идет в противоположную…

Доктор посмотрел на меня и расхохотался:

— Эх, Захар, темный ты человек! А еще собираешься стать капитаном…

Спустя полчаса мы расплатились за кофе и пошли на стадион. Игра была интересной, необычно был устроен и сам стадион. Высокая изгородь из колючей проволоки и наполненный водой широкий ров ограждали футбольное поле от трибун, где гикали, свистели, вскакивали с мест, устремляясь к проходам, палили в воздух из пистолетов страстные уругвайские болельщики. Однако мне трудно было следить за происходящим на поле и на трибунах — я продолжал думать о странном поведении солнца.

Только вернувшись на судно, я понял, почему хохотал мой

спутник, и сам не мог удержаться от смеха. С тех пор, когда я смотрю на марку с футбольными воротами, озаренными лучами уругвайского солнца, я неизменно вспоминаю тень в кафе, и меня одолевает смех.

В небе Индонезии

Прошло несколько месяцев после моего знакомства с солнцем Уругвая. Юнга Загадкин уже не был темным человеком, как тогда его назвал корабельный доктор. Я неплохо изучил повадки солнца и потому не думал, что оно может сыграть со мной еще одну шутку. А оно возьми да сыграй!

Конец декабря застал нас на пути из Суэцкого канала в Индонезию. Мы направлялись к столице этой страны — приморскому городу Джакарта. Команда собиралась встретить Новый год, и ради такого случая в корабельном холодильнике хранилась елочка — дорогая каждому память о родине.

А до Нового года предстояло отпраздновать еще одно веселое событие — переход экватора. Мне уже доводилось пересекать границу между Северным и Южным полушариями, но на судне были люди, впервые попавшие к этому примечательному географическому рубежу. У экватора их ждало свидание с «морским богом» Нептуном и неизбежное принудительное купание. Все мы с удовольствием готовились к этой забавной церемонии.

И вот торжественная минута наступила.

Проревел пароходный гудок, и судовая команда во главе с капитаном выстроилась на баке. Послышалась нестройная, трескучая «музыка» — это выскочившие на палубу полуголые «морские черти», в которых нетрудно было узнать вымазанных сажей матросов, застучали трещотками, забили в кастрюли, сковороды, тазы. Под оглушительные звуки появился владыка океана — Нептун. На нем была шутовская корона, вырезанная из жести и увенчанная бубенцами, в руке он держал трезубец-вилы; густая зеленая борода из пакли ниспадала к босым ногам. Капитан отдал морскому владыке почтительный рапорт, доложил о новичках, явившихся на поклон. Новички по очереди подходили к Нептуну, отвечали на его каверзные вопросы. Затем их кидали в большой чан с водой, а один из «чертей» вручал шуточный диплом свидетельство о переходе экватора.

Было много шума и смеха, особенно когда в чан начали окунать тех, кто уже переходил экватор. Не избежал этой участи и я.

Веселая церемония кончилась. Мы занялись уборкой. Швабры лихо скребли палубу, вода струями лилась по дощатому настилу,

когда, ненароком взглянув на небо, я увидел такое, что заставило меня вскрикнуть: солнце по-прежнему светило с юга, хотя после пересечения нами экватора должно было светить с севера!

Я помнил происшествие с тенью в Уругвае и глубоко задумался. Что случилось? Солнце ведет себя так, словно его не касается столь важное событие, как переход экватора нашим судном… Возможно ли это? Ведь даже самое почтенное и уважаемое небесное светило обязано считаться с законами природы…

Солнце не может ошибаться. Следовательно, судя по его положению в небе, ошиблись мы и экватор еще не перейден?

Вам, конечно, известно, что экватор — граница условная. Она показана черной линией на всех картах и глобусах, но глазами ее не увидишь ни на суше, ни в океане. Ставить на воде опознавательные пограничные знаки, какие-нибудь бакены или буи на якорных цепях обошлось бы дорого, а постоянно следить, чтобы ветры и морские течения не сорвали их с якорей, было бы неимоверно хлопотно. Да и кому нужны такие пограничные знаки? На кораблях есть превосходные приборы, позволяющие точно определить местонахождение судна — точку на скрещении линий широты и долготы.

Неужели подвели приборы и местонахождение корабля вычислено неправильно? Но тогда грозят серьезные неприятности — мы рискуем наскочить на мель или на риф, можем пройти мимо порта назначения.

Надо было предупредить капитана. К счастью, сделать это не удалось.

Почему к счастью? Забегая вперед, скажу, что юнга Загадкин стал бы тогда посмешищем для всей команды. Но мне повезло: на пути попался доктор, с которым я поделился своими догадками.

— Все в порядке, дорогой, — утешил меня доктор. — Экватор перейден, ничего страшного не случилось и с солнцем. А ты по-прежнему темный человек. Конечно, не такой, каким был в Уругвае, но все же темноватый. Иди заканчивай уборку палубы. Нехорошо, когда товарищи трудятся, а ты с работы убежал…

В немногих словах доктор разъяснил мне поведение солнца. Оно поступало правильно, продолжая светить нам с юга, а не с севера.

Спустя несколько дней, уже в Джакарте, мы встретили Новый год. Пошла первая неделя января, мы находились в Индонезии, далеко за экватором, а солнце и тут вело себя так же, как в Северном полушарии, — двигалось по южной стороне неба! И, что всего удивительней, его поведение оставалось совершенно законным!

Там, где часовая стрелка никогда не врет…

Однажды мои часы упали на палубу и хотя не разбились, но начали упорно отставать. Как ни подводил стрелки, я все равно опаздывал к завтраку, обеду, ужину. Коку надоело кормить меня отдельно от всей команды, и он вызвался выверить мои часы, что вскоре успешно сделал. Возвращая часы, он спросил:

— Известно ли тебе, Захар, что на земле есть такая точка, где часовая стрелка может показывать любое время суток и никто не вправе заявить, что она врет? Часовых дел мастера умерли бы там от голода, если бы не поспешили переменить профессию. В этой точке вчерашний день можно считать нынешним или нынешний — завтрашним. Кто-нибудь, например, скажет, что сегодня пятница, другой возразит: нет, суббота! И как ни странно, оба будут правы. Солнце восходит и заходит там лишь раз в году, а день и ночь длятся по многу месяцев. Куда ни посмотришь по сторонам этой точки, всюду увидишь… одну и ту же сторону горизонта. Знаешь ли ты, где находится эта удивительная точка?

— Нет, — ответил я.

— Прискорбно, юнга, весьма прискорбно, — огорчился кок. — Тем более, что таких точек на земле не одна, а две. Правда, на нашем судне ни к одной из них не попадешь, но мореплавателю, особенно такому любителю географии, как ты, все же необходимо знать их точный адрес. Поди спроси у сведущих людей…

За пятнадцать минут из одной части света в другую

Наш корабль стоял в одном из больших портов Европы.

Неожиданно капитан вручил мне пакет, приказал сесть на катер и сдать пакет человеку, живущему в… другой части света. Я выполнил приказ и спустя полчаса вернулся на судно.

О необыкновенном поручении я написал своему старшему брату, сталевару. Вскоре он ответил, что ничего необыкновенного в исполненном мною поручении не находит, потому что сам каждое утро переезжает из одной части света в другую, а каждый вечер возвращается обратно.

По словам брата, он так привык к этим постоянным переездам, что их даже не замечает.

Как вы думаете, где живет мой брат сталевар и в каком порту мне довелось выполнить необыкновенное поручение?

Второй Керабан, или посуху из Америки в Африку

— Что тебе известно, Захар, об упрямце Керабане? — как-то на досуге спросил меня корабельный кок — любитель географических историй и забавных происшествий, связанных с географией.

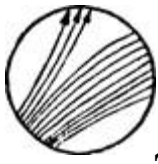
Историю Керабана трудно забыть тому, кто хотя бы однажды читал о ней. И я выложил коку все, что знал о чудаке турке, совершившем самое нелепое по своей цели путешествие. Этот богатый человек торговал табаком в городе Стамбуле, на европейском берегу Босфора, а жил в городе Ускюдаре, расположенном на азиатском берегу пролива, как раз напротив Стамбула. Из простого упрямства Керабан отказался уплатить грошовый сбор за переправу и, вместо того чтобы быстро вернуться домой на лодке, предпочел отправиться в длительную поездку на лошадях вокруг всего побережья Черного моря! Наверное, и вы помните эту историю, занимательно рассказанную писателем Жюлем Верном.

Молодец, юнга! — похвалил меня кок. — А слыхал ли ты о втором Керабане, другом чудаке, который собрался проехать не по воде, а посуху из Патагонии в Южной Америке к… мысу Доброй Надежды в Африке? Как полагаешь, удалось ему осуществить свою затею?

Я поглядел на карту и призадумался. На востоке Патагонию от мыса Доброй Надежды отделяет Атлантический океан, на западе — Тихий и Индийский океаны. На юге лежит Антарктида, отрезанная от остальных материков водами тех же трех океанов. На севере, там, где Америка ближе всего отстоит от Азии, оба континента разделены Беринговым проливом. Помешают чудаку и каналы: Панамский в Центральной Америке и Суэцкий на перешейке между Азией и Африкой.

В самом деле, удалось бы второму Керабану осуществить свою затею и, не садясь на корабли, катера или шлюпки, попасть посуху из Патагонии к мысу Доброй Надежды?

Удивительная река



Для вас, конечно, не тайна, что океанские корабли по рекам не ходят, а если и заплывают в реку, то лишь до морского порта, обычно расположенного невдалеке от ее устья. Однако случилось так, что наше океанское судно успешно прошло по течению реки без малого… десять тысяч километров. Об этом примечательном плавании стоит рассказать.

Мы везли груз из крупного порта на юге Соединенных Штатов Америки в один из портов на севере нашей родины. Переход продолжался около трех недель, и все это время мы держали курс по течению реки.

Река оказалась весьма интересной. Прежде всего она была очень длинная — длинней любой реки, текущей на земном шаре. Глубина ее доходила до 700 метров, в ширину она разливалась местами на 75—120 километров! Понятно, что столь величественный поток нес неимоверно много воды — в двадцать раз больше, чем все остальные реки нашей планеты, вместе взятые! Огромна была и скорость его течения: временами она равнялась 150 километрам в сутки!

Температура воды на поверхности реки превышала 25 градусов. И я не очень удивился, когда узнал от нашего капитана, что могучая река, нагревая над собой воздух, отепляет климат на обширных пространствах нескольких государств.

Капитан добавил, что население этих государств нередко называет реку своею «печкой»: не будь ее, снега и льды покрыли бы многие тамошние земли.

Более поразительным было то, что величайшая из рек не имеет ни твердого дна, ни твердых берегов. Дном и берегами ей служит… вода. Да, вода, но только более холодная, нежели ее собственная.

Никогда бы не поверил этому, если б сам не участвовал в переходе.

Наше судно проследовало по необыкновенной реке от ее начала и почти до конца. Мне удалось выяснить, что в нее впадает всего один приток, однако еще более мощный, чем она сама. Зато от нее ответвлялось несколько рукавов-рек, тоже

глубоких и широких, тоже с жидкими водяными берегами и жидким водяным дном. Я узнал также, что река, по которой мы плыли, не мелеет ни при каких засухах, не разливается ни при каком половодье.

Два или двенадцать?

— Будь другом, Захар, окажи услугу, нужна помощь в одном быстром наблюдении, — с такой просьбой обратился ко мне корабельный доктор, когда мы шли Ньюфаундлендской отмелью у берегов Северной Америки и ненадолго застопорили ход, чтобы принять почту от советского рыболовного судна, промышлявшего там сельдь и треску.

Надо сказать, что наш корабельный доктор не только врач. Команда у нас здоровая, молодцы, как на подбор, болеем редко. Свободного времени у доктора много, и он постоянно занимается научными наблюдениями над жизнью попутных морей и океанов. Помогать таким наблюдениям юнга Загадкин считает своим прямым долгом. Кому, как не мореплавателю, двигать вперед науку о родной стихии!..

Отложил все дела и явился в распоряжение доктора. Взяли мы по градуснику, приладили к ним небольшие грузила, к грузилам проволоки метров двадцать привязали. Затем сверили ручные часы и поспешили в разные стороны: доктор — на корму, я — на нос корабля.

Времени в обрез — судно вот-вот опять полным ходом пойдет. Смотрю на часы, в условленную минуту градусник в воду опускаю, в условленную минуту наверх вытягиваю. Порядок! Тут же быстро записал температуру, бегу в каюту к доктору.

— Сколько у тебя, Захар?

— Два градуса выше нуля. А у вас, доктор?

— Двенадцать выше нуля…

От неожиданности глаза на лоб полезли. Как же так? У носа корабля температура морской воды одна, у кормы — другая? И разница не мала: десять градусов! Может быть, плохо опустил градусник или неверно его показания понял? Неужели на таком легком наблюдении осрамился Захар Загадкин?

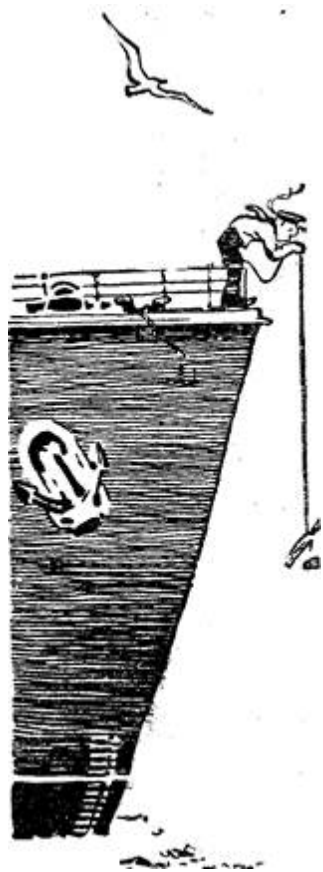
Доктор смотрит на меня, улыбается.

— Озадачен, дорогой? А дело, Захар, простое. Ньюфаундлендская отмель не только рыбой славится. Если в том месте, где мы ход застопорили, одновременно опустить термометры с носа и кормы, они обязательно разную температуру морской воды покажут…

Объяснил мне доктор эту странность. Действительно, когда знаешь, всё удивительно простым оказывается. Теперь сам могу происшествие с градусниками объяснить, если кто-нибудь не догадался, чем оно вызвано…

Пучок стрелок

Скалистый мыс Доброй Надежды остался у нас справа по борту. Спустя часа полтора у подножия знаменитой Столовой горы, и впрямь плоской, словно стол, да к тому же еще накрытой облаком, как скатертью, показалась россыпь построек большого города, называемого англичанами Кейптауном, а голландцами — Капштадтом. Различие в названиях, впрочем, обманчиво: в переводе на русский язык оба слова означают одно и то же: «город близ мыса». В порту этого «города близ мыса» нам предстояло ждать китобойное судно, которому мы везли срочный груз.



Шли последние дни декабря. Вы, конечно, знаете, что в

Южном полушарии многое в природе происходит иначе, чем у нас, в Северном. Солнце и луна ходят по небу не слева направо, а справа налево. Когда у нас лето, в Южном полушарии зима, когда у нас зима, там лето. Знал это и я, но все же было непривычно, что в канун Нового года жарко печет солнце, люди одеты легко, а в порту продают красные помидоры, свежие яблоки…

По своему обыкновению, свободные часы я отдал знакомству с новым для меня городом. Ничего лестного сказать о Кейптауне не могу: пыльные и узкие, почти без зелени улицы, неподалеку от нарядных и красивых зданий стоят жалкие и убогие хибарки. В хороших домах живут белые хозяева страны, в лачугах — остальное население.

Что ни шаг попадаются на редкость противные надписи: «Не для цветных», «Только для белых», «Только для черных». Такими надписями «украшены» городские троллейбусы и автобусы, кинотеатры, рестораны, парки. Даже вспоминать об этих надписях неприятно.

Во время одной прогулки по Кейптауну я забрел на городской пляж, прилег на горячий песок и долго смотрел на синее море и такое же синее небо. Пенистый прибой с веселым говором рассыпался у моих ног, вода манила прохладой, и мне захотелось выкупаться. Я разбежался и нырнул под волну. Однако тут же пришлось плыть обратно — вода была не по-летнему студеная. Только тогда я заметил некоторую особенность пляжа: на песке лежало довольно много людей, но никто не купался.

Я решил побегать по пляжу, чтобы быстрее согреться. Неожиданно меня остановил смуглолицый юноша.

— Наверное, вы моряк с советского судна, я сужу об этом по вашей фуражке, — произнес он по-английски. — Я очень люблю вашу великую страну, где не смотрят на цвет кожи человека, и прошу передать ей мой привет. А на городском пляжа купаться не советую: вода здесь чрезмерно холодна. Садитесь в автобус, и за полчаса вас доставят на соседний, пригородный пляж, где вода более теплая…

— Странно и непонятно, — сказал я, — пляжи соседние, а температура воды различная… В чем тут секрет?

— Не знаю, — ответил юноша. — Я малаец и учился в школе всего два года. Объяснить секрет не могу, но поезжайте на другой пляж, и вы сами убедитесь в этой странности…

Не в моей натуре отказываться от раскрытия таинственного, и я решил немедленно последовать совету молодого малайца. Я пригласил юношу отправиться со мной, но он не принял приглашения.

У меня будут неприятности, — заявил он. — Хозяева нашей

страны не терпят, когда цветные ездят в одной машине с белыми. А я цветной, мой прадед был рабом, привезенным сюда с островов Малайского архипелага.

Пришлось расстаться с новым знакомым и одному сесть в автобус.

Машина покинула городские улицы, вырвалась на шоссе, и вскоре мы оказались в пригородном районе, застроенном красивыми особняками и санаториями. Вдоль побережья тянулись рестораны, кафе, пляжи.

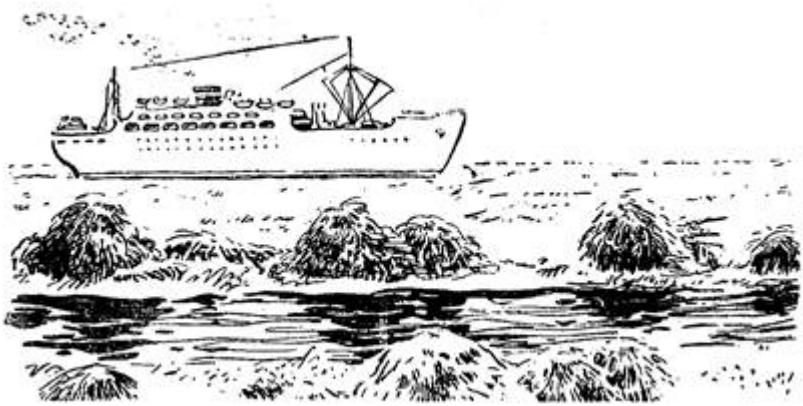
У одного пляжа я вылез, быстро разделся и кинулся в воду. Она была теплая! Купание доставило много удовольствия, но тайну теплой воды я не раскрыл. Так же как в городе, к пляжу подступали горы, одинаково грело солнце и такой же прибой шумно плескался у кромки берега.

Вернувшись на судно, я спросил капитана, почему на пляжах Кейптауна морская вода имеет различную температуру.

Вместо ответа капитан распахнул передо мною атлас. Я увидел мыс Доброй Надежды, черный кружок, обозначающий город Кейптаун, а на море вблизи мыса — пучок цветных стрелок. Одни стрелки тянулись к мысу из Мозамбикского пролива, другие — из Южной Атлантики. И мне стало ясно, почему на городском пляже вода была холодная, а на пригородном теплая.

Почему я не стал владельцем попугая Жако

На рассвете я выбежал на палубу и был поражен видом моря. Насколько хватало глаз, оно было покрыто оливково-зеленой травой. Легкий ветерок колыхал травяные заросли, местами перемежавшиеся густо-синими полосами воды. Не было сомнения, мы плыли по огромному лугу! Я любовался редким зрелищем, когда внезапно душу мою обуял страх: не запутается ли киль корабля в бесчисленных растениях? Ведь тогда мы надолго застрянем в диковинном море-луге…



Я спустился в камбуз, где кок готовил у плиты оладьи к утреннему кофе, и высказал свои опасения.

Кок ухмыльнулся.

— Не ты первый, Захар, кого смущает это море, — произнес он, протягивая мне кружку дымящегося кофе. — В тысяча четыреста девяносто втором году один знаменитый мореплаватель был удивлен не менее тебя, когда впервые увидел эти изумрудные луга. Странный звук, с которым корабли разрывали зеленый ковер травы, напугал матросов, и, как ты, они боялись, что суда будут опутаны плавающими растениями. Однако все обошлось благополучно. Знаменитый мореплаватель выбрался из этих мест, а будущее показало, что растения нисколько не мешают судоходству. Бесспорно не застрянем и мы. Поэтому выпей горячего кофейку, Захар, и забудь о своих

опасениях. Нам грозит иная, более серьезная неприятность: у моря, по которому мы плывем, нет берегов!

— Как — нет берегов? У всех морей есть берега…

— У всех есть, а у этого нет. История не знает мореплавателя, который хотя бы раз высаживался на его берегах. Если юнге Загадкину удастся увидеть их, пусть даже на горизонте, это будет величайшим географическим событием! Тогда я, скромный корабельный кок, тоже ознаменую твое открытие — подарю тебе своего попугая!

Кто бы отказался от возможности сделать величайшее открытие, да еще получить в подарок серого Жако — любимца всей команды? Только не юнга Загадкин! И все свободное время я торчал на палубе, терпеливо ожидая минуты, когда на горизонте покажутся берега луга-моря. Мне было все равно, какими предстанут они глазам первооткрывателя — скалистыми или песчаными, высокими или низменными, обитаемыми или безлюдными, — но я должен был увидеть их во что бы то ни стало, ведь моря без берегов не может быть!

Увы, дежурства на палубе оказались напрасными! Мы пересекли море с востока на запад, и я с огорчением убедился, что ни на востоке, ни на западе оно действительно не имело берегов. На обратном пути мы прошли это море с севера на юг, но на севере и юге у него тоже не было берегов!

Я так и не стал владельцем серого попугая Жако.

Таинственный механизм

Техника в наше время достигла великого совершенства. Какие только машины и механизмы не придумал человек, чтобы облегчить свой труд! Вы, живущие на суше, конечно, знакомы с ними лучше меня, мореплавателя. Юнга Загадкин в машинах разбирается слабо, раньше разбирался и того меньше, потому и произошла история с таинственным механизмом, о которой вы сейчас услышите.

Плыли мы тогда Охотским морем и везли груз для одной геологоразведочной партии, работавшей вблизи побережья этого моря. В корабельном трюме стояли тракторы-тягачи, буровые станки и другое тяжелое оборудование. Упоминаю о его тяжести потому, что с нею связано первое мое знакомство с этим таинственным механизмом.

Подошло наше судно к месту, где надо выгружать оборудование, останавливается примерно в полукилометре от берега. Что такое? Оказывается, впереди мелководье, хода кораблю нет.

Берег холмистый, поодаль, у подножия холмов, виднеется поселок: беленькие домики, склады, постройка с трубой, похожая на электростанцию. Между поселком и морем — пустынная полоса галечного пляжа. А от пляжа тянется в воду длинный деревянный причал на сваях. К причалу бежит народ, машет платками и шапками. Должно быть, заждались нас геологи…

Причал длинный, да что пользы? Из-за мелководья с моря к нему не подойдешь… Неужели придется перегружать ящики со станками, тракторы и все прочее в шлюпки, а потом вручную поднимать на причал? Тяжелая будет работенка! Конечно, юнга Загадкин от нее не откажется, но кому охота лишнее делать? Ведь на судне есть лебедка; подойди оно ближе к причалу, без труда выгрузили бы все, что нужно геологам…

До того огорчило меня неожиданное мелководье, что сзывают на обед, а о еде думать не хочется,

— Чем опечален, Захар? — интересуется кок. — Сегодня твой любимый суп с фрикадельками, а ты нос воротишь…

Пристал ко мне кок, не отстает, пришлось поделиться своими мыслями.

— Обидно, — говорю, — неужели будем выгружать вручную? И это в наш век механизации! И только потому, что море мелко…

— Отчего вручную? Море мелко — беда невелика. У здешних геологов специальный механизм имеется. Пока отобедаем, они его в действие пустят, подбросят водицы к причалу, тогда и к берегу подойдем…

Верится с трудом, да возразить нечего. Обедаю, ем суп с фрикадельками, потом макароны с мясом, компот, а сам поглядываю в иллюминатор: не прибавилось ли воды у причала? Нет, не прибавляется. Похоже, даже малость убавилось.

Пообедал, занимаюсь разными делами, однако нет-нет, а брошу взгляд на берег: как там обстоит?..

Прошло часа три. Действительно, начала прибавляться вода у причала.

Волна за волной подкатывается к пляжу. Значит, впрямь у геологов специальный механизм имеется и пустили они его в действие? Еще час прошел.

Стало наше судно двигаться к берегу. Воды столько, что к самому причалу подошли! Да и галечный пляж залило порядочно, почти к поселку вода подобралась, посуху от причала туда и не проберешься…

Заработала корабельная лебедка, быстро перенесла на причал тракторы, ящики со станками и все остальное.

Только закончили выгрузку — снова отходим в море. И вовремя: машина геологов в обратную сторону действовать стала — опять убавляется уровень воды у причала. Ясно, геологам теперь надо оборудование к поселку доставить, вот и решили подсушить пляж. Умно работают люди, с толком…

Очень захотелось мне посмотреть механизм, который то поднимает, то опускает воду, но сколько ни рыскаю глазами по побережью, не видать механизма. Не вытерпел, обращаюсь к коку, прошу показать, где стоит эта могучая машина.

— А ты не туда смотришь, Захар…

Обернулся, взглянул на открытое море. И там ничего нет, только волны плещутся…

А кок подзадоривает:

— Ищи, ищи, это на редкость замечательная машина, стоит посмотреть. Никогда в ремонте не нуждается…

— Да где ж она?

Кок неопределенно развел руками, показывая словно бы на небо. Смеется, что ли? Конечно, и там машины не видать. Клонится солнце к прибрежным холмам, идет на закат, в стороне бледно светится серп молодой луны. А больше ничего на небе нет. Не за облака же подняли геологи свой таинственный механизм?

— Не вижу, — признаюсь коку. — Может быть, у них механизм-невидимка?

— Почему — невидимка? Это ты плохо смотришь, Захар. Механизм виден отчетливо…

Вот так механизм! Ну, да нет тайн, которые нельзя было бы раскрыть. Теперь-то я хорошо знаю, что это за механизм, где он находится, как устроен и какая сила приводит его в действие. Геологи, оказывается, были ни при чем, они только пользовались, а не управляли этим механизмом… Обидную ошибку я допустил. Но ведь это было давно, в одно из первых моих плаваний.

Чудеса в решете

Как всякий более или менее известный человек, я нередко получаю письма от незнакомых людей. Одно из таких писем поставило меня в довольно затруднительное положение. Поэтому, прежде чем собрать мысли для ответа, хочу посоветоваться с вами. Вот это письмо:

«Дорогой товарищ Загадкин! Ты любишь рассказывать разные географические истории, задавать вопросы, над которыми приходится думать. Это неплохо, а умеешь ли сам отвечать на подобные вопросы? Если умеешь, объясни, пожалуйста, следующее непонятное происшествие.

Случилось оно на отлогом берегу одного морского залива, далеко вдающегося в сушу. Увидел я на том берегу с полсотни, если не больше, высоких деревянных столбов, забитых в каменистый грунт, а на столбах — сети, натянутые для просушки. Поначалу все показалось простым и ясным — готовят рыбаки снасть перед выходом в море. Однако подошел к столбам ближе, замечаю первую странность: очень уж прочно сети к ним прикреплены. Мало того, что гвоздиками приколочены, так еще канатами к особым колышкам привязаны. Неужели тут ветер такой сильный, что боятся рыбаки, как бы не унес их добро? Осматриваю местность внимательней и вижу вторую странность: далековато рыбаки свои сети повесили — километрах в двух-трех от моря. Сети большие, тяжелые, нелегко будет тащить их к воде. Да и лодок поблизости не видать, это тоже удивительно. Где рыбаки, там лодки быть должны. А тут ничего, хоть бы в насмешку ялик какой-нибудь вверх днищем лежал…

Около столбов грузовичок стоит, люди работают. Сети обсохли, значит, сейчас их снимать будут. Придется повозиться рыбакам, гвоздики обратно выколачивать, канаты от колышков отвязывать. Но нет, явно не тем люди заняты. Залезли на лесенки, еще прочней прикрепляют сети. Взяло меня любопытство, спрашиваю, что они у столбов делают.

— Рыбу готовимся ловить, сельдь или треску. Снасть в порядок приводим.

— А зачем сети крепите? Их снимать надо, а вы наоборот поступаете…

— Снимать? Первый раз о таком слышим… У нас сети на берегу стоят всегда, мы их перед ловом со столбов не снимаем…

— Да вы что, шутите? Разве сельдь или треску на суше ловят?

— А почему бы не ловить, если, скажем, лодок нет? Все наше снаряжение — вот эти столбы, сети да еще грузовик, а раньше

вместо него телеги были. Мы такого обычая не знаем, чтобы за рыбой в море ходить, нам это без надобности. Наша рыба сама на берег приходит.

— Да как же рыба сюда придет? Сети здесь, а море вон где!

— Не так уж далеко до моря, всего километра два с половиной. Что для рыбы такое расстояние? Сущий пустяк!

— Хорош пустяк! Что ж ей, посуху к сетям добираться?

— А это не наша забота, — отвечают рыбаки. — Наша забота добычу взять.

Заинтересовал меня такой способ ловли. Кончили работать рыбаки, сели в свой грузовичок и уехали, а я взобрался на выступ скалы, покуриваю трубку, выжидаю, что дальше будет. И вообрази, товарищ Загадкин, ведь пришла рыба к сетям! Да еще сколько, все ячеи забила! А потом рыбаки на машине вернулись. Спрыгнули на камни, давай рыбу в кузов кидать. Подлинно чудеса в решете — морскую рыбу на суше ловят!

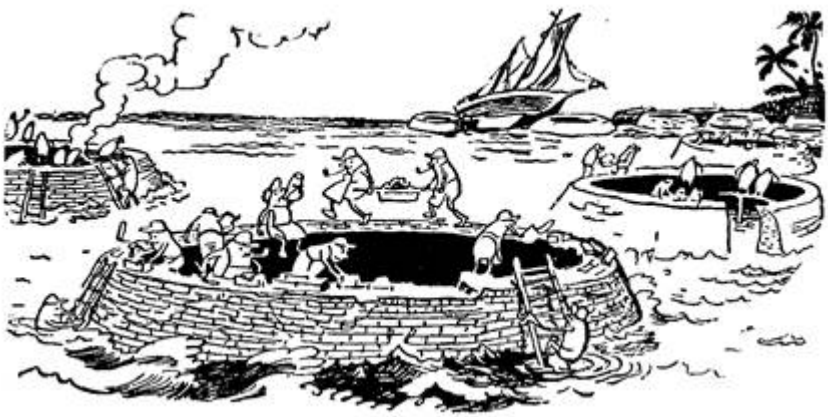
Немало диковинного видал я на белом свете, а такого, как в том заливе, видеть не приходилось. Что ты скажешь, уважаемый товарищ Загадкин?»

На этом письмо кончается. Призадумался я. Действительно, что скажет товарищ Загадкин? Может быть, он и не знает, что сказать…

Никудышные строители

Множество островов повидал я в морях и океанах. Думается, не преувеличу, если скажу, что сумел бы доклад об островах в научном собрании сделать. Начал бы воображаемый доклад так: «Разные острова мореплавателю встречаются, всех и не перечислишь. А у каждого острова — своя история. Географы знают, в какое время и по какой причине он возник, был ли некогда частью материка, рожден ли извержениями подводного вулкана или он просто-напросто вершина огромной горы на дне океана.

В моем докладе речь пойдет не об этих родственниках материков, вулканов или подводных гор, а об островах… построенных. Самому удивительно, но есть и такие, на них немало людей живет, большие деревья растут, домашние животные водятся. О строителях этих островов и поделюсь своим мнением.



Прямо скажу: никудышные строители! Сооружают острова из поколения в поколение с незапамятнейшей поры, а ремеслу своему как следует не научились. Хорошо еще, что в наших морях они этим делом не занимаются. Климат, видите ли, неподходящий: они к теплым водам привычны, а наши воды холодные. Ну и очень хорошо, что неподходящий. Не нужны нам никудышные работники…

Чем же плохи строители этих островов?

Во-первых, возводят свои сооружения в разных местах, но

всюду одинаково, по одному проекту. Мореплаватель без ошибки определит: опять их работенка! Да и трудно ошибиться: все острова на манер кольца или овала сделаны, как бублики друг на друга похожи.

Во-вторых, строят небрежно, об удобстве будущих жителей-островитян нисколько не заботятся. Ладно, нет другого проекта — будь по-вашему, сооружайте свое кольцо-баранку, но, по крайней мере, работайте чисто! Нет, они возведут берега, поднимут невысоко над водой, а замкнуть кольцо забывают. Остаются в нем узкие щели-проходы, в которых соленая морская вода плещется. Середину острова вовсе не застраивают, на любом внутреннее озеро увидишь. В центре острова могли бы люди жить, а там вода!

Еще в одном упрекну строителей. Часто, приступая к сооружению, начинают берега выкладывать, но в разгар работы от своего замысла отказываются. В море никому не нужные стены оставляют, иногда длиной в сотни километров, да и ширины порядочной. Куда это годится? Верхний край этих горе-построек над водой возвышается, буруны возле него кипят, белой пеной брызжут. Стена как барьер: ни кораблю пройти, ни лодке проплыть, из-за нее к другим островам порой добраться невозможно. Безответственные строители, бракоделы, иначе не назовешь…

Правда, нет худа без добра. У островного берега нередко замечательные подводные сады встречаются. Раньше трудно было ими любоваться, теперь, когда изобретены резиновые маски и ласты, прогулка по такому саду — удовольствие. Каких только диковин не насмотришься!

Колышутся пучки зеленых или коричневых водорослей, обвивая узорчатые, похожие на кружево ветки и стволы красного, лилового, белого, розового, черного цвета. Проплывают забавные рыбки, перевертывающиеся с боку на бок, неуклюжие рыбы-шары, быстрые рыбы-возничие с длинной нитью на спине. Медлительно передвигаются прозрачные колокола и купола медуз. Высунув волокнистые щупальца, ползут по дну оранжевые, желтые, красные морские звезды. Шевелят острыми иглами черно-фиолетовые морские ежи, играет плавниками радужный морской петух. Повсюду раковины, большие и маленькие, среди них попадаются жемчужницы. К самому дну прижались тридакны — огромные раковины с широкими створками, меж которых видны красные, желтые или зеленые складки тела их хозяина-моллюска.

Одна такая раковина у меня в сундучке хранится. Доставал со дна не сам, а выиграл на спор у матроса с нашего судна, тоже знатока географии. Как и почему выиграл, расскажу при случае —

история любопытная, но отношения к островным строителям не имеет».

В этом месте моего воображаемого доклада кто-либо из слушателей наверняка перебил бы меня такими неуважительными словами:

«Товарищ юнга Загадкин, выступаете вы не у себя в кубрике, а перед представителями науки. Наговорили нам с три короба, а о главном не сказали: кто эти никудышные строители, отчего не сменят проекта, по которому острова возводят? Ведь если сами не умеют, могли бы толковых инженеров пригласить…»

Ну и ехидный вопрос предъявят мне в научном собрании! И тут мой воображаемый доклад придется прервать. Кто строители, почему к инженерам не обращаются, ответить могу. Но вот отчего именно кольцом берега выкладывают, этого не скажу. Да и кто скажет? Крупнейшие ученые по-разному происхождение кольца объясняют. Смешно такой каверзный вопрос юнге задавать, а ведь непременно зададут! Потому и доклада об островных строителях в научном обществе не делаю, только вам свое мнение высказываю.

О чем молчат карты морей и океанов

Карты морей и океанов рассказывают о многом. Даже те, что напечатаны в школьных географических атласах, говорят о важнейших глубинах и отмелях, о холодных и теплых течениях, проливах и заливах, больших и малых островах. Когда я учился в пятом классе, был у меня сосед по парте, который всерьез выражал недовольство этими картами, заявляя, что в них уйма лишнего. «К чему людям знать о горном хребте на дне Атлантического океана, — возмущался он, — или о подводных впадинах в Тихом океане?»

Бедняга не подозревал, что есть еще более подробные карты, где указаны все острова, вплоть до самых крохотных, все глубины и мели, все рифы и отдельные крупные камни, возвышающиеся над водой. И хорошо, что есть! Такими картами пользуются капитаны и поэтому уверенно ведут свои суда по любому морю или океану, не опасаясь потерпеть крушение.

Мореплаватель без карт — что человек без глаз. Я понял это сызмальства и с той поры собираю карты. У меня уже составилась изрядная коллекция с интересными редкостями вроде путеводных карт древних египтян и других мореходов далекого прошлого. Коллекцией я горжусь; мне нравится, что корабельный доктор почтительно называет ее «Картохранилище имени юнги Загадкина».

В минуту досуга нет лучшего удовольствия, чем рассматривать карты: непременно отыщешь что-либо неведомое и добрым словом помянешь их составителей — картографов. Великую работу проделали эти люди! И я от души негодую, когда иной матрос-новичок, не подумав, начнет упрекать составителей карт.

Идет такой новичок в свое первое плавание, ни о чем не тревожится и вдруг неожиданно слышит, что наперерез нашему курсу из тумана встает остров, не помеченный на карте! Испугается новичок, струхнет и давай честить картографов: и такие они, мол, и сякие, и этакие…

Что верно, то верно. Даже на самых подробных и подробнейших картах не показано местоположение многих островов, не раз виденных с борта различных кораблей: грузовых, пассажирских, рыболовных, военных и — это может показаться особенно странным — научно-исследовательских! Во всех океанах

и некоторых морях встречаются такие острова, причем не ничтожные, а подчас весьма крупные, в десятки километров длиной, да и ширины порядочной. Попадаются острова длиной и в 120, 150, 170 километров! Их видели, фотографировали, а карта молчит, будто островов в помине нет, даже имен им не дает.

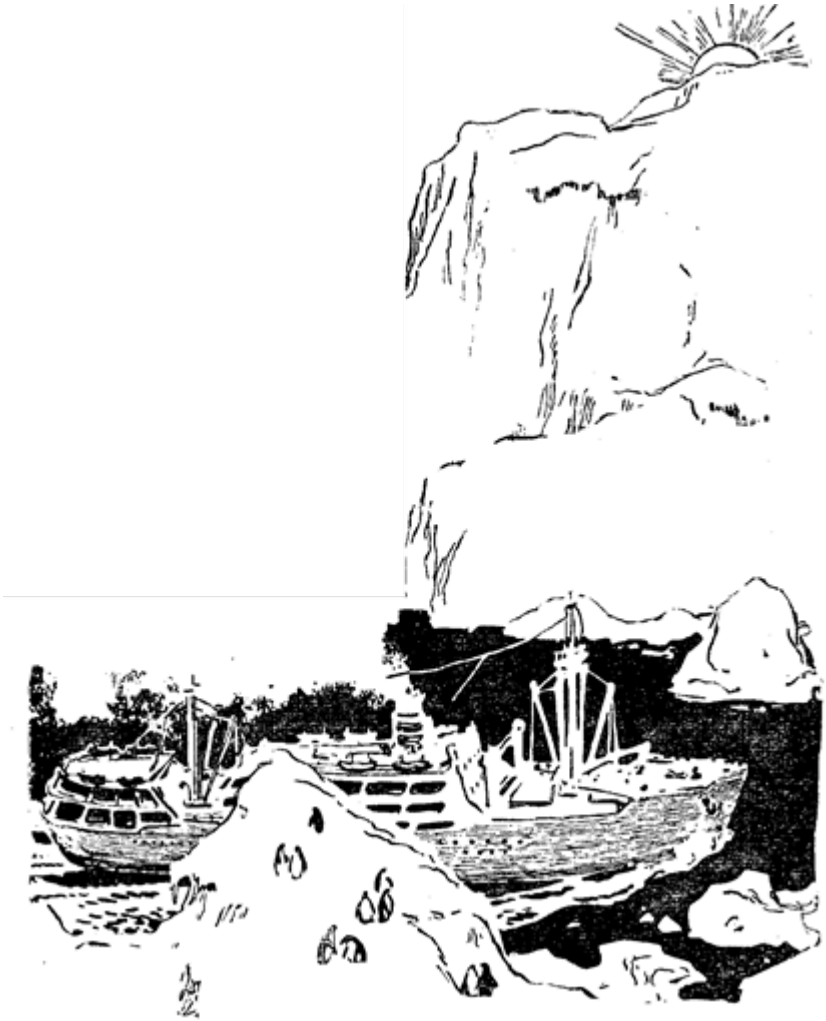
Послушать перепугавшегося матроса-новичка — словно бы возразить ему нечего. Действительно, тысячи, десятки тысяч островов не помечены на карте. А ведь это еще не всё: каждый год появляются новые и новые, не признаваемые картографами острова. Возникают целые архипелаги, состоящие из множества островов, — кораблям приходится с большим риском пробираться по незнакомым архипелагам: малейшая неосторожность, и неизбежна авария, а то и гибель судна.

Что же, выходит, прав матрос-новичок, упрекающий составителей карт? Ведь это они не наносят на карту опасные острова, ограничиваясь тем, что цветной прерывистой линией обводят обширные районы, где много таких островов.

Мне довелось наблюдать безымянные острова. Обычно они гористые или холмистые, с отдельными вершинами иногда высотой в десятки метров. Нередки столовые горы, с плоской поверхностью, круто обрывающейся по краям. С вершин стекают ручьи пресной воды, на некоторых островах бывают неглубокие озера, тоже пресные. Около полувека назад огромный океанский корабль наскочил ночью на один из безымянных островов и пошел ко дну. Погибло полторы тысячи человек!

Интересуетесь, обитаемы ли острова? Нет, не обитаемы, люди на них не селятся. Там ничего не растет: не то что деревьев или кустарников — травинки не найдешь ни весной, ни летом, ни осенью. На побережье, порой на горном склоне можно заметить морского зверя, например тюленя, или птиц — альбатросов, буревестников, пингвинов…

Островов остерегаются, чтобы в туман или непогоду не наткнуться на них, а на картах их нет, хотя те районы океанов и морей, где можно встретить такие острова, хорошо изучены. Есть места на земном шаре — они тоже достаточно известны, — которые называют «фабриками» этих островов. Одна из «фабрик» выпускает свыше тысячи островов в год, другая еще больше. Есть «мастерские», где острова производятся в меньшем количестве, но также из года в год.



В чем же дело, почему упорствуют составители карт? А дело в том, что у всех островов, о которых идет речь, имеется общий недостаток: они недолговечны. Иные острова существуют всего несколько месяцев или год, другие — до десяти лет. Те, что помельче, погибают быстрей, те, что покрупнее, сохраняются дольше. «Фабрики» и «мастерские» готовят их недостаточно прочными: острова постоянно разрушаются, от них откалываются кусок за куском, утес за утесом, их размывают ручьи, текущие с вершин. Остров постепенно уменьшается, а затем вовсе исчезает в пучине вод.

Вот почему я от души негодую, когда новичок-матрос начинает с перепугу упрекать и честить составителей карт. Негодую и тут же пытаюсь объяснить, что картографы не

виноваты, что они ни при чем. Конечно, бывалому юнге вроде меня не трудно дать такое объяснение матросу-новичку. А доведись вам оказаться на моем месте, что бы вы сказали этому человеку? Может быть, и вас напугала бы внезапная встреча с неизвестным островом, встающим из тумана?

Путешествие во времени

У многих людей есть любимое время года. Одним нравится лето, другим зима или весна. Кто любит загорать на солнце, а кто — ходить на лыжах. Встречаются чудаки, которые предпочитают дождь и слякоть любой хорошей погоде. Я знавал человека, которому доставляла удовольствие… прогулка в густом тумане; заветным желанием этого человека было побывать в Лондоне, где такие туманы более часты, нежели у нас ясные солнечные дни.

Что касается меня, то я одинаково люблю лето и зиму, весну и осень. У каждого времени года свои достоинства, свои недостатки. И я спокойно ожидаю, пока произойдет очередная смена.

Но вот однажды, менее чем за сутки, мне удалось повидать и лето, и зиму, и осень, и весну.

Приходилось ли вам путешествовать во времени? Само собой разумеется, не в вымышленных «машинах времени», нередко описываемых в фантастических романах, и даже не в советских реактивных самолетах, которые за немного часов способны перенести нас от холодного Полярного круга к знойному экватору, а в машинах самых простецких, вроде обыкновенного, всем хорошо знакомого городского или пригородного автобуса.

Конечно, на таком автобусе не съездишь, скажем, в XXX век или, наоборот, в эпоху, когда на Земле не было человека и на ней хозяйничали гигантские животные — различные динозавры, бронтозавры, ихтиозавры и прочие подобные им завры. Поехать в гости к нашим отдаленным первобытным праотцам или навестить будущих столь же отдаленных праправнуков, к сожалению, еще невозможно. И все же путешествие во времени вполне осуществимо и в наши дни. Вы сомневаетесь? Напрасно: именно такое путешествие посчастливилось совершить Загадкину.

Было это… Впрочем, умолчу пока о том, где это было. Наш корабль зашел в порт одного курортного города на берегу теплого советского моря. А мой старший брат, сталевар, о котором вы уже знаете, приехал отдыхать как раз в этот город. Ради такого случая капитан разрешил мне трехдневный отпуск.

Брат мой тоже любитель путешествий, это у нас семейная черта, а жизнь сложилась так, что плавать по морям или океанам ему не приходится. Зато все свободные часы он отдает прогулкам

в лес и горы, а потому хорошо знает природу.

Встретились мы, беседуем. Послушал брат рассказы о моих приключениях и говорит:

— Плавать по морям, конечно, очень интересно, но и на суше есть немало любопытного. Хочешь, возьму тебя в небольшое сухопутное путешествие, покажу такое, чего на море ты никогда не встречал?

Надо ли добавлять, что я немедленно согласился! И вот на следующее утро отправляемся мы на площадь, к остановке местных автобусов. Забыл сказать, что дело происходило ранней осенью. Прилавки и полки в городских магазинах завалены свежими яблоками, грушами, сливами, на приморском бульваре — пышные южные цветы, большие и яркие. В садах дозревает виноград, золотятся мандарины и апельсины. Словом, осень во всей красе и великолепии!

Сели в автобус, едем мимо пригородных колхозов. Урожай на полях снят, придорожная трава успела выгореть, пожелтеть, поодаль видно сено, сложенное в стога. В машине жарко, дышать нечем; спасибо, ветерок иногда налетит — принесет некоторое облегчение.

Проехал автобус час, полтора, и окрестная природа переменилась. Ранняя осень уступила место лету. Трава стоит зеленая, высокая, еще не кошенная. Садов меньше, яблоки и груши на деревьях только наливаются соком, мандаринов и апельсинов вовсе не видать.

Едем еще часа три или четыре. В воздухе заметно похолодало, по сторонам дороги словно бы уж не лето, а весна. Травка совсем молоденькая, только-только поднимается над землей. И еще сюрприз: на одной остановке продают фиалки — цветы весны! Ну-ну, думаю, может быть, дальше и подснежники появятся?

Так и есть, на следующей остановке стоит старушка в платке, продает подснежники! Что же это такое? Выехали осенью, проехали через лето, теперь проезжаем весну, да еще раннюю, с подснежниками! Уж не в зиму ли мы катим?

Тут, как бы подтверждая мои опасения, кондуктор принялся закрывать окна в автобусе. «Теперь не лето, граждане», — говорит, и никто из пассажиров не возражает: зябко в машине. За окнами туман, такой густой, что невольно вспомнилось о чудаке знакомом: вот бы он получил удовольствие — в двух шагах ничего не разглядишь…

Пробились сквозь туман — новая неожиданность: весны и в помине нет. Все вокруг белым-бело. По шоссе снежная позёмка бежит, у обочин — сугробы… Здравствуйте, приехали в зиму!

Раскрыл брат чемоданчик, вытащил фуфайку, протягивает мне.

— Как, Захар, — спрашивает, — поедем дальше или вернемся обратно?

Подумал я, как бы не завез нас автобус в такой холод, где и замерзнуть нетрудно, — с нами ведь ни ватников, ни валенок…

— Нет, — отвечаю, — давай вернемся.

Вылезли мы на ближайшей остановке, поджидаем встречный автобус. Холодно до того, что зуб на зуб не попадает. Переминаемся с ноги на ногу, приплясываем под деревянным навесом возле остановки. Наконец показался автобус. Сели мы в машину, и все пошло сначала, только в обратном порядке. Из зимы приехали в весну, из весны — в лето, а из лета — опять в раннюю осень, на ту самую городскую площадь, откуда утром отправились в путешествие.

Так менее чем за сутки удалось побывать сразу во всех четырех временах года! На прощание брат сказал, что «путешествовать во времени» можно не только из приморского города, где мы встретились, но во многих других районах нашей страны, от которых до моря тысячи километров. И не только на автобусах, но даже пешком!

«Кто ищет, тот всегда найдет!»

— Помоги, Загадкин, отнести багаж товарищу ученому, — услышал я приказание капитана, когда прощальным взглядом окидывал медленно удалявшиеся дома и бульвары Одессы. Мы уходили в далекое плавание, и, как всегда, было грустно расставаться с родными берегами. «Прощай, Одесса!» — подумал я и побежал выполнять приказание.

Рядом с капитаном стоял долговязый человек с рыжеватой бородкой на молодом симпатичном лице. Шесть чемоданов лежало у его ног.

Тяжелыми оказались чемоданы, но в два захода мы благополучно перетащили их в отведенную ученому небольшую каюту.

— Спасибо, юнга, — сказал он. — Судьба свела нас недели на две, на три. Вы, как я догадываюсь, моряк бывалый, потому прошу не отказать в покровительстве. Предупреждайте, пожалуйста, когда будем проходить местами особенно примечательными, я этим путем еду впервые…

Конечно, я был польщен таким предложением. Юнга Загадкин будет покровительствовать ученому. Не скрою, за время плавания, может быть, даже немного надоел ему, вызывая на палубу каждый раз, когда должно было показаться что-либо заслуживающее внимания.

Прошло немного времени, и мы сдружились. Парень он был веселый, постоянно напевал песенку из фильма «Дети капитана Гранта». Стоит на палубе, смотрит на волны либо на берег, поглаживает бородку и вполголоса напевает: «Кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет!»

Мы уже прошли Дарданеллы — пролив, соединяющий Мраморное море с Эгейским, — когда я спросил молодого ученого, куда он путь держит.

— На экватор, — отвечает. — У меня туда научная командировка от нашего института.

— А какая у вас специальность, если не секрет?

— Секрета нет. Я гляциолог, попросту говоря, лёдовед. Имеется такая наука — гляциология, льды изучает.

— А разве на экваторе есть льды?

— Говорят, что есть, — улыбается ученый.

Спорить с учеными не рискнул, но про себя посмеиваюсь.

Я-то не раз бывал на экваторе, пересекал его в Тихом океане, в Индийском, в Атлантическом, знаю, какая стоит погодка на этой условной линии, опоясывающей земной шар. Пропадешь там от пекла и духоты!

Дожди и то не в облегчение: дышать все равно нечем. Да что долго рассказывать — термометр круглый год свыше двадцати градусов тепла показывает. А этот чудак собрался там льды изучать! Ледорубы в чемоданах везет, теплую одежду… Ему бы на Крайний Север или, наоборот, в Антарктику поехать, а он на наше судно сел, — мы ведь к экватору направляемся, оттуда к мысу Доброй Надежды, потом к тропикам Бразилии пойдем. Где уж ему с нами льды искать!

— А вы на экваторе бывали когда-нибудь? — вежливо спрашиваю, а сам продолжаю недоумевать.

— Нет, не приходилось, все больше за Северным Полярным кругом работал.

«Ну, там место подходящее», — думаю, а возразить не решаюсь: он ученый, я юнга.

Правда, среди ученых встречается немало рассеянных людей. Но, как я слышал, рассеянность обычно свойственна людям пожилым — академикам или докторам наук, — а этот, с рыжеватой бородкой, совсем молодой, даже научного звания еще не имеет. Впрочем, может быть, не он рассеянный, а те, кто послал его изучать льды на экваторе? Скажи на милость, не туда командировку выписали! Вот ему сюрприз будет, когда попадет на экватор!

А время движется, движемся и мы. Прошли Суэцкий канал, плывем Красным морем. В воздухе все теплее становится. Смотрю — начал сбрасывать с себя одежду мой ученый. Пиджак снял, рубашку, остался в майке. Потом брюки скинул, ходит, долговязый, в одних трусах. Интересно, как он на экваторе ледоруб свой носить будет? Неужели прямо к трусам приспособит?..

Жарко ему, но ничего, держится, не унывает. Шагает по палубе почти нагишом, бородку по-прежнему поглаживает и все песенку ту же напевает: «Кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет!»

Как же, найдешь льды на экваторе! Жаль мне стало ученого: как бы для его исследований и опытов не пришлось юнге Загадкину кубики льда из холодильника у кока выпрашивать…

Вот и экватор пересекли. На палубе все раскалено, солнечные лучи падают на нее почти отвесно, в полдень тени вовсе нет, в остальные часы она тоже невелика — никуда не спрячешься от душного зноя. Приуныл от жары и ученый, погрустнел заметно. Я уже собрался открыть парню глаза на приключившуюся с ним беду, но тут подходит наше судно к гавани Момбаса, что немного южней экватора, а он как раз и просит высадить его в этом порту.

Ну, прикидываю, наконец-то сам сообразил! Высадится в Момбасе, подождет обратного судна на родину, поедет в свой институт командировку переписывать, скажет там: «Куда же вы, братцы, послали меня!» Вот смеху будет в научном мире!

В Момбасе помог я молодому ученому чемоданы на берег переправить, тепло попрощался с ним. Душа за него болела, да что мог сделать? Потом другие происшествия отвлекли меня, постепенно забыл о хорошем попутчике.

Прошло месяцев десять, раскрываю как-то газету, а оттуда знакомое лицо смотрит! Бородка в газете, конечно, не рыжеватой, а черной получилась, но своего ученого сразу признал! Там же и его статья напечатана. Вот так номер! Удалось ведь ему найти льды на экваторе! Значит, правильную песенку пел: «Кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет!»

Пожар на маяке

С первым плаванием вокруг берегов Европы в моей памяти неразрывно связано одно забавное, но, по совести говоря, не совсем лестное для меня происшествие. Даже теперь, спустя несколько лет, не очень приятно вспоминать о нем, и я долго размышлял, нужно ли вообще рассказывать об этом случае. Но «истина дороже всего», как утверждал некий философ. Надеюсь, вы не потеряете уважения к Захару Загадкину, узнав об ошибках и промахах его молодости.

Это случилось в одном из южноевропейских морей. Был поздний час, ночная темнота со всех сторон окутывала судно, а в камбузе на шахматной доске еще шли ожесточенные боевые действия между мной и коком. Пешки мои наступали сомкнутым строем и вот-вот должны были объявить мат королю противника, когда, взглянув в открытый иллюминатор, я увидел над морем огненное зарево. Оно полыхало у горизонта, то затихая, то снова разгораясь и ярко освещая густые клубы черного дыма.

— Пожар! — воскликнул я, показывая на зарево.

— Ах, какое несчастье! — заохал кок, подбежав к иллюминатору. — Это же пылает маяк! Пожар на маяке, что может быть хуже… Да еще на каком! На самом замечательном из всех маяков!

— Может быть, огонь удастся затушить? Пламя как будто стихает…

— Сомневаюсь, — произнес кок.

И, словно подтверждая его слова, зарево вспыхнуло с новой силой… Трудно было оторвать глаза от тревожного, но красивого зрелища.

— А тебе известно, Захар, почему этот маяк самый замечательный?

— Нет, — признался я. — Не известно.

— По многим причинам, юнга. Во-первых, его сигнальные огни указывают путь мореплавателям уже несколько тысячелетий. Во-вторых, он не только помогает определить местонахождение судна, но и оповещает моряков о состоянии погоды, о направлении ветра. В-третьих, на нем нет маячных смотрителей: никто не следит за его световым устройством, не проверяет исправность его механизмов. Наконец, в-четвертых, и это самое

существенное, человек даже никогда не был внутри этого маяка!..

Пришлось призадуматься… Конечно, есть маяки-автоматы, на которых с заходом солнца прожекторы вспыхивают как бы сами собой и горят всю ночь, пока их не выключит заря нового дня. Конечно, если требуется, то механизмы могут вращать прожектор, и тогда его свет становится мигающим. Но чтобы существовал маяк, исправно действующий несколько тысяч лет, да к тому же без присмотра человека? Нет, это невозможно, это вранье!

И я вежливо высказал коку свои сомнения.

— Клянусь, юнга, что все сказанное — чистейшая правда. Многое кажется нам чудесным, но это вовсе не значит, что оно не существует…

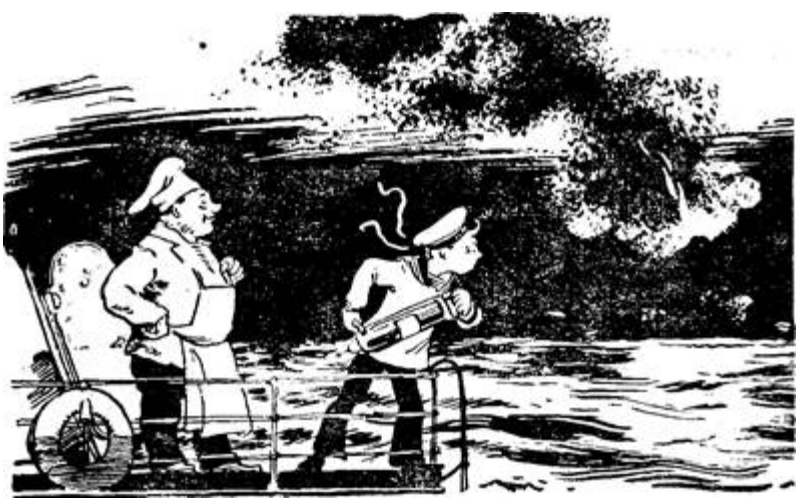
— И такой чудо-маяк сгорит в пламени пожара!.. Это будет тяжелой потерей для мореплавателей…

— Не беспокойся, Захар, дотла не сгорит. А так как помешать огню не в наших силах, давай спокойно сражаться дальше. Ты, кажется, угрожаешь моему королю?

Но о каком спокойствии можно говорить, когда в море происходит такая катастрофа!

Мысли мои были у пожара, что-то я недоглядел на доске, оставил пешки незащищенными, и король кока безнаказанно пожрал их одну за другой.

Спокойной ночи, Захар, — сказал кок. — Отправляйся на койку, безмятежно спи и не думай ни о проигрыше, ни о пожаре.



Я не смог последовать этому бесспорно разумному совету, пошел на палубу и тревожно смотрел на незатихавшее буйство пламени.

— Отчего бодрствуешь, Загадкин? — окликнул меня капитан, в ту ночь дежуривший на мостике. — Тебе давно пора спать.

— Пожар на маяке… Какое страшное несчастье! — Я показал на зарево, по-прежнему то угасавшее, то снова вспыхивавшее.

— Пожар? Да это же…

И капитан рассказал мне о самом замечательном из всех маяков. Представьте, кок, оказывается, не врал! Было верно и его во-первых, и во-вторых, и в-третьих, и в-четвертых. А маяк действительно не сгорел в огне, мореплаватели и поныне наблюдают его световые сигналы. Здорово оплошал в ту бессонную ночь юнга Загадкин, и вам теперь понятно, почему я долго размышлял, прежде чем поделиться воспоминанием о пожаре на маяке.

Как мы сварили обед без огня

Наше судно бросило якорь в скалистой бухте, на берегу которой стоял столичный портовый город. В тот день я был свободен от дежурства и охотно принял предложение моего друга, корабельного кока, повидать местные достопримечательности. Он накануне ошпарил руку, и врач запретил ему работать.

Было начало августа, но город находился вблизи Полярного круга, термометр показывал всего 8 градусов тепла, и на тельняшку пришлось надеть шерстяную фуфайку.

Сборы были недолги. Кок сунул в чемоданчик два котелка, прихватил на кухне немного сушеного картофеля и банку мясных консервов для супа, мешочек с манной крупой для каши, и мы вышли на припортовую площадь. У самой остановки автобуса была фруктовая лавчонка. В ней продавали чернику, морошку, бруснику, апельсины и бананы. Продавец сказал, что все эти ягоды и фрукты растут в окрестностях города.

Слова продавца прозвучали странно: апельсины и бананы, как известно, фрукты южные и расти вблизи Полярного круга им словно бы не положено. Однако разобраться в этой странности я не успел — показался автобус, который должен был доставить нас к одной из местных достопримечательностей. Мы купили апельсины и сели в машину.

Спустя короткое время мы были у цели поездки и, выйдя из автобуса, увидели много интересного. Незаметно пробежало

несколько часов. Внезапно желудки напомнили нам, что наступила пора чем-нибудь их наполнить. Надо было достать продукты, заняться приготовлением обеда. Я изрядно проголодался и мысленно уже чувствовал вкус пищи во рту, как вдруг кок спросил:

— А спички ты взял, Захар?

Пальцы мои быстро ощупали карманы. Увы, спичек не было…

— Представь себе, и у меня ни спичек, ни зажигалки, — произнес кок. — Напрасно я бросил курить…

Беда, как всегда, является неожиданно. Будь при мне увеличительное стекло или хотя бы осколок кремня, я бы сумел добыть огонь. А тут, как на грех, ничего…

— Положение безвыходное, — грустно заявил я. — Придется потерпеть до возвращения на корабль.

— Нет безвыходных положений, юнга, — возразил кок. — Я придумал, как сварить суп и кашу без огня. К сожалению, у меня рука на перевязи. Поэтому слушай, Захар, мою команду.

Кок начал командовать, а я тут же выполнял его приказания.

Через двадцать минут суп и каша были готовы. Мы насытились до отвала, а на сладкое съели апельсины.

Не скажете ли вы, где и как мы варили суп и кашу без огня, что мы осматривали и как называется порт, в котором стояло наше судно?

Дальневосточные истопники

После знакомства с молодым ученым, который льды на экваторе нашел, я еще больше стал уважать ученых, ни за что не упущу случая побеседовать с ними. Потолкуешь о том о сем, глаза на многое откроются, а если повезет, то узнаешь совсем необычные новости.

Именно такие новости дошли до меня во время одного осеннего плавания по морям нашего Дальнего Востока. Побережья этих морей замечательные — красивые, интересные, богатые, — но, что греха таить, довольно прохладные. Тамошним жителям сетовать на жаркую погоду не приходится…

Вообразите поэтому мое удивление, когда, скалывая первый ледок с палубы, слышу такой разговор двух пассажиров:

— Ну, соседушка, едем, значит, в Москву на совещание.

Дело к зиме идет, декабрь — не лето, думаю немного отдохнуть в столице от нашей жары. Раскаленная почва, признаться, изрядно надоела…

— А я, наоборот, собираюсь в Москве от наших морозов отдыхать. Декабрь, конечно, не лето, это вы правильно подметили, но все же в Москве теплее будет, чем в наших местах. Хотя мы по соседству живем и работой сходной заняты, а стужа мне здорово прискучила…

«Странные соседи: одному жара надоела, другому стужа прискучила! Не иначе, тут какая-то географическая заковыка имеется!..» Взяло меня любопытство. Кончил лед окалывать, узнаю от помощника капитана, что оба пассажира — научные работники.

Вечерком стучу к ним в каюту, представляюсь, прошу уделить несколько минут для беседы. И вот ведь удача: оказывается, они кое-что слышали о Захаре Загадкине, говорят, что рады ответить на мои вопросы.

— Разрешите спросить, из какой местности едете? — обращаюсь к тому, кто на жару жаловался.

Второй, которому стужа прискучила, занимал меня меньше. Холода на нашем дальневосточном побережье вещь обыкновенная. А вот жарких местностей словно не должно быть. «Не те широты», как говаривал учитель географии в моей школе, когда, стоя у карты, какой-нибудь неудачник искал Сахару или Каракумы за Полярным кругом.

— Из очень горячей, товарищ Загадкин. Почти что из пекла…

«Ой, преувеличиваешь, товарищ научный работник!» Невольно вспомнился мне приморский городок, где мы обоих пассажиров на борт взяли. С неба снег сыплется, на воде ледяные иголки в белую кашу смерзаются… Да и прибыл он из своего «пекла» в ватных штанах и телогрейке!

— И эта горячая местность на нашем Дальнем Востоке?

— Так точно, товарищ Загадкин. Могу заверить, я там свыше года работаю, инженерные изыскания веду. Сами посудите, почва под ногами до ста градусов нагрета! Накалена так, что на одном месте долго не простоишь — подошвы затлеют! Родники из-под земли бьют до того горячие, что над ними пар клубится. Речонки текут, так в них не вода, а крутой кипяток! Не вздумайте купаться — за секунду ошпаритесь, вся кожа пузырями покроется. Хорошо, что неподалеку холодная река есть, в нее эти кипятковые речонки впадают, и снега лежат, а то бы вовсе пропали от жары. Конечно, у теплой воды свои удобства. Кругом снежные сугробы, термометр тридцать градусов ниже нуля показывает, а мы лезем в воду там, где кипяток малость поостыл. Чем не баня? И белье стирать удобно — теплая вода всегда под рукой.

— Какими же изысканиями вы заняты? — Мне уже ясно, из какой местности он едет, однако не понимаю, что там инженерам делать: пекло это без их помощи устроено…

— Электростанцию будем строить…

— На горячей воде?

— Нет, горячей воды не хватит: кипятковые речонки и родники мало энергии дадут. Строим станцию хотя паровую, но необычную — ее котельная под землей расположена.

— И глубоко?

— Точно сказать не могу. Глубина, на которой вода станет закипать, для нас безразлична. Километром ниже или выше — не имеет значения… Главное, чтобы пар бесперебойно наверх поступал. К тому же сооружать котельную мы не собираемся — готовую нашли! Отличная котельная, с полным оборудованием!

— Вот это повезло! Но где же вы истопников найдете? Глубоко под землей у котлов стоять, огонь поддерживать — тяжелая работенка! Вряд ли отыщете до нее охотников…

— А мы и искать не будем.

Истопники есть, да такие, что за их работу беспокоиться не приходится.

Им котельную и поручим, еще одну нагрузку дадим, — пока они только кипятковыми речками ведают и родниками горячими. Надеюсь, сообразили, о ком или, точнее, о чем я говорю?

Конечно, сообразил! Юнге Загадкину да не сообразить! Но если научный работник шутит, почему и мне не пошутить? Моряки шутку любят…

Сделал я непонятливое лицо, спрашиваю, будто ни о чем не догадываясь:

— А как ведут себя истопники ваши? Не жалуетесь на их

работу?

— Истопники безотказные — круглые сутки из года в год работают, ни выходных дней, ни смены не просят, да и в зарплате не нуждаются. Правда, постоянный присмотр за ними требуется: как бы не набедокурили. Безобразничать они иногда любят, но это, пожалуй, простить можно: работенки тяжелой много, надо ж истопникам душу отвести… Но к ним хорошие смотрители приставлены. Вот мой сосед как раз таким смотрителем работает…

Тот, который на стужу жаловался, поддакивает:

— Верно, бывает балуют истопники. Обычно-то они спокойны, молча трубки свои покуривают — это излюбленное их занятие, — но порой найдет на них, расшумятся, пепел из трубок начнут вытряхивать, камнями кидаться, нередко на людей горячим тестом плескать. Теста этого у них в избытке. Как разойдутся, целыми потоками его выливают. Но мы привыкли за истопниками смотреть, характеры их узнали. За несколько дней наперед угадываем, когда они баловать начнут — куда камни будут швырять, куда тесто выплескивать. Тогда мы окрестный народ предупреждаем, чтобы поостерегся, пока истопники не уймутся. На их горячем тесте мы даже кататься научились. Течет оно быстро, а мы вскакиваем на него, проезжаем несколько километров, пробуем тесто…

— Это что ж, развлечение у вас такое?

— Не совсем развлечение, а катаемся. Доведется быть в наших краях — милости просим в гости. Всё покажем — и истопников, и кипятковые речки, и на горячем тесте кататься обучим…

Поблагодарил я научных работников за приглашение, беседой с ними весьма доволен остался. Они обо мне слышали, знали, что юнга Загадкин из-за своего любопытства не раз впросак попадал, и решили подшутить надо мной. Но я их замысел разгадал, не поддался! А вот что под землей готовую котельную для электростанции нашли, что на горячем тесте кататься можно и время буйства истопников за несколько дней угадывать, известно мне не было.

Это и есть те необычные новости, о которых в начале рассказа упомянул…

Гудок над бухтой

Было на редкость чудесное утро, когда мы входили в эту далекую бухту у одного из чужеземных островов в Тихом океане. На берегу бухты среди яркой зелени садов лежал красивый портовый городок. Я с любопытством оглядывал озаренные солнцем опрятные каменные и деревянные дома, чистенькие улицы, бульвар, тянувшийся вдоль набережной.

У бетонной пристани стояли под погрузкой торговые шхуны, поодаль покачивались на воде рыбацкие парусники. Небольшой пляж возле городка был полон детворы. Ребятишки бежали навстречу приливной волне, бросались на ее гребень, и волна несла их обратно к пляжу.

Едва мы пришвартовались и капитан, сойдя на берег, скрылся в пристанском здании, увенчанном вышкой с флюгерами, как над бухтой зазвучал пронзительный, резкий гудок.

Советские корабли — не частые гости в этой далекой бухте. Я подумал, что гудок приветствует появление нашего судна, и с гордостью посмотрел на родной флаг, реявший на корме. Однако голос гудка мне не понравился: в нем было что-то тревожное, раздражающее. Не походил гудок и на сигнал о начале или окончании работы — он длился и длился, будто его забыли остановить.

Прошло немного времени. Капитан снова показался на пристани и торопливо шагал к нашему судну. Назойливый гудок не прерывался. В ушах неприятно звенело, на сердце делалось все томительней. Какие новости несет капитан?

Утро было по-прежнему чудесное. На синем небе ни облачка, бескрайный океан, видневшийся за входом в бухту, лениво посылал к берегу мелкие волны.

Капитан поднялся на судно и тотчас приказал сниматься с якорей. Лицо его, всегда невозмутимо-спокойное, было явно озабоченным.

Спустя несколько минут мы уже двигались к открытому океану. Вскоре последовали нашему примеру и торговые шхуны.

— Что случилось? — спрашиваю у вахтенных. — Ведь мы должны были груз принять?

Вахтенные недоумевают. А что-то случилось наверняка, потому что у нас аврал объявили, всех наверх вызвали.

Наперегонки задраиваем люки, очищаем от лишнего палубу, что оставить нужно, крепим канатами к железным кольцам. Похоже, готовимся к шторму, но откуда ему взяться, если небо чистое, ветра нет, океан обычные приливные волны шлет?

Да и шторм лучше переждать в гавани, чем в разъяренной воде против него бороться…

Урывками поглядываю на удаляющийся берег и вижу, что весь городок словно смятением охвачен. По улицам бегут люди, детей за руки тащат. Из домов выносят узлы и чемоданы, у пристанских складов товары на автомашины грузят. Мы тем временем из бухты выходим, вот-вот будем в океане.

Внезапно вокруг нас возникает необыкновенная тишина, такая глубокая, словно все звуки по команде умерли. Даже шум прибоя исчез. И в этом странном молчании начинается немыслимое: вода бухту покидает! Совсем недавно волна за волной накатывалась на берег, теперь будто отлив наступил. Нет, не отлив: час неурочный, потом уходит вода очень стремительно. Рыбацкие парусники, что на волнах покачивались, уже на гальке лежат, перед бетонной пристанью тоже сухо; пристань как стена над обнаженным дном возвышается…

Минут за двадцать вода на добрые полкилометра от берега отхлынула! Правильно поступил капитан, иначе на суше

очутилось бы наше судно.

А необыкновенные события продолжаются: не только из бухты — со всего побережья вода отбегает. Наблюдаю за ее бегством, но на душе неспокойно: уж не разверзлась ли в недрах огромная пропасть и теперь в нее тихоокеанская вода ринулась? Мы быстрым ходом идем, однако отошли от берега недалеко. Что, если застрянем на высохшем дне?

Обернулся в сторону океана. Оттуда не волна — зеленая водяная гора с могучим ревом движется! Во многих штормах бывал, испытывал на море всяческие передряги, но такой волны не встречалось. Сразу мы в глубокую водяную ложбину попали. Скрывать не буду, юнга Загадкин в кубрик удрал: и сам испугался, и приказание было, чтобы ненужных людей на палубе не осталось.

Вознесло наш корабль на гребень гигантского вала, затем как в яму бросило. Конечно, я из кубрика этого не видел, но своими боками здорово ощутил: меня наподобие футбольного мяча от перегородки к перегородке швыряло. Едва это прекратилось, осторожно выглянул на палубу. Оказывается, рановато вылез — первая водяная гора за корму ушла и к берегу мчится, из океана на нас вторая наступает, втягивает в новую ложбину. С гигантскими валами шутки плохи, и юнга Загадкин опять в кубрик на футбольную тренировку поспешил, Там и третий вал переждал.

После третьего вала угомонился океан. Были волны тоже серьезные, но не такие страшные. А небо по-прежнему, точно на смех, чистое. От опасного происшествия в ясную погоду мы еще дешево отделались: смыло шлюпку с палубы, бортовые поручни снесло, в капитанской рубке стекла вышибло.

Поворачиваем обратно к берегу.

Бухта, как ни в чем не бывало, водой заполнена. Пришвартовались на прежнем месте, у бетонной пристани, да нашего груза в помине нет. И справляться о нем напрасно: пристанские склады настежь распахнуты, галькой и песком забиты. Больших бед натворили в городке океанские валы! Вместо каменных домов — коробки без окон, без крыш, без дверей. Деревянные дома вовсе разрушены, всюду беспорядочные груды досок валяются.

Бульвар у набережной занесен жидкой грязью, деревья без листвы стоят, у некоторых стволы поломаны. На улицах спасательные отряды работают…

К счастью, гудок заблаговременно дали, оповестили население городка, а то жертв было бы много. Пронзительный, неприятный гудок, но пользу принес. Этот гудок особенно меня заинтересовал. Океан огромный, родились волны в пустынной местности, за тысячи километров от той островной бухты, напали не на все океанские берега, лишь на немногие… Как же узнали, по какому направлению будут двигаться водяные валы и, главное, к какому часу явятся?

Замечательно действуют ученые: за три часа предупредили портовый городок, что именно к нему разрушительные волны мчатся!

Море, в котором нельзя утонуть

Я много слышал, кое-что читал об этом необыкновенном море, и все же как-то не верилось ни слышанному, ни читанному: разве может быть море, в котором нельзя утонуть?.. Да при желании, а подчас вопреки желанию утонуть можно в любой речушке, в любом пруду, не говоря уж об озере или море! И вот случилось так, что мне удалось попасть к берегам этого удивительного моря.

Мы стояли в одном из средиземноморских портов, ожидая иностранное судно, чтобы передать ему часть груза из наших трюмов. Иностранец опаздывал на трое суток, и кто-то из команды предложил совершить экскурсию к берегам моря, о котором идет речь: оно находилось недалеко от места нашей вынужденной стоянки.

Желающих повидать море нашлось много, но поехало лишь четырнадцать человек, ровно столько, сколько мог вместить нанятый нами автобус. В число счастливцев попал и я. Вечером мы сели в машину, а к рассвету были у цели экскурсии. До чего же унылыми и безрадостными оказались берега моря! Мы увидели песчаную низину, покрытую невысокими холмами. Кое-где росла чахлая трава, клонился на ветру сухой тростник. Отражая луч солнца, сверкали пятна соли, то большие, как озерки, то мелкие, точно россыпь битых стекляшек. В отдалении темнели красно-коричневые горы с голыми морщинистыми склонами.

Голубоватая морская вода блестела наподобие зеркала, казалась совершенно неподвижной и словно бы ничем не отличалась от воды любого другого моря. При взгляде на ее спокойную гладь мне внезапно пришла дерзкая мысль — рискнуть собственной жизнью ради торжества науки и попытаться утонуть там, где, по заверениям всех путешественников, это было невозможно. Мне представилось, как в научных книгах и школьных учебниках будут писать, что единственным человеком, которому удалось утонуть в этом море, был юнга Захар Загадкин. И мечта о великой славе вскружила мне голову.

Притворившись сильно утомленным от ночной поездки в автобусе, я заявил товарищам, что намерен немного отдохнуть и полежу в тени одного из прибрежных холмов. Встревоженные товарищи тут же захотели оставить со мной нашего доктора, и

пришлось потратить немало слов, чтобы отговорить их от такого намерения. Подождав, пока спутники скрылись за холмом, а их голоса постепенно смолкли, я начал приводить свой замысел в исполнение.

Не спеша разделся, аккуратно сложил одежду, перевязал ее ремнем, а затем сел писать записку, в которой объяснял свой поступок. «Захар Загадкин погиб во имя науки», — заканчивалась записка.

Когда все было готово, а поверх свертка с одеждой укреплена форменная фуражка, я с разбегу кинулся в море. Оказавшись на достаточной глубине, лег на спину и неожиданно почувствовал себя почти невесомым: море так хорошо поддерживало меня, что я забеспокоился — утонуть будет, пожалуй, действительно не

просто…

Я попробовал поплавать и с удивлением убедился, что, несмотря на силу, с какой поддерживала тело странная, хочется сказать — густая вода, плавать было очень трудно. Каждое движение требовало усилий, будто руки и ноги ударяли не по жидкости, а по чему-то твердому, напоминающему доску. А резкий шлепок даже вызывал боль.

Бросив прощальный взгляд на берега, мысленно пожав руку товарищам, я окунулся в голубую глубину с намерением больше не возвращаться из нее. Однако не тут-то было: какая-то неведомая сила мгновенно вытолкнула меня из воды, как пробку!

Первая попытка окончилась неудачей. Но разве юнга отступает перед трудностями? Я сделал вторую попытку утонуть, потом третью, четвертую, пятую… Увы, неудача следовала за неудачей. Море продолжало выбрасывать меня: подвиг Захара Загадкина был ему не нужен! Борьба с густой, вязкой водой изрядно утомила меня, я запыхался и тяжело дышал. Не оставалось ничего иного, как смириться перед природой, признать себя побежденным и выйти на берег…

Так я и поступил. Но как жестоко меня наказало море за попытку опровергнуть утверждения науки! В глазах отчаянно жгло, в носу и ушах тоже. Все тело, от подошв до макушки, покрылось липким, жирным на ощупь налетом. Во рту была нестерпимая горечь. Жжение все усиливалось, и я не знал, что предпринять. К счастью, поблизости текла река, впадающая в море. Я бросился в ее мутные струи, долго смывал с себя противный налет, но смыть полностью не смог.

В каком жалком виде застали меня товарищи! Красные, воспаленные глаза, слипшиеся комками волосы…

Так печально окончились мои попытки утонуть в море, в котором нельзя утонуть.

Пресная или соленая?

Были у нас на корабле два приятеля-земляка. До флотской службы они друг друга не знали, хотя жили почти по соседству: один на юго-западном берегу озера, второй — на северо-восточном.

Как примутся они говорить о родных местах, хочешь не хочешь, а заслушаешься. То помянут, другое, третье, и всё с любовью! Поверить им — нет в нашей стране уголка лучше, чем озерные берега, откуда земляки на флот явились. Я тех берегов не видел, может быть, они не так замечательны, как оба приятеля их описывали, но дело понятное: каждому дороги места, где протекли его детские и юношеские годы.

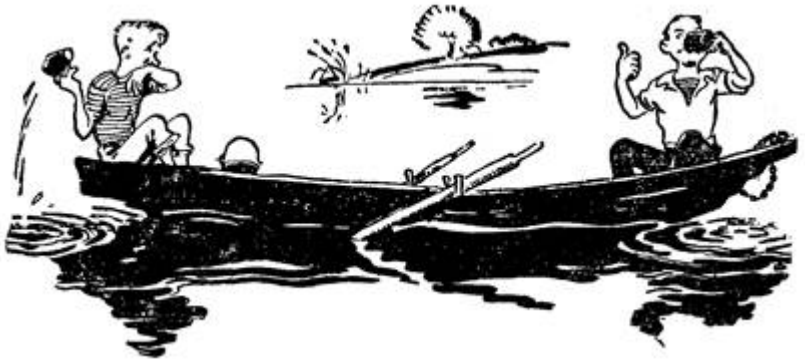
Особенно хвалили земляки свое озеро. И большое оно, и разной рыбой и плавающей дичью богато, и вода… Вот из-за его воды как-то разгорелся у них спор, да такой яростный, что едва до ссоры не дошло. А ведь дружили так, что, казалось, водой не разольешь.

Начался спор с пустяка. Вспоминали они, как на диких уток с лодок охотились. Один и скажи:

— Вода в нашем озере хороша. Черпнешь ее ведерком, пей в свое удовольствие: правда, желтоватая, но вкусная, почти сладкая…

— Ну, насчет сладости ты напрасно, — возражает второй. — Какая у нее сладость? В рот не возьмешь: горька, словно морская… И вовсе она не желтоватая, а бирюзовая.

Слово за слово, доспорились до хрипоты, а столковаться не могут. Каждый на своем стоит: один утверждает — желтоватая, второй — бирюзовая, один доказывает — пресная, второй — соленая!



Покраснели оба, надулись, как индюки. Я уж думал, навсегда расстроится у них дружба, да вовремя на помощь им пришел: сообразил, возле какого озера они жили. А того озера мне вовек не забыть — в пятом классе из-за него на уроке опозорился! Потому и о его воде тоже зарубка в памяти осталась. Объяснил землякам, в чем дело, они тут же помирились.

— Видишь, я был прав! — говорит один.

— Вижу, я был прав! — отвечает другой.

Странное плавание

Это плавание началось по-обычному, и ничто не предвещало, что оно окажется таким странным. Мы покинули Архангельский порт и вскоре были в холодных полярных водах. Стояла летняя пора, и солнце почти не спускалось за горизонт.

Нередко мы видели тюленей и моржей, а на берегу пустынного островка я даже заметил семью белых медведей. В трюме мы везли новенькие токарные станки. Их надо было сдать в одном из северных морских портов, а оттуда взять пиленый лес.

Плавание длилось сравнительно долго. Но вот однажды мы подошли к губе — устью широкой реки. Где-то поблизости должен был находиться порт. Я ждал, что с минуты на минуту покажутся его причалы, но время бежало, а они всё не появлялись. Тогда-то случилась первая странность. Порта на побережье не было, а капитан не задумываясь повел корабль вверх по течению реки.

День следовал за днем, берега реки сближались, а мы продолжали уходить от моря. Вода за бортом из соленой стала пресной, изменила свой зеленоватый морской цвет на светло-желтый речной. Вдоль берегов теснились горы, росли сосны, лиственницы, ели, а порта все не было.

Изумление мое не имело границ. Да и кто бы на моем месте не изумился: большой океанский корабль плыл в глубь материка!

Наконец мы добрались до порта. Он оказался почти в семистах километрах от устья реки!

Мы выгрузили станки, взяли пиленый лес и отправились в дальнейшее плавание. Снова за кормой остались воды многих морей, в попутной чужеземной гавани мы сдали древесину, а затем, выйдя на океанский простор, подошли к самому экватору. Там в одном из портов следовало забрать натуральный каучук.

Мы находились совсем в другой части света, но надо ж было так случиться, что и на этот раз нужного порта не оказалось на берегу океана! И опять капитан повел судно вверх по течению очень широкой реки. Вдоль ее берегов тоже зеленели леса, но уже не хвойные, а тропические: в них росли пальмы, фикусы, лавры, мимозы…

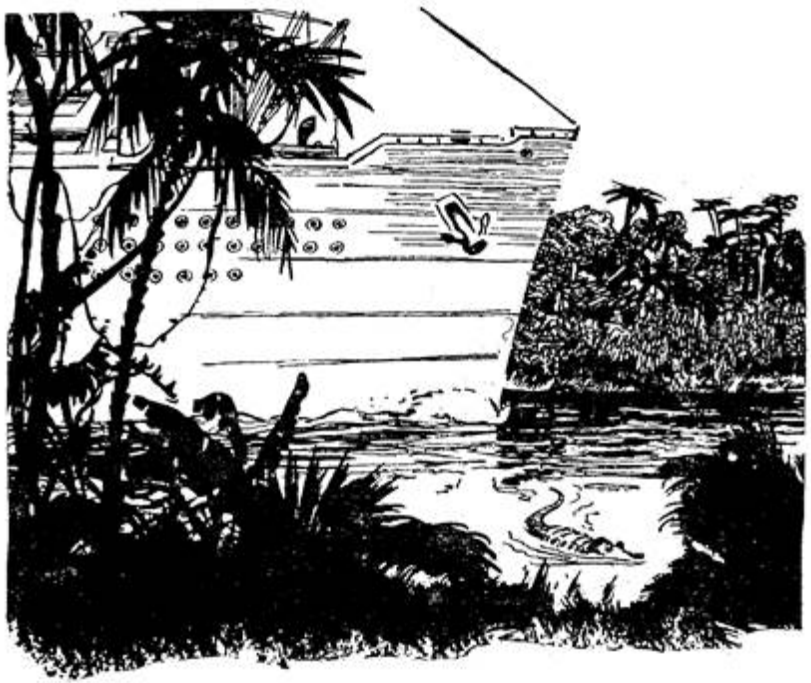
После нескольких дней плавания мы увидели порт, где нас ждал каучук.

Этот морской порт отстоял от моря более чем на полторы

тысячи километров! Так наш океанский корабль второй раз заплыл далеко в глубь материка.

Вы думаете, кончились странности плавания, о котором я рассказываю? Нет. Погрузив каучук, мы спустились той же рекой до ее устья, затем пересекли два океана и еще несколько морей.

Мы подошли к суше, но и тут нужного нам порта не оказалось на побережье. И в третий раз капитан повел судно вверх по реке. Мы поднялись против ее течения до морского порта, который находился почти в девятистах километрах от моря! Там мы сдали каучук, погрузили в трюм рис, хлопок и наконец повернули к родным берегам.



Путешествующая деревня

Корабль, на котором я плаваю, перевозит не только грузы, но нередко и пассажиров. Года четыре назад, во время рейса вдоль побережья Индостана, нам довелось перевезти из Бомбея в Карачи группу туристов-афганцев. После кратковременного путешествия по Индии они возвращались через Пакистан к себе на родину.

С одним туристом, молодым учителем из небольшой афганской деревни, я успел познакомиться. Оба мы говорили по-английски, и мне удалось кое-что узнать о его жизни. Он был беден и, конечно, никогда не мог бы мечтать о туристской поездке в Индию, если б не счастливый случай. Он выиграл по лотерейному билету немного денег и поехал посмотреть страну, которая его очень интересовала.

Прощаясь со мной в Карачи, новый знакомый обещал написать письмо о том, как он добрался до своей деревни. На письмо я ответил, и между нами завязалась переписка. Как-то, перечитывая его письма — а у меня их скопилось десятка полтора, — я обратил внимание, что на одних конвертах наклеены афганские почтовые марки, на других — иранские.

Это смутило меня. Я хорошо знал, что молодой учитель живет по-прежнему бедно, порой отказывая себе в самом необходимом, и на поездки в страну, хотя бы и соседнюю, средств у него нет. В очередном письме я задал вопрос, как он ухитряется путешествовать без денег.

«Путешествовал вовсе не я, — вскоре ответил учитель, — путешествовала… деревня, в которой я живу. Случилось так, что школьный домик, где я обучаю детей и квартирую сам, а также

хижины всех моих односельчан и даже их поля, оставаясь на месте, совершили путешествие из Афганистана в Иран, а потом вернулись обратно. Поэтому часть писем было удобнее сдавать не афганской, а иранской почте».

Вот так история! Путешествующая школа, путешествующие хижины и поля, путешествующая деревня…

Я не верил собственным глазам, когда читал эти строки. Может быть, не так понял написанное по-английски? Обратился со своими сомнениями к капитану, но тот подтвердил, что перевод верен. Так я узнал, что есть на земле деревни, которые, оставаясь на месте, в то же время путешествуют вместе со всеми жителями из одной страны в другую!

Дон Иванович

Как-то после ужина собрались в кубрике корабельные знатоки географии, стали друг друга разными вопросами удивлять.

— Кому известно, товарищи, куда Волга впадает? — спросил кок.

Все засмеялись, какой легкий вопрос задан, хором отвечают: «В Каспийское море!» Правда, один начал доказывать, что по Волго-Донскому каналу толика волжской воды Азовскому морю перепадает, но этого знатока тут же уличили в невежестве. По каналу не волжская вода Азовскому морю перепадает, а донская — Каспийскому. Да и очень мало этой воды, упоминать о ней не стоит.

— А по-твоему, Захар, куда Волга течет? — спрашивает кок.

— В Мексиканский залив, — отвечаю.

Знатоки опять засмеялись, но кок этот глупый смех немедленно оборвал:

— Зря смеетесь, товарищи, юнга правильно говорит. Есть и такая Волга, что в знаменитую американскую реку Миссисипи впадает. По Миссисипи воды той Волги в Мексиканский залив текут.

Надо вам сказать, что реками я с малолетства интересуюсь, хотя и не так сильно, как морями. Сколько рек по имени знаю, даже перечислить трудно! Три арифметические тетрадки названиями рек заполнил. Решил я окончательно посрамить знатоков, обращаюсь к ним с такими словами:

— Разрешите узнать, а куда Дон впадает?

— В Азовское море! — кричат в один голос.

— А еще куда?

Замялись корабельные знатоки, никто не может ответить. Помолчали, просят меня открыть им донской секрет. Ладно, думаю, сейчас я вам научный доклад сделаю. И начинаю примерно так:

— Река Дон — хитрая река, течет в разные моря, кому как нравится. Французы заявляют, что вода Дона в Бискайский залив попадает, индусы говорят, что она Бенгальскому заливу достается, канадцы — озеру Онтарио. Шотландцы уверяют, что Дон несет свою воду в Северное море, их соседи англичане не

возражают, но расходятся во мнении насчет устья Дона. Шотландцы считают, что оно вблизи города Абердина находится, а англичане не согласны: нет, вблизи города Донкастера! А между обоими городами — добрых двести пятьдесят километров!..

Откровенно признаюсь: не удалось мне закончить научный доклад. Прервали его слушатели, загоготали наперебой, заухали на все голоса, рожи корчат, на меня пальцами показывают. А я терпеливо жду, пока этот немыслимый шум прекратится: «донской вопрос» мною хорошо изучен. Помню, еще в школе у доски о Доне подробно рассказывал. Наш учитель, на что любил меня, и то замечание сделал: «Ты, Загадкин, шутовство в классе не устраивай, отвечай, как в учебнике написано!»

Когда знатокам надоело шуметь, они на меня накинулись:

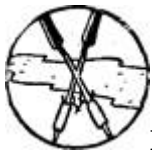
— Не может быть, чтобы одна река в разные заливы, озера и моря впадала! Запутался ты! Куда же, по-твоему, Дон течет?

— Я человек русский. Наш Дон к Азовскому морю бежит. Для меня он самый главный, народ неспроста его по батюшке величает — Доном Ивановичем!

Опять шум поднялся. Знатоки географии кричат, что река отчества не имеет, хотят биться об заклад, что я им сказку сочиняю. А мне что: об заклад так об заклад! Ударили мы по рукам, и тогда я спокойно объяснил, почему Дон по батюшке величают, причем не Петровичем, Кузьмичом или Данилычем, а именно Ивановичем. А напоследок дал знатокам адрес, по которому они в справедливости остальных моих слов убедиться могли. Всей толпой пошли по этому адресу и уверились в правоте юнги Загадкина.

А у меня выигранные на спор вещи остались: ножик перочинный, записная книжка да та раковина-тридакна, о которой я упомянул, рассказывая о незадачливых строителях островов.

Река, текущая туда и сюда



В тот раз, когда ездил к тетке, что медаль за разведение карасей получила, на обратном пути навестил ее племянника, а моего двоюродного братца и ровесника. Он жил со своей семьей неподалеку от теткиного моря, у берега одной впадавшей туда речки.

Провел с братцем около недели. Целыми днями мы разные состязания устраивали. В лес пойдем — соревнуемся, кто больше грибов или малины соберет, в поле направимся — тоже спорим, кто больше различных бабочек и жуков наловит. Откровенно скажу, что в этих лесных и полевых промыслах он довольно легко выходил победителем. Обидно, но ничего не поделаешь: я — человек морской, он — сухопутный, все грибные места и малинники наперечет помнит, знает, на каком поле какие бабочки или жуки водятся. Предложил братцу бежать наперегонки — и тут победа ускользнула: голова в голову пришли к финишу. Пробовали тяжесть на спор поднимать — опять не удалось свое превосходство доказать: одинаковую тяжесть подняли. Как ни пыжился, а большую силу выжать из себя не смог.

К счастью, в эти неприятные минуты я заметил, что к речному берегу обыкновенная лодка причалена. Ну, думаю, сама судьба знак подает, и предлагаю в гребле соревноваться. Братец соглашается. Договорились так: сперва он поплывет к мыску на реке, что примерно в километре от лодки был, потом я. Кто это расстояние быстрее пройдет, тот и победителем будет.

Засекли время, вскочил братец в лодку и прилежно веслами заработал, Обращается с ними неплохо, но до меня, конечно, ему далеко. Добрался братец до мыска, прыгнул на землю, оттуда руками как одержимый машет. Опять засекаю время: двенадцать минут ему понадобилось. Лег на берег, спокойно жду, пока братец с лодкой вернется и наконец-то наступит мое торжество, — в гребле юнгу Загадкина трудно превзойти.

Подошла моя очередь. Лезу в лодку, начинаю по всем правилам веслами работать, жму что есть мочи. Минута бежит за минутой, гребу великолепно, сам на себя любуюсь. Вот и мысок!

Высадился, тоже замахал руками, да что радости, если плыл не двенадцать, а пятнадцать минут! С досады не стал и в лодку садиться, берегом обратно поплелся. Настроение, сами понимаете, прескверное: в водном соревновании морской юнга перед сухопутным парнишкой опозорился.

А двоюродный братец навстречу идет, притворными словами утешает. Но чем утешишь в таком разочаровании? До того стало грустно, что решил эту злополучную речку немедленно покинуть…

— Очень огорчился, Захар? — спрашивает братец. — Если очень, то напрасно. Я тебе один секрет открою. Ты о нем не подозревал, а я им воспользовался…

— На что мне твой секрет? Я человек мужественный, неудачи умею переносить и в утешении не нуждаюсь.

— Мое утешение не простое. Когда к мыску плыл, ты против течения греб?

— Конечно, против. Разве сам не знаешь?

— То-то и оно, что знаю. А ведь я к мыску по течению плыл!

— Как — по течению?

— Очень просто. Наша речка и туда и сюда течет, в разное время по-разному. А часто никуда не течет, свою воду на месте держит. Я греб, пока течение к мыску шло, а ты — когда оно вспять повернуло, потому тебя и обогнал. Не знал бы секрета, не стал бы с морским юнгой в гребле тягаться…

На другой день показал братец этот речной секрет. Мы даже наглядный научный опыт сделали. Нащепали лучинок, бросили их в воду. Они сначала к мыску поплыли, однако вскоре вернулись, немного покружились перед нами и опять к мыску двинулись. Ну и фокус! Если бы своими глазами не видел, ни за что не поверил бы, что есть речки, у которых вода то в одну, то в другую сторону течет, а в промежутках вовсе без движения стоит.

Медная пластинка

Почти у всех ребят есть маленькое собрание чем-либо интересных или памятных предметов. У одних — речные ракушки, чертов палец, обкатанная морской водой галька, камешек с золотистыми крапинками, а то просто красивый фантик-обертка от конфеты или шоколадки. У других — марки с изображением космонавтов и космических кораблей, спичечные этикетки, открытки с видами городов, иностранные или старинные русские монетки…

У меня тоже хранится всякая всячина. Среди этой всячины особенно дорога мне тонкая медная пластинка с нацарапанными словами: «Спасибо, Захар!» Особенно дорога, хотя с ней связано происшествие, не совсем для меня понятное.

Несколько лет назад я гостил у бабушки в одном из степных районов нашей страны.

Там работали отряды изыскателей полезных ископаемых, а трое молодых геологов даже снимали комнату в бабушкином доме.

Я подружился с ними, по утрам кипятил для них чай, вечером приносил парное молоко и допоздна, пока им не надоедало, занимал рассказами о своих приключениях.

Мои новые друзья любили цветы, и я почти каждый день ставил на стол свежие букеты.

Геологи вставали рано утром, брали с собой молотки, зубила, прочее снаряжение и уходили в соседнюю холмистую степь с редкими рощицами и кое-где разбросанными озерами. Приглашали с собой и меня, но мне больше нравилось бродить по степи и собирать цветы.

Геологи называли своего старшего Капитаном.

Как-то вечером, рассматривая очередной букет, Капитан заметил:

— Занятные цветы ты притащил сегодня, странного, весьма странного густо-синего оттенка… Я видел, твоя бабушка стирала, ну-ка, признайся, помогал ей и заодно с бельем подсинил букет?.. Ты ведь выдумщик, Захар…

— Что вы, Капитан, — обиделся я. — Кто же подсинивает цветы? Я нарвал их у дальних озер, в балке, где родничок бьет. Хотите еще принесу?

— В какой балке? — переспросил Капитан.

— Я же сказал: у дальних озер, километров пятнадцать отсюда будет… Пойдете к этим озерам, за березовой рощей сверните с дороги влево, а потом низом по балке до самого родничка…

— И много там таких цветов?

— Порядочно. В балке и маки растут, но я их не трогал.

— А маки какие?

— Обыкновенные, разве что с сизоватым отливом…

— Тебе известно, как называются цветы в букете?

— Нет, я ведь не ботаник, а географ-любитель…

— Жаль, одностороннее у тебя образование… Ну, да все равно, спасибо за адрес, Захар. В воскресенье отправимся к родничку, проверим твои слова… Может быть, пойдешь с нами?..

Но пойти не удалось: в воскресенье я должен был уезжать.

А недавно получил от Капитана письмо:

«Привет, Захар! Случайно услышал тебя по радио; рад, что ты жив и здоров. Помнишь свои букеты? Они оказали нам добрую услугу, помогли отыскать ценное рудное месторождение. Советую нас поздравить: за находку мне и моим товарищам выдали премию. Твое усердие я не забыл и посылаю в подарок медную пластинку; она выплавлена из руды, которую начали добывать в местах, где мы работали и с тобой познакомились».

Остров Захара Загадкина

Кто из нас в детстве не мечтал или не мечтает открыть новый, не известный географам остров? Как заманчиво быть первым человеком, увидевшим посреди океана неведомый клочок суши, первым высадиться на него, водрузить флаг своей Родины! Мечтал да, признаться, мечтаю о том и я.

Как ни печально, но в наше время такие мечты неосуществимы. Все острова уже открыты мореплавателями и давным-давно нанесены на карту.

«А „Остров Захара Загадкина“?» — спросит читающий эти строки. Вот о нем-то и будет рассказ.

Поздним вечером мы снялись с якоря в Неаполе и вышли в Тирренское море, взяв курс на юго-восток, к Мессинскому проливу. В тот памятный вечер я вызвался на ночное дежурство, потому что хотел еще раз посмотреть знаменитый вулкан Стромболи.

Ночь близилась к концу, когда справа по борту в предрассветной синеве вырисовались контуры этого похожего на огромную каменную пирамиду острова-вулкана. Стромболи «работал», как всегда, неутомимо. Время от времени клубы серого пара, поднимавшегося из кратера, озарялись снизу огненно-красным пламенем. Затем зарево постепенно бледнело, чтобы снова ярко вспыхнуть спустя несколько минут. Казалось, в море действовала исполинская печь. Это было поистине замечательное зрелище.

Тирренское море знакомо человеку с незапамятной поры. В наши дни все берега этого моря, все его острова и островки отлично известны, изучены и описаны.

Не раз доводилось плавать Тирренским морем и мне. Почти все попутные острова я знал не только по местоположению, но даже по внешнему виду. Вообразите же мое удивление, когда вскоре после восхода солнца неожиданно показался слева у горизонта большой остров, окутанный легчайшим маревом тумана и как бы висящий в воздухе над морем. Почему неожиданно? Да потому, что между Стромболи и южным побережьем Италии больших островов нет. А тут явственно виднелся гористый берег, а на нем каменные дома, башня с круглым куполом, рыбацкие парусные лодки у причалов… Вода, как зеркало, отражала постройки и лодки.

«Что за чудеса? — подумал я. — Откуда в этих местах взяться острову, да еще с городом на побережье?..»

Утро было на редкость ясное и спокойное. В небе ни облачка, в воздухе ни ветерка. Казалось, природа еще не пробудилась от ночного сна. Дежурный помощник капитана стоял на мостике неподвижно, как статуя, и смотрел прямо вперед. Неужели он ничего не заметил?

Неописуемое волнение охватило меня. Может быть, судьба уготовила юнге Загадкину сделать географическое открытие и он нашел землю, которой еще нет на картах?

Я ринулся к мостику, чтобы заявить помощнику капитана о

появлении таинственного острова, но вовремя спохватился. Ошибка в научных предположениях недопустима; прежде чем оповещать о каком-либо открытии, следует проверить собственные знания. Круто переменив курс, я побежал в каюту кока, который накануне купил в Неаполе карту Тирренского моря.

В каюте никого не было. Вероятно, кок уже ушел готовить завтрак. Дрожащими руками я развернул карту. Сердце радостно забилось: никаких островов между Стромболи и Южной Италией на карте не было!

В это мгновение сзади раздался хорошо знакомый укоризненный голос:

— Эх, Захар, Захар…

Я оглянулся. Каюта была по-прежнему пуста.

— Не торопись, юнга, не смеши людей… — произнес тот же голос.

Тут только я заметил небезызвестного вам попугая Жако. Он качался на жердочке, укрепленной возле койки, и по обычной попугайской привычке повторял слова, часто слышанные от своего хозяина.

«Что ты понимаешь, дурная птица!» — рассердился я и стремглав помчался обратно наверх: надо было спешить — неведомый остров мог скрыться с горизонта.

На палубе все было в порядке. Неведомый остров, как и раньше, виднелся на горизонте. Но теперь сомнений уже не было: юнга Загадкин сделал важное географическое открытие.

Я был вне себя от счастья. Во второй половине XX века увидеть новый, никому не известный остров! И где? В превосходно знакомом мореплавателям Тирренском море. Да еще какой остров! Не вулканический, внезапно изверженный из земных недр силами природы, а обитаемый, с большим городом на побережье! Интересно, на каком языке говорят жители этого города?..

Мне представилось, как новую землю нанесут на карты, а рядом с точкой, обозначающей дорогой для меня клочок суши, поставят заветные слова: «Остров Захара Загадкина». Имя мое узнает все человечество!

Палуба была еще безлюдна. Хотелось забить в пожарный колокол, пальцы тянулись к сигнальной веревке, но в последнюю секунду возникло другое решение. С криками: «Все на палубу! Скорей, скорей, открыт новый остров!» — я побежал вниз.

Крики всполошили команду. Один за другим люди поднимались на палубу.

— Видите, видите? — торжествующе спрашивал я, показывая

на горизонт. — Этот остров открыт мной! Это остров Захара Загадкина!

Матросы как завороженные смотрели на открытую мною землю.

Поднялся на палубу и капитан, отдыхавший после вахты.

— Поздравляю, Загадкин, — сказал он, удивленно взглянув на горизонт. Улыбка скользнула по его лицу, и он добавил: — Но зачем так истошно кричать, юнга? Я нигде не читал, чтобы Колумб вопил, когда впервые увидел берега Америки…

— Товарищ капитан, прикажите спустить катер, — попросил я. — И позвольте тоже поехать на берег…

— Немного обождем, — ответил капитан. — На подходах к неведомой суше могут встретиться и неведомые опасности… Благоразумие требует потерпеть несколько минут.

Но за эти несколько минут случилась беда, непоправимая беда…

Мне отчаянно не повезло. Острова моего имени нет на картах, на его гористые берега так и не высадился ни один человек, хотя многие из команды нашего судна собственными глазами видели этот остров, видели городские дома, башню с круглым куполом, рыбацкие парусники у причалов.

Острова Захара Загадкина на картах нет. Что же произошло? Это такая обидная история, что даже не хочется говорить о ней. Может быть, доскажете ее за меня?

Салют в Баренцевом море

Как ни спешили мы попасть в Мурманск к праздникам, а не удалось. Утро 7 ноября застало наше судно в Баренцевом море, вблизи северного побережья Норвегии. И еще неприятность: надо ж было так случиться, что в ночь на 8 ноября именно мне выпала очередь нести вахту на палубе! Без того невесело встречать праздник на чужбине, а тут даже посидеть вечерком в корабельном красном уголке не придется…

Ничего не поделаешь, такова служба флотская, а все же на душе тоскливо.

Товарищи утешают, говорят, праздничную радиопередачу, Захар, ты и на палубе услышишь, репродуктор на судне замечательный, никакой шум моря его не заглушит, да и погода стоит спокойная.

Хорошо, конечно, голос Москвы послушать, однако обидно, что праздничного салюта не увижу: телевизора на корабле у нас нет. А я люблю салют смотреть. Очень уж торжественно и красиво лучи прожекторов по ночному небу играют.

Посетовал коку на свою участь, а тот и скажи:

— Знаешь, Захар, наверняка обещать не могу, но кое-что постараюсь сделать. Телевизор не телевизор, а есть у меня другое хитрое устройство, давно работаю над ним. Если к вечеру удастся пустить его в ход, тогда ты и другие товарищи салют увидите. Повторяю: обещать не могу, не все от меня зависит, да и деталей

некоторых не хватает…

Что верно, то верно — наш кок известный любитель техники, постоянно что-нибудь мастерит, изобретает. У себя в камбузе он к котлам особые пластинки приладил, от пластинок провод провел и теперь, когда суп или кофе закипают, пластинки сами огонь под котлами сбавляют. Большой выдумщик наш кок. Может быть, в самом деле пустит к празднику свое устройство?..

Наступает вечер. Несу вахту на палубе, слушаю праздничную передачу из Москвы. Немного веселее стало, особенно когда нам, всем плавающим по морям и океанам, привет передали. Незаметно подошло время салюта. Музыка в репродукторе стихла. Раздался бой часов со Спасской башни Кремля, потом донеслись до нас первые залпы орудийного салюта. Сейчас в

Москве взыграют прожекторы, взлетят в ночь цветные веера ракет.

Кончилась пушечная пальба, нет ничего в небе над нами, только звезды в высоте мигают. Досадно, подвело кока его хитрое устройство.

А тут и радио замолчало. Наверное, прервалась связь с Москвой. Только подумал об этом — на горизонте прожекторный луч вспыхнул. Пробежал по небу, за ним второй, третий,

четвертый, пятый… И пошло, и пошло! Такая чудесная игра света началась!

Что ни луч, то разным цветом горит — красным, малиновым, желтым, зеленым. Движутся по небосклону струи света, то сходятся в пучок, то разбегаются по сторонам и каждый миг меняют окраску. Только что луч был оранжевым, а стал лиловым, пунцовым, голубоватым, нежно-золотым. Снопы света вытягиваются в длину, потухают, снова заливают пламенем небосклон. Отражая игру огня, меняется и цвет моря — из синего делается сиреневым, розоватым, пурпурным, бледно-желтым.

Славно работали прожектористы, удивительно быстро меняли стекла в своих огромных лампах, Внезапно вдоль горизонта развернулась широкая огненная лента и тут же взметнулась высоко вверх. Она изгибалась, точно колеблемая ветром, потом снизу у нее появилась серебристая бахрома, а сама лента стала напоминать занавес. Волнистые складки занавеса растягивались, сжимались, опять растягивались, он горел, искрился, переливался, трепетал и вдруг… рассыпался на тысячи лучей.

И всё исчезло, на темном небе остались только яркие звезды.

Я был потрясен салютом! Хотел тут же поблагодарить кока, поздравить его, однако усомнился: хоть и большой он выдумщик, а вряд ли такое ему под силу… Все-таки корабельный повар, а не великий изобретатель… Впрочем, изобретатели — народ дотошный, от них всего ожидать можно. Ведь многие из них тоже не были известны, пока не прославились первым своим изобретением. Пожалуй, и с нашим коком так будет, если он в самом деле придумал устройство, чтобы без телевизора смотреть салют за тысячи километров, показывать в небе чудесные световые картины. Жаль, что в технике разбираюсь слабо, не решить мне этот вопрос…

Подслушанный разговор

Нехорошо подслушивать посторонний разговор, еще хуже передавать его, попросту говоря — сплетничать. Мне самому это понятно, да все против моей воли вышло. Забрался я после дежурства в укромный уголок на палубе, книжку раскрыл, как вдруг слышу — товарищи рядом беседуют. Голоса громкие, морские, чужие слова сами по себе в уши лезут, и книжка, на грех, попалась малоинтересная. Поэтому в умышленном подслушивании юнгу Загадкина прошу не винить. Не стоило бы вспоминать о том случае, если б разговор очень занятным не оказался.

Началось с того, что я услышал голос корабельного радиста, такого же выдумщика, как наш кок. Говорит радист с хрипотцой, по ней и определил, кто хозяин голоса.

— Давно это было, я тогда еще комсомольский значок на своей куртке носил, — рассказывает радист. — В ту пору в нашем городке Горьковской области одна бабка жила, противная-препротивная. Не такая уж старая или немощная была, а работать ни за что не хотела, от любого дела отлынивала, даже самого легкого. За птицей смотреть отказывалась, сторожихой быть не желала. Словом, не бабка, а лодырь. К тому же выпивать любила. Вы спросите, где для выпивки деньги брала? А она целыми часами на церковной паперти сидела, милостыню просила. Что днем соберет, то к ночи пропьет. Кто не знал бабку, подавал монетку-другую — поди угадай, что она пьяница. А от тех, кто с нашей или соседней улицы, поживы у нее было мало.

Помню, сидит она у церкви, разные жалостные слова произносит, а ей, как положено, вежливо отвечают:

— Бог подаст, бабка.

Бабка злющая, огрызается на такой ответ: «Захочет и подаст, вам назло подаст!»

И вот ведь какое необыкновенное происшествие с этой бабкой приключилось. Выходит она ранним утром из хаты, где жила, а по всему ее дворику деньги рассыпаны. И всё серебряные! Земля словно после дождя мокрая, монетки тоже мокрые, так повсюду и поблескивают.

Обрадовалась бабка, собрала деньги в мешок, к соседям кинулась, серебро показывает. Соседи ахают, удивляются, а она им одно твердит: «Вот мне и подал бог. Вам, безбожникам, назло вместе с дождем с неба прислал!» Такую пропаганду божественную развела, что дальше некуда.

Обежала бабка соседей, от них прямиком в магазин

направилась, протягивает продавцу свое небесное серебро и вино взамен просит.

Продавец посмотрел на деньги, обратно возвращает: «Не могу монеты принять, у меня их кассир в банке не возьмет: хоть и русские, да не нашей, не советской чеканки».

Те, кто в магазине был, обступили продавца, интересуются деньгами, некоторые на зуб пробуют, не фальшивые ли. Серебро как серебро, но верно, чеканка не наша, царские гербы на нем выдавлены. Прав продавец, не примут монету в банке.

Бабка на своем настаивает, спорит с продавцом, говорит:

— Деньги с неба получены, мне их бог послал, обязаны принять!..

— Значит, ошибся бог, — посмеивается продавец, — либо ангелы в небесной канцелярии напутали. Пожалуй, хлебнули лишнего и не из той кладовой монетки достали…

Шутки шутками, а в городке полный переполох, умов смятение: деньги хотя не наши, но все же серебряные, притом действительно на бабкин двор с неба упали… После того происшествия трудно стало нам, комсомольцам, антирелигиозную пропаганду вести. Много хлопот было, пока разобрались, в чем дело, и другим разъяснить сумели. А небесные деньги бабка потом в музей сдала, там ей уплатили за них советскими рублями. Куда она те рубли направила, сами догадываетесь…

— И у меня на родине похожее было, только не с деньгами, а с рыбой, — раздается другой голос, заливистый, будто петушиный: так у нас младший помощник штурмана разговаривает. — Поселок наш степной, у станции Целина в Ростовской области расположен. Ни рек, ни озер в ближней округе нет, потому свежая рыба редко у нас бывала. А однажды посыпалась она на поселок из… облаков! Не так чтобы велика рыба, а все же свежая, прудовая. Иные улицы богато завалила. В тот день большое удовольствие поселковые кошки получили.

И пошли рассказы о разных чудесных историях. Один

слышал, что где-то лягушки не из болота, а из тучи прыгали, другой о спелых апельсинах, которые наподобие града с неба сыпались. Третий о дожде из раков вспоминает, четвертый — о красном снеге, что в северных местностях выпадает, пятый — о том, как из облаков кровь льется…

Я и позабыл, что у меня книжка в руках, сижу слушаю, слово боюсь пропустить. Всех говоривших по голосам признал — люди солидные, небылицы будто бы не должны сочинять. Однако моряки иногда преувеличивать любят, особенно если о чем-нибудь необыкновенном рассказывают. Вот и разбери, правду говорят или выдумывают. Очень меня это заинтересовало, а спросить неловко. Все они старше меня, как им задаешь вопрос: «А вы, товарищи, не сочиняете?»

Коварный кок

Мы вышли из Одессы во Владивосток. Это было первое мое дальнее плавание, и, готовясь к нему, я ознакомился по карте с морями и океанами, которые предстояло пересечь нашему судну, с портовыми городами, где следовало брать или сдавать грузы. Голова была полна географических названий, и я радовался, что каждое название вскоре превратится в живые картины волн, берегов, причалов, гаваней.

К концу вторых суток пути мы оставили за кормой Черное море и вступили в Босфор — узкий пролив между Европой и Азией. Спустя несколько часов корабль бросил якорь в бухте Золотой Рог, где расположен большой турецкий город Стамбул. Мы быстро сдали часть груза и тут же отправились далее.

— Знаешь ли, Захар, что, прежде чем попасть во Владивосток, мы снова окажемся в Босфоре и снова бросим якорь в бухте Золотой Рог? — спросил корабельный кок, когда мы прошли Дарданеллы и плыли лазурным Эгейским морем.

Я отрицательно покачал головой:

— Неправда, по дороге на Дальний Восток возвращаться в Стамбул мы не будем…

— Будем или не будем — разговор другой, а через Босфор обязательно пройдем, непременно бросим якорь и в бухте Золотой Рог. Не хочешь ли биться об заклад? Ставлю десяток пирожных против коробка спичек, что окажусь прав, — предложил кок, самый завзятый спорщик на нашем судне.

Я не сомневался, что кок шутит, но все-таки еще раз взглянул на карту. Ну конечно, шутит, хочет посмеяться надо мной!.. И я решительно ответил:

— Давай спорить!

Мы ударили по рукам.

Протекло несколько недель. Плавание близилось к концу. Мы шли Японским морем. До Владивостока оставалось менее суток хода, и я уже ощущал на языке вкус выигранных мною пирожных.

Но, представьте себе, коварный кок был прав! Не возвращаясь к морскому проливу между Европой и Азией, мы снова прошли через Босфор и вторично бросили якорь в бухте Золотой Рог!

Кок взял у меня выигранный на спор коробок спичек и назидательно произнес:

— Помни, Захар, что из двух спорщиков один всегда

ошибается. Поэтому, прежде чем биться об заклад, проверяй свои знания. А теперь марш в камбуз! Угощу не пирожными — сам понимаешь, они тобой не заслужены, — а такой едой, которой Золотой Рог славился издавна, да и теперь славится, хотя многие с непривычки боятся положить ее в рот. Но ты не бойся, еда очень вкусная…

Необыкновенная Европа

Наше судно держало курс из Аравийского моря к мысу Доброй Надежды. Индийский океан был спокоен, и ничто не предвещало каких-либо чрезвычайных происшествий. Однако, когда мы проходили широким проливом между Южной Африкой и одним большим островом, неожиданно произошла серьезная поломка в машинном отделении. Судно остановилось. Механики заявили, что на ремонт им потребуется около шести часов. Это было очень досадно, но помочь механикам я не мог и подумал, что надо воспользоваться непредвиденной остановкой, чтобы хорошенько осмотреть Европу.

Сказано — сделано. С разрешения капитана сажусь в шлюпку, быстро добираюсь до берега и за несколько часов обхожу пешком всю Европу. Впечатлениями от интересной прогулки я вскоре поделился в письме к брату.

«Ну, это беспардонные враки! — возмутился брат в ответном

письме. — Ты, Захар, сочиняешь небылицы похлеще знаменитого барона Мюнхаузена. Как можно за несколько часов обойти пешком всю Европу? И разве она находится в Индийском океане, у берегов Африки? Выдумываешь, братец…»

Но я ничего не выдумывал!

Честное слово, я говорил правду. Я и впрямь был в Европе, находящейся в Индийском океане, в Европе, которую можно обойти пешком за несколько часов.

Необыкновенная Азия

Вы, конечно, знаете, что Азия — величайшая по размерам часть света: она занимает сорок два миллиона квадратных километров, и на ее обширных пространствах расположены земли многих государств.

Хорошо знал это и я, но вот какой любопытный случай произошел во время перехода нашего судна из Владивостока к австралийскому порту Дарвин.

Мы покинули родные советские берега, взяли попутный груз на Филиппинах, а затем направились к Арафурскому морю. К югу от этого моря лежал нужный нам город-порт Дарвин, названный так в честь великого английского ученого Чарлза Дарвина, посетившего север Австралии во время плавания на корабле «Бигль».

Корабль шел как раз над знаменитой Филиппинской впадиной Тихого океана, глубина которой превышает десять с половиной километров. Я стоял на палубе, бесстрашно поглядывая на чудовищную, заполненную водой пропасть под своими ногами, когда услышал за спиной голос корабельного кока:

— Мы плывем к экватору, Захар, и завтра к вечеру должны пересечь его. Знаешь ли ты, что до наступления этой знаменательной минуты тебе посчастливится снова увидеть берега Азии?

— Берега Азии? Нет, это невозможно, они давно остались за нашей кормой…

— Кому невозможно, а кому возможно, — невозмутимо ответил кок. — Больше того: я доверяю тебе, юнга, и потому открою одну из самых сокровенных географических тайн. Да будет ведомо тебе, что Азия отнюдь не материк, как ты ошибочно считаешь, а… острова, построенные кораллами. И еще: от крайнего севера и до крайнего юга, от крайнего востока и до крайнего запада Азия принадлежит… Голландии! Да, эта маленькая страна ухитрилась подчинить своей власти всю Азию! Что скажешь, юнга? Пожалуй, придется забыть выученное на уроках в школе?..

Кок торжествующе смотрел на меня. Но я знал, что хотя он и не любит привирать, но не прочь подшутить над неосторожным

человеком. Поэтому, опасаясь подвоха, я благоразумно промолчал.

И что же? Как ни удивительно, а кок оказался прав. Наступило завтра, и он показал мне на горизонте коралловые рифы и берега Азии.

Я не последовал нелепому совету и не забыл того, чему учился на уроках географии в школе, но в памяти сохранил и Азию, неожиданно увиденную среди экваториальных вод Тихого океана.

Холодная Африка

Туман постепенно редел, но небо по-прежнему окутывала плотная пелена свинцово-серых облаков. Было холодно, дул резкий, пронизывающий ветер. Я стоял на палубе, зябко поеживаясь на ветру, и мечтал о дне, когда подойдет конец этому бесконечному плаванию в неприветливых водах студеного северо-восточного моря.

Туман продолжал рассеиваться, и вдали показались неясные очертания берега.

— Как ты думаешь, Захар, что видим мы перед собой? — спросил корабельный кок, который, зачем-то выйдя на палубу, заметил, что я всматриваюсь в возникающую из тумана землю.

Вы, наверное, помните, что наш кок — мужчина коварный и любит задавать каверзные вопросы. Поэтому, прежде чем ответить, я еще раз взглянул на приближавшуюся неведомую мне землю.

Многочисленные льдины белели у обрывистого берега, покрытого снегом. Было время прилива, и с моря стремительно бежали волны: ветер срывал клочья пены с их гребней, на наши лица падали колкие ледяные брызги.

— Не вижу ничего особенного, — подумав, ответил я. — Обычная для этих вод картина…

Ошибаешься, юнга. Как всегда, ошибаешься. Мы на полном ходу приближаемся к… Африке. Не пройдет и получаса, как ты отчетливо увидишь африканский берег,

— Где?.. В этом море?..

— Да, Захарушка. Как ни огорчительно для тебя, но это так. Ты привык думать, что Африка — это зной, пышная тропическая растительность… А не хочешь ли повидать холодную Африку, где климат и растительность такие же, как на Камчатке, а люди по девять-десять месяцев в году не расстаются с ватными брюками и курткой? Разные есть Африки, и тебе, как мореплавателю, не мешало бы это знать, Захар…

Конечно, я не поверил коку. Но, уверяю вас, он опять оказался прав! Я убедился в этом собственными глазами.

Америка в… Азии

Что такое Америка? Думаю, большинство моих читателей без труда ответят на этот незамысловатый вопрос. Я услышу от вас, что Америка — часть света в Западном полушарии, состоящая из двух больших материков: Северной Америки и Южной Америки, соединенных длинным и узким Панамским перешейком. Многие добавят, что открыта она в 1492 году Христофором Колумбом, а названа по имени итальянца Америго Веспуччи, на рубеже XV и XVI веков посетившего и описавшего Новый Свет, как долгое время величали земли, открытые Колумбом на западе Атлантического океана.

Так?

Вообще-то так, но вместе с тем и не совсем так. Поэтому, чтобы не попасть впросак, не торопитесь отвечать, если вам зададут, казалось бы, простой вопрос: «Что такое Америка?»

В то плавание, когда в студеных водах далекого северо-восточного моря я впервые увидел холодную Африку, меня подстерегала еще одна географическая неожиданность.

Мы покинули неприветливые воды этого студеного моря и полным ходом шли на юг, к новому, великолепному отечественному порту у дальневосточных берегов Азии. Там судно собирались поставить на ремонт, а многим из команды, в том числе мне, дать очередной отпуск. Как ни хорошо в море, а дома все же лучше. И мы с нетерпением мечтали о дне, когда, сойдя на сушу, сядем в поезд, который повезет нас домой.

— До чего медленно тянутся последние часы плавания! — поделился я с коком своими чувствами. — Одно утешение: каждая минута приближает нас к родным берегам…

— Ты хочешь сказать — к берегам Америки?

— Вот уж неуместная шутка! — вспылил я, возмутившись до глубины души. — При чем тут Америка? Мы идем к берегам Азии, а не Америки!

— Шутка? Отнюдь, я говорю вполне серьезно. Не горячись, юнга, ты ведь не раз убеждался, что корабельный кок не бросает слова на ветер. А потому не спорь, не выдавай прискорбного своего невежества…

Как можно не спорить, когда наука всецело на твоей стороне? И все же «пуганая ворона куста боится», не без основания

утверждает пословица. Невольно вспомнились неприятности, постигшие меня с холодной Африкой, с необыкновенной Азией, вспомнилась Европа, собственными глазами виденная в Индийском океане. В географии, решил я, возможны всяческие сюрпризы, и спорить с коком не стал.

И поступил разумно.

Произошло невероятное на первый взгляд событие. Чем ближе подходили мы к берегам Азии, тем ближе делались и берега Америки! Клянусь вам, что это было именно так! И вот наступила наконец минута, когда нежданно-негаданно для себя я нашел Америку в… Азии!

— Хороша находка? — язвительно спросил кок, подстерегавший знаменательную минуту.

Судно как раз обогнуло в то время невысокий мыс, и перед нами открылся вдающийся в сушу залив.

Корабль пересек залив и направился к удивительно тихой, спокойной бухте. Каменистые сопки полукольцом охватывали ее, подступая к самой воде.

У подножия сопок, как бы врезанный в них, лежал большой город. Над закованными в бетон набережными высились портальные краны. У причалов и на рейде стояли десятки океанских судов.

— Хороша находка? — смеясь, повторил кок.

— Находка замечательная, — согласился я.

Что можете вы добавить к моему рассказу, и как правильнее писать в последних фразах слово «находка» — со строчной буквы или с прописной?

Беседа морских волков

Случилось так, что приехал я из очередного отпуска, а корабля в порту нет, ожидают его завтра или послезавтра. Как быть? Сдал вещевой мешок в камеру хранения, отправился в Дом моряка и получил там койку в номере-общежитии.

Номер большой, на пять человек. Вечером знакомлюсь с товарищами, Все, словно на подбор, народ бывалый, настоящие морские волки. Поиграли мы в домино, а когда стук костяшек наскучил, принялись вспоминать разные занятные истории из своей жизни. Сперва слушали меня, дивились приключениям, о которых вы уже знаете, потом слово стали брать другие.

— Грешный человек, обожаю яичницу, — начал первый морской волк. — Но только из свежих яиц, не из порошка. А перед выходом в плавание снабдили нас таким запасом яичного порошка, что ежедневные омлеты из него до смерти надоели всей команде, а мне в особенности. Поверите, до того стосковался по домашней яичнице-глазунье, что даже во сне ее видел! И вот приближаемся к большому порту. Рассчитываю сойти на берег, купить яиц, да экая незадача — назначают меня старшим по разгрузке и погрузке. Однако сообразил, окликнул товарища, который собрался в город, прошу взять для меня на базаре лукошко яиц.

— Лукошко? — переспрашивает товарищ. — А одного не хватит?

— Что ты, браток! Разве одним яйцом будешь сыт? Ну, если не лукошко, принеси хотя бы пяток.

— Как бы не разбить по дороге… Впрочем, ладно, что-нибудь придумаю. В крайнем случае возьму такси.

Так он и сделал. Купил пяток яиц, отдал повару, а тот к вечеру приготовил на противне заправскую яичницу, поджаристую, золотистую.

Сел я за стол, вооружился вилкой, прикидываю — что-то очень большая яичница получилась, да и желтки будто бы великоваты, каждый с суповую тарелку! Пожалуй, такую глазунью в одиночку и не осилишь. Зову товарища, того самого, который доставил яйца. Сидим жуем, повара добром поминаем — вкусна яичница, — а справиться с ней не можем. «Да ты сколько яиц купил, полсотни, что ли?» — «Зачем полсотни? Сколько прошено, столько куплено, ровно пять штук».

Делать нечего, приглашаю третьего товарища, потом четвертого, пятого. А дно у противня по-прежнему едва видно… Пришлось вызвать на подмогу еще пять человек, — только тогда удалось одолеть яичницу из пяти яиц! Ну и наелись же!..

— Хороша яишенка! — сказал второй морской волк. — Чего только не увидишь во время плавания! Иной раз начнешь рассказывать, а тебе даже не верят. Мне, к примеру, довелось проезжать на машине по одному острову. Дорога вьется меж

полей-площадок, расположенных террасами одно повыше или пониже другого. Каждое поле огорожено земляными стенками, от площадки к площадке прорыты канавы. Вижу — крестьяне работают на буйволах, перемешивают вязкую болотистую почву, похожую на глину.

«Что они делают?» — спрашиваю шофера-островитянина. «Готовят поле под рис, — отвечает шофер. — Когда вспашут, тогда воду пустят».

Проехали еще с полкилометра. Смотрю — затопленная водой площадка, а на ней женщины высаживают рассаду — молодые растеньица риса. «Молодцы, думаю, здорово опередили соседей! Те лишь пашут, а эти уж посев заканчивают!»

Едем, однако, дальше. Глазам открывается яркий изумрудно-зеленый лужок. Серебристая вода поблескивает на солнце. «А тут что?» — спрашиваю. «Тоже рисовое поле». Вот это да! Похваливаю про себя хозяев поля, это работяги-скоростники! Там рассаду высаживали, а тут и до урожая недалеко…

Проехали еще немного — опять поле, и еще удивительней. Рис колосится, наливает зерна в метелках, кое-где даже начал желтеть, вот-вот созреет. Не успел задать вопрос шоферу, как за поворотом показывается новое поле, совсем сухое, а по нему ходят жнецы с серпами. Еще поле — а на нем снопы и скирды сжатого риса! Перестал я что-либо понимать: ведь от пахоты До уборки урожая должно несколько месяцев пройти, а здесь на соседних полях где весна, где лето, а где осень! «В чем дело?» — спрашиваю шофера. «Дело простое, отвечает, мы со временем года не считаемся. Одни пашут, другие сеют, у третьих рис колосится, а четвертые урожай снимают, — кому как сподручнее. У нас так исстари заведено».

Да, немало любопытного встречается на свете, — заметил третий морской волк. — Мне вот довелось увидеть в одном проливе редкостный мост. Был он очень широк, шире любого другого моста, но поразил меня не шириной, а длиной. Знаете, на

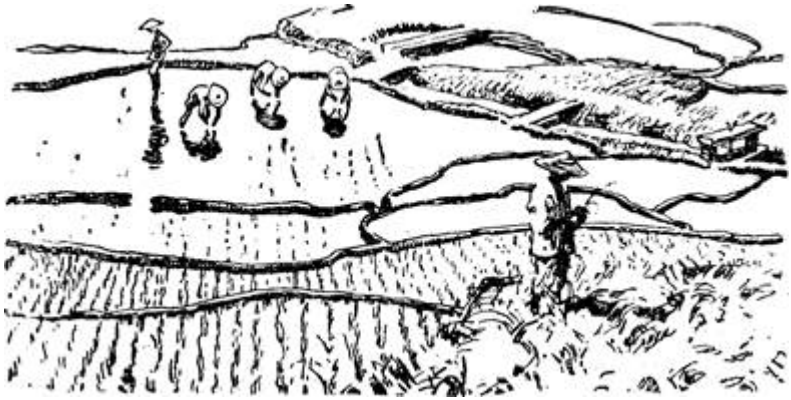
сколько он тянулся? На добрые сто километров! Точную длину не назову, врать не стану, но плыл наш катер вдоль него час за часом, а конца мосту все не было. Время от времени поднимались над ним дымки — это шли пассажирские и товарные поезда. Мост такой длинный, что на нем есть железнодорожные станции с запасными путями и вокзалами! Говорят, что через этот мост даже судоходный канал проложат…

— Действительно, всем мостам мост, — сказал четвертый морской волк. — Однако и мост в сто километров, и остров, где на рисовых полях одновременно пашут, сеют, убирают, да и яичница из пяти яиц, которую едва одолели десять человек, — все это пустяки по сравнению с тем, что пережил я. Хотите, расскажу о происшествии совершенно невероятном?

— Хотим, хотим! — в один голос заявили мы.

— Ну, так вот… «У него семь пятниц на неделе», — говорят про человека, быстро меняющего свои решения или взгляды. Я не из таких людей, но однажды и впрямь приключилось у меня семь пятниц, и даже не на неделе, а на дню! Работал я тогда на китобойном судне. Слыхали, как охотятся на китов? Заметят в море фонтан — это кит всплывает подышать воздухом, выстрелят из гарпунной пушки. Гарпун вопьется в кита, и тому уж не уйти, хотя хлопот с ним предстоит еще немало. В тот день выстрелил наш гарпунер, попал в кита, и, как обычно бывает, раненое животное потащило наше судно словно бы на буксире. Туда, сюда мечется кит, то с запада на восток, то с востока на запад, а судно за ним, повторяет все его маневры. Киту лишь бы уйти от нас, а у нас что ни полчаса, то надо бы менять листок на календаре. Только что была пятница, а вдруг стала суббота, потом опять пятница, опять суббота, и так семь раз! Хорошо, что догадались мы, в чем загвоздка, и не трогали листков на календаре, а то не расхлебать бы путаницу с днями. Несколько часов таскал нас кит на буксире, пока не изнемог. Тогда подтянули его к судну, подняли на палубу, а календарь перестал нас беспокоить…

До поздней ночи длились рассказы морских волков. Я бы до утра мог слушать, да остальные волки спать захотели.



Вторая беседа морских волков

Думал, больше не увижу тех морских волков, которые о необыкновенной яичнице и других странностях рассказывали. А довелось опять встретиться, и очень скоро.

На рассвете расстался с ними, до сумерек проторчал на молу, высматривая, не покажется ли мой корабль среди волн. Как на грех, погода выдалась штормовая, — промок, простыл, зуб на зуб не попадает. Уже в сумерках узнаю, что получена радиограмма: корабль завтра прибудет.

Возвращаюсь в Дом моряка. Лег на койку, с нетерпением ожидаю, пока остальные морские волки соберутся.

К вечеру явились все. В номере тихо, тепло, а за окнами ветер воет, холодным дождем в стекла бьет. Не хотелось в такую непогоду о плаваниях вспоминать, уговорились волки о приключениях на суше рассказывать. Мы хотя привычные к корабельной жизни, любим ее, а все же иногда приятно, что под ногами пол ходуном не ходит, койка не раскачивается, а на столе стаканы не пляшут, чай из себя не выплескивают…

— Давно это случилось, я и моря тогда не видал, в ремесленном училище обучался, — взял слово первый морской волк. — Училище в Киеве находилось, а мать моя в колхозе жила, километрах в девяноста от города. Как-то в субботу поехал ее проведать, да в воскресенье задержался, к последнему местному поезду опоздал. Однако иду к станции, авось ночью еще какой поезд будет, отвезет в Киев. А на станции такой поезд как раз и стоит, вот-вот тронется.

Спешу билет купить — касса деньги не принимает: поезд курьерский, остановился непредвиденно, потому и билеты не продают. А мне непременно к утру в училище поспеть надо. Что делать? Была не была, решаю зайцем поехать — так железнодорожники безбилетных пассажиров называют.

Сесть зайцем в курьерский оказалось не просто: на всех подножках проводники дежурят, хоть плачь — без билета не впускают. Совсем отчаявшись, добежал до конца поезда, а там товарный вагон прицеплен, и дверь у него приоткрыта. Кинул туда чемодан, сам прыгнул, тут и поезд тронулся.

Ну и переполох я произвел в вагоне! Безбилетных зайцев вроде меня много там скопилось. Испугались, наверное думают,

контролер вскочил. Я ведь в полной ремесленной форме был: фуражка с кокардой, шинель с петлицами, серебряные пуговицы…

Малость отлегло у меня от сердца: как-никак, а еду! Пристроился в углу, открыл чемодан, домашнюю колбасу достаю, Отламываю по кусочку, сам ем, соседям предлагаю. Они не берут, каждый свое ест.

Приближаемся к Киеву. Соображаю, как бы из вагона незаметнее выбраться, чтобы неприятность из-за билета не получилась. Однако все благополучно обошлось. В Киеве к железнодорожным зайцам иногда хорошо относятся, даже уважение оказывают. Поверите, автомобили подали, всех по машинам рассадили. А через несколько дней узнал, почему железнодорожники нас штрафовать не стали: попутчики мои хотя зайцами ехали, но все иностранцами были, заграничный паспорт имели…

— У меня тоже любопытная история на суше произошла, — начал второй морской волк. — Скажу по совести, за время плавания здорово я по нашему русскому Лесу соскучился. Прошлой осенью получил отпуск, приехал пожить к родному дядюшке и при удобном случае отправился по лесу побродить. А лес большой оказался, разным зверьем богатый. Зверь непуганый, людей не боится. Белки по ветвям скачут, енот мимо меня пробежал, в стороне лисий хвост мелькнул. На одной поляне косули беспечно пасутся, на другой оленей заметил, пощипывают траву, на меня едва глядят, даже немного обидно стало. Лоси, те вовсе внимания на человека не обращают, занимаются своим делом: стволы сосенок гложут, лоб о древесную кору чешут. Один огромный лось до того обнаглел, что прямиком на меня двинулся. Ветвистые рога выставил. Ну, морячок, готовься к смерти, сейчас насквозь проткнет меня своими рожищами.

А при мне ни ружья, ни ножа, да и не охотник я. Снял с себя пиджак, норовлю зверю на рога накинуть, чтобы мягче было, когда он меня протыкать будет. Но в последний момент одумался лось, фыркнул сердито, ушел в лесную чащу.

— Эка невидаль! — заявили мы рассказчику. — В Советской стране немало лесов с диким зверьем имеется: на Дальнем Востоке, в Сибири, На Европейском севере России…

— А вы дослушайте, — возражает рассказчик. — После происшествия с лосем почему-то расхотелось гулять по лесу. Выбрался из чащобы, пересек небольшое поле, сел в троллейбус и спустя пятнадцать минут был у своего дядюшки. Живет дядюшка в центре России, в огромном городе с тысячами заводов и фабрик, а городской троллейбус за четверть часа вас в лес отвозит, где

непуганые звери водятся…

— И я в гости к дяде ездил, — сказал третий морской волк. Но мой дядя не в огромном городе живет, а в пустыне огромной. Давно приглашал навестить, в письмах постоянно запрашивал; не надоели тебе, дорогой племянник, водные океаны, не хочешь ли океан песков посмотреть?

Приехал к дяде. Сам он на работе был, я тем временем с местностью ознакомился. Впрямь похожа на океан пустыня. И такая же бескрайняя, и волны по ней ходят от наших только по цвету и составу разнятся. В океане они водяные, зеленоватые, в пустые — песчаные, желтые, и называются иначе: барханами. Даже гребни у пустынных волн есть. Верно, хоть и песчаный, а океан, разве что одного нет — рыбы. Пришел дядя с работы, сказал ему об этом, а он всерьез обиделся:

— Как нет рыбы? Раз пустыню океаном называем, значит, и рыба есть, Не веришь? А если свежей ухой угощу?

Взял дядя сеть, поднялся на соседний бархан и вскоре исчез в своем песчаном океане. А когда вернулся, заявляет: всё в порядке, завтра будем уху варить.

Наутро опять пошел дядя за бархан, обратно возвращается, рыбину тащит. Сом! Еще живой, жабрами шевелит…

— Где ты его добыл? Разве сомы в песках водятся?

— Прослышал сом, что пустыню океаном величают, вот и заплыл, а что океан не водный, а песчаный, не разобрался. Это не рыбьего ума дело…

Кончил рассказывать третий морской волк, дивимся мы водяному жителю, который в песчаной пустыне в рыболовную сеть угодил, а четвертый волк говорит:

— От водяных жителей разного ожидать можно. У меня, к примеру, с крабами странное происшествие было. На Дальнем Востоке много этих крупных и мясистых морских животных, в жесткий панцирь, как в броню, одетых. Обитают они в морях, там кормятся, нередко тысячными стадами по дну передвигаются. Я их повадки неплохо узнал — несколько лет на краболовном

судне-заводе работал. Мы этих бронированных подводных путешественников с многометровой глубины сетями доставали. Место работы потом сменил, но, конечно, помнил, что краб — животное морское, а не наземное.

Однажды, было это в Индийском океане, стояли мы у небольшого острова. В свободный час сошел на берег, погулял, а когда утомился, прилег отдохнуть под кокосовой пальмой. Вдруг сверху на меня тяжелый предмет валится. Смотрю, старый знакомец — краб! Неужели с дерева упал? Поднимаю глаза, не верю тому, что вижу: высоко на пальме крабы сидят, клешнями орехи отрезают! Вот так морские жители, по деревьям словно акробаты лазают!.. Другие крабы возле меня на земле трудятся, обрывают волокна с ореховой скорлупы. Наблюдаю за их занятием, а они уже пробили дыру в скорлупе, мякоть жрут! Я бы сам не прочь орехами полакомиться, да скорлупа тверда, — зубами не разгрызешь. Хотел отнять один орех, но побоялся, клешни у крабов сильные.

Насытились мои крабы, наверное, сейчас обратно в море уйдут. Нет, под деревьями у них глубокие норы среди корней оказались. Заглянул в пустую нору, а туда волокна с ореховой скорлупы натасканы, из волокон мягкая постель устроена. Ну и морские жители — норы под деревьями вырыли, на сухой подстилке спят!

Спросил у местных людей, а те жалуются: у нас крабы не только орехи воруют, но и птичьи гнезда разоряют, в дома забираются, клешнями ящики разламывают, мешки дырявят, всё съедобное пожирают…

Опять до поздней ночи морские волки истории рассказывали. Утром мой корабль пришел, и я распростился с ними.

Переполох на экзамене

Немало людей слышало о юнге Загадкине и шлет мне письма с различными занятными вопросами. Письмо о чудесах в решете — о том, как морскую рыбу сетями на берегу ловят, — вы уже читали. Не могу умолчать и о другом письме. Письмо любопытное, а еще любопытней человек, который его отправил. Подписался он так: «Жму руку. Фома Отгадкин».

От неожиданности я даже растерялся, — Отгадкин пишет Загадкину! И сразу подумал: это, как говорили древние, указание или перст, то есть палец судьбы. Так оно и вышло, оправдалось мое предчувствие. Забегая вперед, скажу, что вскоре довелось нам познакомиться и сдружиться. А пока приведу письмо Фомы Отгадкина. Вот оно:

«На прошлой неделе сдавал я экзамен по географии — хотел в школу юнг поступить. Явилось нас человек сорок. Сидим в зале, волнуемся. Экзамен — событие важное, на него даже девушка-корреспондентка из пионерской газеты пришла, заметку о будущих юнгах писать.

Вызвали меня к карте, задают первый вопрос: „Что вы, молодой человек, о Дунае знаете?“

О Дунае я знаю многое, всего не перескажешь, — ведь на экзамене отвечаю не один, надо и остальным время для ответов оставить. Решил выложить лишь часть своих знаний. Собрался с мыслями и говорю:

„Дунаем называются острова в Сибири“.

„Как вы сказали, — переспрашивают экзаменаторы, — острова в Сибири?..“

„Совершенно верно“, — подтверждаю свой ответ и, чтобы не было сомнений, показываю на карте положение островов.

„Так-так, — покачивают головами экзаменаторы. — Вы, молодой человек, наверное, в тех местах живете?“

Настала моя очередь покачать головой:

„Нет, живу в Челябинске, но Сибирью интересуюсь давно, мечтаю поехать туда: край богатейший, а людей в нем маловато…“

„Весьма похвальная мечта. Если так, то и спрашивать о Сибири не будем, — видимо, ее география изучена вами неплохо. Перейдем ко второму вопросу. Скажите, пожалуйста, где

расположены Балканы?“

„Балканы?.. В нашей Челябинской области“.

„Где?..“

„В Челябинской области“.

„Хорошо, допустим, что так. Тогда где Варна находится?“

„Там, где положено, вблизи Балкан, и тоже у нас в Челябинской области“.

„Допустим и это. Ну, а о таком населенном пункте, как Лейпциг, вы слышали? Может быть он тоже в вашей области находится?“

„Конечно, в нашей, я сам неподалеку от него родился. В пионерском лагере не только с лейпцигцами, но и с берлинцами, варшавянами, парижанами не одно лето провел. Хорошие ребята. Все они тоже коренные уральцы, в нашей области родились и выросли. Там же их отцы, деды и прадеды жили…“

„Может быть, в вашей области и лондонцы есть?“

„Лондонцев не встречал, привирать не стану…“

Отвечаю не спеша, толково, а по залу от моих ответов шум идет, полный переполох поднялся. Те, кто экзамена ждет, на меня, как на пропащего человека, с сожалением поглядывают: всё на свете, несчастный, перепутал! Одни ахают, другие смеются, третьи свои шпаргалки недоверчиво проверяют.

Девушка-корреспондентка из пионерской газеты не выдержала, кинулась к столу экзаменаторов, вполголоса доказывает им, что Балканы на юге Европы находятся, Варна — в Болгарии, Лейпциг — в ГДР, что берлинцы, варшавяне, парижане в Челябинской области не живут. Но экзаменаторы свое дело знали, тоже вполголоса заявили этой девушке:

„Отвечает Отгадкин верно, однако его ответы в своей газете не печатайте; пока за границей сведущие люди разберутся, как бы дипломатических неприятностей не получилось…“

Вот так отвечал я на экзамене, дорогой Захар. Как тебе мои ответы понравились? Жму руку. Фома Отгадкин».

Конечно, странно отвечал Фома, а правильно. Имена у нас разные, но характеры похожие. Я сам отвечал бы так же.

Пояснения

Завтра снова будет сегодня

Корабль Захара шел по Тихому океану. А в этом океане есть условная линия, пересекая которую можно либо попасть во вчерашний день, либо оказаться в дне завтрашнем. Что это за линия? Это — линия смены дат, установленная международным соглашением в 1884 году. Пока такой линии не существовало, нередко случались недоразумения. В XVIII веке на Аляске встретились русские и англичане. Русские прибыли туда с запада, англичане — с востока. При встрече неожиданно выяснилось, что русские празднуют воскресенье тогда, когда в Америке… суббота! В 1519–1521 годах «потеряли» день спутники Магеллана, совершившие первое кругосветное плавание. В своем корабельном журнале они вели точный счет суткам и были убеждены, что вернулись на родину в четверг. А там в день их возвращения была… пятница! Отважных путешественников заставили каяться в церкви, потому что во время плавания они отмечали религиозные праздники на день позже.

Кто был виноват, что у испанских моряков «пропал» день? Ведь в их судовом журнале ошибки не было. «Виноватым» оказалось вращение Земли.

«Виктория» — единственный вернувшийся на родину корабль Магеллана — находилась в пути 1082 дня. Так считали в Испании. А по счету самих мореплавателей их путешествие продолжалось 1081 день.

Земной шар, вращаясь с запада на восток, оборачивается вокруг своей оси ровно за сутки. За время плавания «Виктории» Земля обернулась вокруг своей оси 1082 раза. Но один оборот — в направлении, обратном движению земного шара, — совершила сама «Виктория», плывшая с востока на запад, иными словами — она обернулась вокруг земной оси только 1081 раз. Потому-то мореплаватели и не досчитались дня в своем судовом журнале.

Русские поселенцы в Аляске, наоборот, двигались в направлении вращения Земли — с запада на восток. Поэтому они попали во вчерашний день.

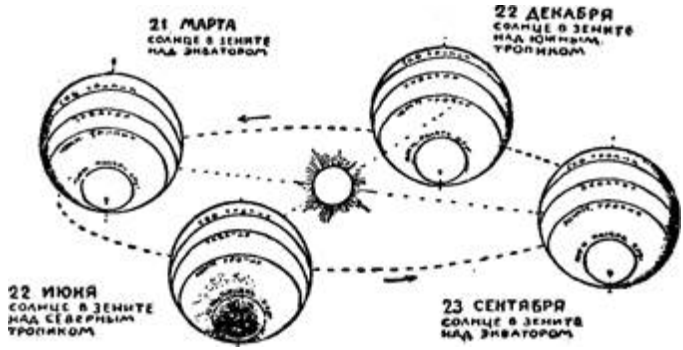
Чтобы подобные ошибки не повторялись, была установлена линия смены дат. Ее провели по 180 меридиану от Северного полюса через Берингов пролив и далее по Тихому океану к Южному полюсу. Когда на этой линии полночь, на всей Земле один и тот же календарный день. Но уже в следующее мгновение

к западу от линии смены дат начинается новый день; через двадцать четыре часа он вернется к ней с востока, чтобы закончить здесь свое существование. На этой линии — граница между днем сегодняшним и днем вчерашним, между днем сегодняшним и днем завтрашним.

Захара Загадкина выручило то, что его корабль пересек 180 меридиан, плывя с запада на восток: день завтрашний остался днем сегодняшним. А если бы корабль двигался в обратном направлении? Тогда юнге, чтобы получить сладкое, пришлось бы выучить не одну, а две дюжины слов, потому что с календаря сорвали бы сразу два листка.

Уругвайское солнце

Уругвай находится в Южном полушарии Земли. Как всюду на нашей планете, солнце восходит там на востоке, а заходит на западе. Однако, если к северу от пояса тропиков солнце всегда движется по южной стороне горизонта и по ходу часовой стрелки, то к югу от тропиков оно всегда движется по северной стороне горизонта и против хода часовой стрелки. Вот почему Захар Загадкин, впервые попав в Уругвай, подумал, что с солнцем что-то случилось, так как тень от навеса в кафе перемещалась «не в ту сторону».



В небе Индонезии

В Уругвае Захар Загадкин убедился, что в Южном полушарии солнце светит с северной стороны горизонта. Почему же в Индонезии, тоже лежащей в Южном полушарии, юнга увидел солнце на южной стороне горизонта?

Дело в том, что в Южном полушарии солнце видно изо дня в день на северной стороне горизонта, а в Северном полушарии — на южной стороне горизонта не всюду, а только в районах между тропиками и полюсом.

А в тропиках? В тропиках обоих полушарий солнце светит или с севера или с юга, в зависимости от того, где оно находится в зените — наивысшей точке видимого нами небесного свода.

Севернее и южнее пояса тропиков солнце в зените никогда не бывает. В полдень 21 марта и 23 сентября оно стоит в зените над экватором, в полдень 22 июня — над северным тропиком, в полдень 22 декабря — над южным тропиком.

Корабль Захара пересек экватор и прибыл в Джакарту, находящуюся между экватором и южным тропиком, в последних числах декабря. Юнга не учел этого и потому удивился, увидев солнце на южной стороне горизонта. Попади Захар в Джакарту в марте — сентябре, он нашел бы солнце на северной стороне горизонта.

Там, где часовая стрелка никогда не врет

Посмотрите на глобус, и вы увидите две точки, через которые проходит земная ось. Эти точки — Северный и Южный географические полюсы Земли. Для человека, который стоит на Южном полюсе, всюду север; для того, кто находится на

Северном полюсе, всюду юг. Обе эти точки не имеют долготы: в них сходятся все меридианы. Поэтому время любого меридиана будет на полюсах верным, часовая стрелка никогда не соврет. Вместе с долготой 180 градусов приходит на полюса и линия смены дат (см. «Завтра снова будет сегодня» на стр. 113). Вот почему в этих точках вчерашний день можно считать сегодняшним или сегодняшний — завтрашним.

21 марта на Северном полюсе единственный раз в году восходит солнце. В тот же день оно заходит на Южном полюсе. 23 сентября солнце на Северном полюсе скрывается за горизонтом, а на Южном полюсе начинается день. Полярный день длится на полюсах около полугода, полярная ночь — три месяца. Между днем и ночью тянутся длительные сумерки; ночная темнота наступает лишь тогда, когда солнце опускается настолько низко, что атмосфера перестает отражать его лучи.

За пятнадцать минут из одной части света в другую

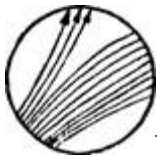
Корабль Захара стоял в Стамбульском порту на европейском берегу пролива Босфор. На противоположном, азиатском берегу Босфора находится город Ускюдар, где жил человек, которому требовалось вручить пакет. Юнге достаточно было пересечь Босфор, чтобы попасть в другую часть света.

Брат Захара совершает ежедневные путешествия из Европы в Азию и обратно еще проще. Он живет в городе Магнитогорске, расположенном на берегах реки Урал. Дом брата стоит на правом берегу реки, завод, где плавят сталь, — на левом берегу. А по реке Урал проходит граница между Европой и Азией. Юнге пришлось брать катер, чтобы проехать из одной части света в другую; брат Захара ездит работать в Азию и возвращается домой в Европу на трамвае, который идет по мосту, перекинутому через Урал.

Второй Керабан, или посуху из Америки в Африку

На первый взгляд, путешествие посуху из Патагонии к мысу Доброй Надежды кажется неосуществимым: все материки, которые предстоит пересечь чудаку путешественнику, разделены водными преградами. Между Северной Америкой и Азией находится Берингов пролив, Азия от Африки отделена Суэцким каналом, Южная Америка от Северной — Панамским каналом. Тем не менее такая «прогулка» возможна: через оба канала переброшены мосты, а Берингов пролив зимой покрыт льдом.

Удивительная река



Удивительная река, по которой корабль Захара Загадкина прошел без малого десять тысяч километров, океаническое течение в Атлантике, идущее из Мексиканского залива и названное его первооткрывателями Гольфстримом, «Гольф» — по-английски «залив», «стрим» — «течение».

Как у обычных «сухопутных» рек, у океанических потоков тоже есть берега и дно, только не твердые, а жидкие — водяные.

Если течение теплое, его берега и дно состоят из более холодной воды, если течение холодное, ими служит вода потеплей. Разнятся жидкие берега от океанической реки и по степени солености воды. Простым глазом такие берега увидишь не всегда, хотя порой струи течения можно различите и по цвету; темно-синий поток Гольфстрима заметно выделяется среди соседних с ним зеленовато-голубых вод Атлантики, С помощью приборов исследователи довольно точно определяют длину, ширину и глубину морских рек и наносят их на карту.

Многие океанические реки имеют притоки и рукава. Есть они и у Гольфстрима. Вскоре по выходе в Атлантику он принимает в себя мощный приток — еще одно морское течение, именуемое Антильским. Далее Гольфстрим, который восточнее Ньюфаундленда уже называется Северо-Атлантическим течением, начинает разветвляться.

К побережью Африки отходит Канарское течение, сама же океаническая река устремляется к берегам Европы, От нее отходит ветвь к Исландии — течение Ирмингера. Затем Северо-Атлантическое течение делится надвое; один его рукав идет к Гренландскому морю, второй мимо мыса Нордкап направляется в Баренцево море. Есть и другие, менее значительные притоки и рукава-ветви.

Плывя Гольфстримом, затем Северо-Атлантическим и Нордкапским течениями, корабль Захара Загадкина и прошел около десяти тысяч километров от порта Новый Орлеан на юге Соединенных Штатов Америки к нашему порту Мурманск на Кольском полуострове.

Раньше все эти течения считали единым потоком — Гольфстримом. В настоящее время это название сохранилось лишь за его начальной струей, вытекающей из Мексиканского

залива. Северо-Атлантическое течение выделено потому, что в нем участвуют воды не только Гольфстрима, но и других частей океана. Поэтому сравнение Гольфстрима и Северо-Атлантического течения с единой океанической рекой не надо понимать буквально.

Течения разделяют на холодные и теплые. Однако иногда воды теплого течения бывают прохладней, чем воды холодного течения.

Почему? Потому, что морскую реку называют холодной, если она течет среди более теплых вод, и, наоборот, теплой, если ее окружают холодные воды. Гольфстрим — течение теплое; оно несет свои нагретые тропическим солнцем струи в холодные районы Атлантики.

Канарское течение вытекает из Гольфстрима, однако его называют холодным: оно движется на юг среди вод более теплых, нежели оно само.

Течения есть во всех морях и океанах.

Два или двенадцать?

В районе Ньюфаундлендской отмели встречаются два океанических водных потока: теплое течение Гольфстрим, идущее на восток, и холодное Лабрадорское течение, спускающееся к югу. Температура воды в обоих потоках так различна, что показания термометров, одновременно опущенных с носа и кормы корабля, который стоит на стыке этих течений, иногда расходятся на 10–12 градусов.

Пучок стрелок

Удивившая Захара Загадкина разница в температуре воды на пляжах Кейптауна объясняется просто. Вблизи мыса Доброй Надежды проходят два океанических течения. К северу от мыса, там, где расположен Кейптаун, — холодное Бенгельское течение, к востоку — теплое Мозамбикское. Юнга убедился в этом, когда заглянул в атлас: холодные течения показаны на картах фиолетовыми стрелками, теплые — красными.

Из-за холодного Бенгельского течения температура воды у городских пляжей Кейптауна даже летом не поднимается выше 15 градусов; недалеко от города, там, где проходит Мозамбикское течение, вода в море значительно теплее. Скалистый мыс Доброй Надежды разделяет струи обоих потоков. Автобус, везший Захара, доставил юнгу к побережью, омываемому теплым Мозамбикским течением.

Почему я не стал владельцем попугая Жако

Море без берегов, поросшее плавающими оливково-зелеными водорослями, — Саргассово море. Так называют обширное водное пространство (около четырех миллионов квадратных километров) на западе Атлантического океана. Саргассово море находится внутри овального кольца океанических течений: Северного экваториального, Гольфстрима и Канарского. Эти течения и считаются «берегами» моря. Водоросли саргассо, по имени которых оно названо, покрывают примерно десятую часть моря. «Саргассо» — по-португальски «виноград»; водоросли усеяны множеством шаровидных поплавков, отдаленно напоминающих виноградины.

Первыми европейцами, увидевшими Саргассово море, были моряки Колумба. О них и упомянул кок, беседуя с Захаром.

Таинственный механизм

Вы, конечно, догадались, что у геологов, работавших вблизи побережья Охотского моря, не было никакого механизма для подъема морской воды. Корабль смог подойти к деревянному причалу, выгрузить оборудование потому, что начался прилив и уровень воды у берега резко повысился.

Так о каком же механизме, исправном, точном, никогда не нуждающемся в ремонте, говорил корабельный кок?

Юнга взглянул на небо и увидел над головой бледный серп молодой луны и солнце, клонившееся к закату. Луна и Солнце, их притягательное действие на Землю, образно говоря, и есть тот «механизм», который вызывает приливы и отливы.

Луна ходит вокруг Земли, одновременно вместе с нею обращаясь вокруг Солнца. При этом все три небесных тела взаимно притягивают друг друга. Луна меньше Солнца, но она ближе к нам и потому притягивает Землю в 2,2 раза сильнее, нежели Солнце. Наиболее поддается этому притягательному действию жидкая оболочка Земли — океаны и моря; подвижные частицы воды уступают ему легче, чем твердая земная кора.

На море может стоять полное безветрие, но в часы прилива волны все равно будут накатываться на берег, затопляя отмели и прибрежные камни, разбиваясь пеной у высоких скал. Пройдет несколько часов, и море начнет отступать от берега, оставляя на влажном песке или гальке рачков, мелких рыбок, червей, водоросли. Могучая грудь океана словно дышит, равномерно поднимаясь и опускаясь.

Твердые частицы Земли не так подвижны, как жидкие, но, поддаваясь притяжению Луны и Солнца, «дышит» и суша. Во время прилива уровень воды значительно поднимается и виден у побережий простым глазом. «Дыхание» суши не превышает нескольких сантиметров, поэтому подъем и опускание земной коры можно заметить лишь с помощью очень точных приборов.

Водная оболочка Земли разделена материками и островами на отдельные океаны и моря. Это мешает равномерному распространению приливной волны, делает ее неодинаковой по характеру и величине. У берегов открытых морей и океанов приливная волна достигает значительной высоты. У северных берегов Франции разница между уровнем воды в прилив и отлив равна 15 метрам, у восточных берегов Азии (в Пенжинской губе

Охотского моря) 12,9 метра. На побережьях океанов и открытых морей есть гавани, куда большие корабли могут заходить лишь во время прилива; при отливе проходы в такие гавани мелеют. В закрытых морях, наоборот, приливная волна мало заметна.

Обычно приливы и отливы сменяют друг друга приблизительно через шесть часов, повторяясь дважды в сутки. Но в некоторых местах, например в Южно-Китайском море, они бывают только раз в сутки.

С помощью приливно-предсказательных машин ученые составляют специальные таблицы, в которых на двенадцать месяцев вперед вычислены (с точностью до минуты и десятой метра) высота и время прилива для большинства портов мира.

Чудеса в решете

В письме, полученном Захаром Загадкиным, рассказывается о лове рыбы в одной из бухт залива Фанди, у западного берега полуострова Новая Шотландия в Канаде. Приливная волна в тамошней бухте Ноэль поднимается выше, чем где-либо еще на земном шаре, — на высоту четырехэтажного дома, на 10–13 метров! Местные рыбаки успешно пользуются этим для лова рыбы. Поставленные ими на берегу столбы с натянутыми сетями во время прилива оказываются под водой. Когда приливная волна отступает, а берега залива обнажаются, рыбаки собирают застрявшую в сетях рыбу. «Чудеса в решете», как видите, объясняются просто.

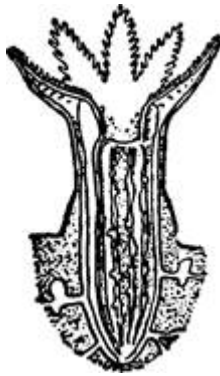
Никудышные строители

Юнга говорит об атоллах — небольших островах с низменными берегами в виде неширокого кольца, в середине которого находится водоем глубиной 50—100 метров, называемый лагуной. Острова созданы коралловыми полипами — маленькими существами, обитающими в тропических морях, и состоят из бесчисленного множества известковых скелетов этих полипов.

Живут кораллы крупными поселениями-колониями. Полупрозрачное слизистое тельце полипа увенчано звездчатыми щупальцами и заключено в твердую оболочку из извести. Основание каждого полипа сращено с остальной колонией, передвигаться он не может и питается тем, что приносит течение. Пищей служат мельчайшие водоросли и медузы, мельчайшие моллюски и рачки, которых полипы захватывают своими щупальцами. Селятся кораллы на мелководьях, прикрепляясь к скалистому дну на глубине не более 50–60 метров, размножаются почкованием. Колонии кораллов нередко разрастаются очень широко, хотя сам полип — крохотное животное, величиной от миллиметра до 3–4 сантиметров.

Коралловые полипы живут только в воде; достигая поверхности моря, они гибнут. Казалось бы, берега атоллов тоже не должны подниматься над уровнем моря, в действительности же они выше на несколько метров. Нарастило островные берега само море. Ударами волн оно постоянно обламывает внешний край колонии кораллов, выносит обломки на береговое кольцо, увеличивая его высоту над водой.

Почему атоллы имеют форму кольца? По мнению великого натуралиста Чарлза Дарвина, они возникли в тех теплых морях, дно которых длительное время опускалось. Некогда в этих морях были ныне исчезнувшие острова. Коралловые полипы селились на небольшой глубине вокруг скалистых берегов такого острова. Морское дно медленно опускалось, вместе с ним мало-помалу скрывались под водой и берега острова. Когда нижние «этажи» поселения кораллов попадали на глубину 50–60 метров, их жильцы умирали. Известковые скелеты погибших полипов превращались в подставку, поддерживающую более поздние



поколения кораллов. А новые поколения тянулись выше и выше к поверхности моря, из года в год надстраивая верхние «этажи». Наконец древний остров полностью погружался в море, а на месте, где он прежде высился над волнами, оставалось кольцо коралловых берегов с внутренней лагуной. Иногда эти берега уходят в глубину на сотни метров.

Лагуну кораллы не «застраивают»; им нужна прозрачная и умеренно теплая вода, богатая кислородом, а в неглубокой лагуне она сильно перегревается, кислорода в ней мало.

Так в 1842 году объяснил происхождение атоллового кольца Чарлз Дарвин. Впоследствии появились и другие объяснения. Однако наблюдений накоплено недостаточно, и единого взгляда на происхождение кольца среди ученых нет. Поэтому юнга Загадкин не решился отвечать на вопрос, который ему непременно задали бы в научном собрании.

Неоконченные «горе-постройки», о которых говорил Захар, — береговые и барьерные рифы — также возведены коралловыми полипами. Атолловые острова встречаются среди открытого моря, рифы окаймляют берега многих участков суши. Самый крупный из барьерных рифов — Большой Барьерный риф у северо-восточного побережья Австралии. Он тянется на протяжении 2300 километров, почти точно повторяя очертания берегов этого материка.

О чем умалчивают карты морей и океанов

Острова, которых нет даже на самых подробных картах, — плавающие по океанам ледяные горы, или айсберги («айс» — «лед», «берг» — «гора»). Айсберги — обломки обширных ледников в полярных странах. В Гренландии эти ледники занимают 1800000 квадратных километров — пространство, на котором уместились бы три Пиренейских полуострова! Еще более грандиозны ледники Антарктиды, они почти полностью покрывают материк, по величине в семь раз превосходящий Гренландию!

Ледяные покровы подобного типа называют материковым льдом. Они медленно движутся и нередко сползают в море, длинными языками уходя под воду. Сперва такой язык ползет по дну, затем, когда глубина моря возрастает, между дном и льдом появляется слой воды. В часы прилива и отлива, в штормовую погоду вода то приподнимает, то опускает конец языка, волны подмывают, разрушают его края, в нем возникают трещины, и часть языка отламывается. Лед легче воды, поэтому отколовшаяся глыба всплывает на поверхность моря, порой несколько раз перевертывается, пока не уравновесится. Течения и ветры уносят обломки полярных ледников в открытый океан.

Антарктида и Гренландия — те места на земном шаре, которые юнга Загадкин назвал «фабриками» плавучих островов. Из месяца в месяц от ледников Антарктиды и Гренландии откалываются и отправляются в дальние странствия по морям и океанам тысячи больших и малых льдин. В Западной Гренландии только один ледниковый язык Якобсхавн ежегодно сбрасывает в залив Диско свыше 1300 айсбергов! В полярных водах есть районы, где одновременно плавают десятки и сотни ледяных гор, — те архипелаги, о которых говорит юнга. «Мастерские», выпускающие айсберги в меньшем количестве, — берега Шпицбергена, Земли Франца-Иосифа, Северной Земли, Канадского Арктического архипелага.

Средняя высота айсберга над морем 30–50 метров, длина 50—100 метров. Иногда встречаются глыбы-исполины протяжением в десятки километров или такие, что выступают над водой на 100 и более метров! А ведь над морем видна 75–77 часть льдины, большая ее часть скрыта под водой. В полярных морях такая плывущая гора, словно ледокол, прокладывает себе путь среди

ледяных полей.

Постепенно тая и разрушаясь, ледяные горы долго скитаются по морям и океанам. Длительность «жизни» айсберга зависит от его величины, от теплоты воды и воздуха в тех местах, куда заносят льдину течения и ветры. Арктические ледяные горы, выносимые в Атлантический океан, редко существуют свыше двух лет. Антарктические айсберги, плавающие в более холодных водах, могут «жить» до десяти лет.

Столкновение с айсбергом, который в туман, снегопад или в ночной темноте внезапно оказывается на пути корабля, одинаково опасно для всех судов. Океанский корабль, о чьей гибели упоминает юнга, — английский пароход «Титаник». Апрельской ночью 1912 года у берегов Северной Америки это огромное пассажирское судно длиной свыше четверти километра неожиданно встретило ледяную гору. Пароход шел очень быстро и не успел уклониться от столкновения. Выдававшаяся вперед часть айсберга разрезала «Титаник» от носа до капитанского мостика, и судно затонуло. После этой страшной катастрофы был установлен международный ледовый патруль, который постоянно наблюдает за движением гренландских айсбергов на юг — к морским путям из Европы в Северную Америку.

В наше время на кораблях есть радиолокаторы. Эти приборы и ночью и в сплошной, непроницаемый для человеческого глаза туман за десятки километров «видят» плывущую гору, точно определяют ее курс. По-прежнему опасны лишь «умирающие» айсберги, чьи вершины разрушились, растаяли, а подводная часть хотя и уменьшилась, но сохранилась. Над морем такая льдина возвышается всего на несколько сантиметров, и в штормовую погоду радиолокатор не всегда отмечает ее появление. Совсем недавно, в январе 1959 года, натолкнулось на айсберг и пошло ко дну большое датское судно «Хедхофт». Нанести плавающие ледяные горы на карту, конечно, невозможно. Те районы морей и океанов, где встречаются айсберги, помечены на морских картах цветной прерывистой линией.

Путешествие во времени

Захар Загадкин встретился со своим старшим братом в одном из курортных городов на Черноморском побережье Кавказа. Братья сели в автобус, который шел от побережья в горы. Путешественник, летящий на самолете по нашей стране с юга на север, скажем, из Сухуми к Воркуте и дальше в Заполярье, за короткий срок побывает не только в различных почвенно-растительных зонах — от субтропиков до тундры, — но, образно говоря, и в различных временах года. С Черноморским побережьем он расстанется, к примеру, в начале марта, когда там цветут мимозы, а в Подмосковье в эту пору еще лежат снега на полях. Если он покинет Сухуми позднее и повезет с собой дары лета — вишни нового урожая, — в Подмосковье он застанет ландыши, цветы весны. Когда москвичи лакомятся земляникой из собственных садов, в воркутинской тундре только зацветает клюква, морошка, голубика. А еще северней? На полуострове Ямал наш путешественник найдет в то время лишь первые подснежники. Он не удивится — чем ближе к полюсу, тем слабее греет солнце, тем дольше не пробуждается природа от зимнего сна.

Растительность разных времен года можно увидеть за короткий срок и поднимаясь в высокие горы. Именно в этом убедила Захара Загадкина его поездка на автобусе.

С подъемом в горы климат меняется примерно так же, как при путешествии от Сухуми в Заполярье. У побережья Черного моря термометр показывает 30–35 градусов тепла, а на заоблачных вершинах Кавказа в это время бушуют вьюги и бураны, царит вечная зима. Чем выше в горы, тем позднее начинают таять снега, позднее появляется первая растительность. Поэтому, когда в предгорьях дозревает виноград — вестник близящейся осени, на высокогорных лугах буйно растут травы и цветы лета, а еще выше — травы и цветы весны. При подъеме в горы наблюдатель заметит ту же смену почвенно-растительных поясов, что при поездке из Сухуми на север: из субтропиков он попадет в пояс широколиственных лесов, затем в хвойные леса и, наконец, у границы вечных снегов увидит мхи и лишайники, такие же, как в тундре.

В нашей стране подобные «путешествия по временам года» возможны в тех районах, где есть высокие горы: на Кавказе, в

Тянь-Шане, на Памире.

Остается пояснить, что густой туман, сквозь который проехал автобус Захара, был облаком, лежавшим на склоне горы.

«Кто ищет, тот всегда найдет!»

Километрах в тридцати южнее экватора, недалеко от порта Момбаса, где высадился молодой ученый, находится потухший вулкан Кения высотою 5199 метров, со склонов которого спускаются несколько ледников. Ученый мог изучать льды и по соседству с Кенией, на «Крыше Африки» — горном массиве Килиманджаро, имеющем три высокие вершины. Две из них — Мавензи (5355 метров) и Кибо (5895 метров) — покрыты вечными снегами и ледниками. На языке негритянского племени суахели «Килиманджаро» означает «гора бога холода».

Вечные снега и льды можно встретить вблизи экватора и в южноамериканской республике Эквадор. Шапка вечного снега белеет на вершине действующего вулкана Котопахи (5896 метров), четырнадцать ледников ползут с купола потухшего вулкана Чимборасо (6272 метра).

Другие горы, расположенные неподалеку от экватора, недостаточно высоки для того, чтобы на них могли образоваться ледники: в районе экватора снеговая линия лежит на высоте около 5000 метров над уровнем моря.

Пожар на маяке

Корабельный кок не обманывал Захара, рассказывая о маяке, чьи сигнальные огни знакомы морякам уже несколько тысячелетий. Там действительно нет смотрителей, никто не следит за световым устройством, не проверяет исправность механизмов. Верно и то, что человек никогда не был внутри этого маяка.

Кок умолчал лишь о главном — о том, что замечательный маяк не что иное, как остров-вулкан Стромболи в Тирренском море. У Стромболи обычно не бывает сильных извержений с излияниями лавы, но над его кратером постоянно стоит колеблемый ветром столб дыма и паров. На дне кратера, расположенном на 300 метров ниже вершины вулкана, есть отверстия — трещины. Из одних отверстий выделяются клубы белого или желтого дыма, из других вытекает вязкая, горячая лава. Время от времени ее поверхность лопается, вырвавшиеся при взрыве пары устремляются кверху, увлекая с собой раскаленные докрасна куски лавы и шлаков. В течение часа происходит несколько взрывов. По ночам столб пара и дыма над вулканом снизу озаряется пламенем, которое то вспыхивает ярче, то угасает, чтобы вспыхнуть опять после очередного взрыва. Зарево, напоминающее пожар, видно на расстоянии до полутораста километров. Поэтому вулкан и называют маяком.

А как Стромболи оповещает о состоянии погоды?

При жарких ветрах с юга взрывы на дне кратера учащаются, перед бурями вулкан выбрасывает больше дыма, чем в обычное время.

Вулканы-маяки есть и в других местах земного шара. Один из таких природных маяков — вулкан Исалько в Сальвадоре, возникший во второй половине XVIII века и с той поры почти непрерывно выбрасывающий пламя и пепел. Над Исалько всегда клубятся пары, а по ночам его зарево видно с кораблей, идущих далеко в Тихом океане. Этот вулкан моряки называют «маяком Сальвадора».

Как мы сварили обед без огня

Корабль Загадкина стоял в порту Рейкьявик, на острове Исландия. Этот гористый остров знаменит своими вулканами и множеством теплых и горячих источников. Кок предложил юнге съездить в окрестности Рейкьявика и осмотреть бьющие из-под земли горячие фонтаны — гейзеры, главную достопримечательность Исландии.

Там, где из недр бьют источники кипящей воды, сварить обед без огня очень несложно. Достаточно опустить в такой источник банку консервов, котелок с супом или кашей, и обед сварится не хуже, чем на обыкновенной плите. Именно так поступил корабельный кок.

Исландцы умело применяют природный кипяток в своем хозяйстве. От источников проведены трубы, по которым насосы гонят горячую воду в столицу Исландии — портовый город Рейкьявик. Там она отапливает дома, идет на промышленные предприятия.

Исландия находится вблизи Полярного круга, на острове растут лишь северные ягоды — черника, брусника, морошка. Однако продавец не обманул юнгу, сказав, что апельсины и бананы выращены в окрестностях Рейкьявика.

Природной горячей водой исландцы обогревают многочисленные теплицы, где успешно созревают южные фрукты и овощи.

Дальневосточные истопники

Оба собеседника Захара Загадкина ехали с Камчатки. Там, в долине реки Паужетки, строится первая в нашей стране электрическая станция, использующая тепло недр.

На Камчатке и на Курильских островах свыше двухсот вулканов, среди них шестьдесят семь действующих, много бьющих из-под земли горячих источников с температурой воды до 100 градусов и струями пара еще более высокой температуры.

Это природное тепло и применят для получения электрической энергии. Пар, поднимающийся из недр, заключат в трубы, заставят вращать турбины электростанции. Энергия, даваемая такой станцией, обойдется очень недорого.

Инженер вел изыскания в долине реки Паужетки и не преувеличивал, рассказывая Захару о пекле. Рядом с холодной Паужеткой текут две кипятковые речонки, бьют горячие источники — гейзеры. Над трещинами выходами природного кипятка — постоянно клубится пар, почва возле них сильно нагрета. А как раз по соседству с трещинами выбрано место для будущей электростанции.

В солнечный день над долиной Паужетки ослепительно сверкают снеговые вершины вулканов. Желая подшутить над Захаром, инженер назвал эти вулканы истопниками, безотказно работающими в своей «котельной». Действительно, глубоко в недрах, как в исполинском котле, кипят под высоким давлением расплавленные горные породы. Они давят на земную кору, а когда им удается ее прорвать, из кратера вулкана или из трещин в его конусе происходят извержения огненно-жидкой массы — лавы. Остывая, лава густеет, становится похожей на тесто, а затем постепенно затвердевает на склонах или в окрестностях вулкана.

Второй собеседник Захара работал на вулканологической станции Академии наук СССР в поселке Ключи на Камчатке,

Станция находится возле Ключевской сопки — крупнейшего вулкана Камчатки.

На двести километров в стороны от Ключей раскинулся горный массив с двенадцатью сопками-вулканами. У самой Ключевской, помимо главного кратера, есть около шестидесяти боковых отверстий, время от времени из них изливается лава. Работники станции изучили в своем районе многие потухшие и все действующие вулканы, особенности их строения и

извержений. Благодаря этому наблюдатели-ученые нередко заранее знают, где и когда начнется извержение, куда и на какое расстояние потекут потоки лавы.

Можно ли кататься на лаве? В 1938 году во время извержения сотрудники станции в Ключах В. Ф. Попков и И. З. Иванов, надев асбестовые сапоги, вскочили на поверхность текущей лавы и, рискуя жизнью, «проехали» на ней около километра. Закончив исследования, смельчаки сошли на твердую землю.

Гудок над бухтой

Гудок над бухтой оповещал жителей портового города о приближении цунами — внезапных и очень высоких волн, порождаемых землетрясениями на дне океанов или, реже, взрывами подводных и островных вулканов. Накатываясь на низменный берег, такие волны могут причинить очень серьезные разрушения. Особенно часты цунами в Тихом океане, у берегов Японских и Гавайских островов.

В 1946 году цунами повредило на Гавайских островах сотни зданий, унесло сто пятьдесят человеческих жизней. Полустолетием ранее цунами у берегов Японии уничтожило десять тысяч домов; при катастрофе погибло двадцать семь тысяч людей.

Подводные землетрясения нередко происходят за тысячи километров от побережья, на которое обрушивается вызванное имя цунами. Волны пробегают это расстояние со скоростью до восьмисот километров в час!

Как удается заблаговременно оповестить население прибрежных городов и поселков о грозящей ему опасности?

Обычно перед набегом сокрушительных волн бывает неурочный сильный и быстрый отлив; дно океана обнажается иногда на сотни метров.

Чем дальше отступит вода, тем мощнее будет цунами. Длится внеочередной отлив от нескольких минут до получаса. Если его замечают, люди успевают подняться на ближайшие возвышенности.

Предвидеть землетрясения наука еще не умеет. Но в ее силах

за несколько часов предсказать приближение гигантских водяных валов. По записям приборов-автоматов, отмечающих колебания земной коры, определяют очаг подводного землетрясения — место, где оно случилось. Затем вычисляют время появления цунами у побережий, которым оно может угрожать. Имеется и «расписание» движения гигантских волн — карта, на которой показано, сколько часов и минут нужно цунами, чтобы домчаться из возможных очагов землетрясений к различным побережьям Тихого океана.

Мореплавателям, находящимся вдали от берегов, цунами не опасно: в открытом океане эти волны очень пологи. Узнав об их приближении, капитан корабля, на котором работает Загадкин, поспешил вывести свое судно из бухты. Все же оно встретило цунами вблизи побережья. Успей корабль отойти дальше, в открытый океан, юнга не оказался бы на положении футбольного мяча, перекидываемого в кубрике от перегородки к перегородке. Не заметил бы Захар и самих валов, вызвавших в портовом городке такие большие разрушения.

Море, в котором нельзя утонуть

Море, в котором нельзя утонуть, — большое бессточное озеро в Западной Азии. Длина его — 76 километров, ширина — от 4,5 до 16 километров, глубина местами превышает 350 метров. В воде этого озера много солей, примерно в 7,5 раза больше, чем в обычной морской воде. Называется озеро Мертвым морем. Вода его убивает все живое: и рыб, и растительные организмы. Безжизненно и побережье моря.

Захар Загадкин пытался смыть с себя налет соли в реке Иордан, впадающей с севера в Мертвое море.

Пресная или соленая?

Земляки жили на берегах озера Балхаш в Казахстане. Озеро примечательно тем, что в его узкой и длинной восточной половине вода солоноватая, а в широкой западной — пресная. Эта особенность Балхаша показана и на географических картах: на западе оно закрашено в один цвет, на востоке — в другой.

Чем объясняется такая особенность? Большая река Или, впадающая в Балхаш, опресняет его западную часть. В восточной части озера реки-опреснительницы нет. Обе части соединены проливом, но пролив узок, и это затрудняет взаимный обмен озерной воды.

Река Или несет в своих струях много ила, поэтому на западе озерная вода имеет желтовато-бурый оттенок. В восточной части Балхаша цвет воды зеленовато-бирюзовый.

Странное плавание

Морские порты далеко не всегда находятся у берега моря. Многие реки в нижнем течении настолько глубоки, что морские порты можно встретить в десятках километров от морского побережья. Так, Лондонский порт отстоит на 80 километров, а Гамбургский даже на 110 километров от Северного моря.

Есть такие глубокие и полноводные реки, что океанские корабли поднимаются по ним на сотни километров в глубь материка. По трем таким рекам и шел корабль Захара в то плавание, которое юнга назвал странным.

Корабль Захара выгрузил токарные станки и взял пиленый лес в порту Игарка. Этот порт на Енисее построен советскими людьми в 673 километрах выше устья великой сибирской реки.

Вторым портом, где в трюмы корабля погрузили каучук, был Манаус, расположенный на Амазонке, в 1600 километрах от ее устья. Манаус могут посещать крупные океанские суда; морские корабли поменьше, поднимаясь по Амазонке еще выше, перёсекают с востока на запад почти всю Южную Америку! Ширина Амазонки у Манауса — 5 километров; глубина этой самой полноводной реки нашей планеты местами достигает 135 метров! Не всякое море имеет такую глубину.

Третьим портом, где корабль Захара погрузил хлопок и рис, был Ухань, расположенный на реке Янцзы без малого за тысячу километров от ее впадения в море.

Путешествующая деревня

Учитель-афганец живет в нижнем течении реки Гильменд, которое с середины прошлого века является границей между двумя государствами — Ираном и Афганистаном.

Гильменд — беспокойная река; в нижнем течении она часто покидает свое русло и прокладывает новое, восточнее или западнее прежнего. Блуждающая река отходит в сторону, а вместе с нею передвигается и граница между государствами. Не раз бывало, что десятки квадратных километров земли, на которой жило много иранцев, попадали в пределы Афганистана. Случалось и наоборот: при очередном изменении русла Гильменда афганские поселки и поля оказывались на территории Ирана. Блуждающая река, отклоняясь то в одну, то в другую сторону, причиняла немало хлопот правительствам обоих государств.

Есть другие, большие и малые реки, в низовьях часто меняющие свое русло. Одна из них — великая китайская река Хуанхэ. Ученые установили, что за последние четыре тысячелетия Хуанхэ свыше двадцати раз избирала себе новый путь к морю, порой на сотни километров удаляясь от прежнего русла.

Дон Иванович

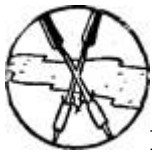
Адрес, который Захар Загадкин дал корабельным знатокам географии, — «Указатель географических названий» к Атласу мира. Загляните в этот указатель, и вы тоже убедитесь, что существует немало одинаковых географических названий. Встречаются города-тезки, острова-тезки, реки-тезки. Особенно «повезло» нашему Дону. Такое же имя носят еще пять рек — во Франции, в Индии, в Канаде, в Шотландии и в Англии.

Французский Дон — приток реки, несущей свои воды в Бискайский залив, индийский Дон — приток реки, впадающей в Бенгальский залив. Канадский Дон впадает в озеро Онтарио, шотландский Дон — в Северное море, вблизи города Абердина. Английский Дон, на берегу которого стоит город Донкастер, — приток реки Уз, тоже текущей в Северное море.

Есть еще два Дона, но уже не реки, а небольшие города: один в Мексике, второй во Вьетнаме. У нас, в Азовском море, имеется полуостров Дон.

А почему наш Дон величают Ивановичем? До конца XVII века истоком реки было Иван-озеро, лежавшее километрах в пятидесяти северо-западнее города Епифани. При Петре I после сооружения обводнительного канала уровень Иван-озера понизился, и оно перестало питать Дон. В наши дни исчезло с географической карты и само озеро — на его месте разлилось большое Шатское водохранилище. От нынешних верховьев Дона водохранилище отделено железнодорожной насыпью. Сохранившееся в народных песнях и сказках «отчество» Дона напоминает о прошлом реки.

Река, текущая туда и сюда



Речка, у берега которой живет двоюродный брат Захара, впадает в водохранилище на судоходном канале. Для пропуска судов по каналу устроены шлюзы выше и ниже водохранилища. Когда открывают нижние шлюзы, уровень воды в хранилище понижается, и речка течет как обычно: от верховий к устью. Когда открывают верхние шлюзы, уровень водохранилища повышается, вода заходит в устье реки и устремляется к ее истокам.

Медная пластинка

Учеными давно подмечено, что растения собирают и накапливают в корнях, стеблях, листьях и цветах химические элементы, извлеченные ими из почвы. Большое содержание какого-либо элемента иногда сказывается и на окраске растений. К примеру, если под почвой залегает марганец, многие растения краснеют, если там скрыта медная руда — синеют. Некоторые растения изменяют обычный цвет, а порой и рост от соседства с железом, никелем, кобальтом и другими металлами.

Новые друзья Захара знали об этом и отправились к балке, где он собрал букет полевых цветов странного густо-синего оттенка и видел маки с сизоватым отливом. Геологи предположили, что близ протекавшего там родничка залегает медная руда. Их догадка оправдалась, — в балке удалось открыть ценное месторождение.

Как попадают в растение химические элементы? Их приносят к корням подземные воды, омывающие рудные месторождения.

Растения, которые выдают геологам тайны недр, подсказывают, где искать полезные ископаемые, называются индикаторами (от латинского слова «индико», что значит «указываю»).

Остров Захара Загадкина

Поднялся ветер, и скалистый остров, «открытый» Захаром Загадкиным, бесследно исчез, как бы растворившись в воздухе. Неведомый остров был миражем — отражением над морем другого острова, находившегося за горизонтом.

Воздух не однороден. На различной высоте его слои имеют различную плотность. Чем сильнее они охлаждены, тем больше их плотность, чем сильнее нагреты, тем плотность меньше. Разницей в плотности и объясняется возникновение миража — особого случая преломления и отражения в воздухе световых лучей.

Если по пути к нашему глазу световой луч, идущий от какого-либо предмета, пересекает воздушные слои неодинаковой плотности, он отклоняется от обычного прямого направления, искривляется, а когда отклонение станет достаточно большим, то даже отражается в воздухе.

Скалистый берег открылся Захару Загадкину вскоре после рассвета. За ночь нижние слои воздуха над морем охладились, их плотность увеличилась. Верхние слои воздуха оказались более нагретыми и потому менее плотными. Проходя через слои различной плотности, световой луч искривился и отразился в воздухе. Возник мираж — юнга увидел остров, лежавший за горизонтом.

Наблюдаются миражи только в безветренную погоду; ветер перемешивает воздушные слои, и световые лучи идут по прямому направлению.

Миражи бывают верхние, нижние и боковые. Если вас заинтересовало это явление природы, прочтите книгу Ю. Н. Андреева «Необыкновенные явления на небе».

Салют в Баренцевом море

Конечно, корабельный кок не имел никакого отношения к «салюту», увиденному Захаром в небе над Баренцевым морем. Свет на горизонте излучали не прожекторы, управляемые рукой человека, а огни полярного сияния, одного из самых красивых и величественных явлений природы. В Баренцевом море, у северных берегов Норвегии, где находился корабль Загадкина, полярные сияния наблюдаются чуть ли не каждую ночь. Кок знал об этом и, по своему обыкновению, подшутил над Захаром.

Почему происходят полярные сияния?

Первым исследовал и научно объяснил это явление М. В. Ломоносов еще двести лет назад. В наше время большинство ученых полагает, что полярные сияния вызываются потоками быстрых электрических частичек, вместе со светом идущих к нам от Солнца. Попадая в магнитное поле Земли, этот поток отклоняется в полярные области. В верхних слоях атмосферы электрические частицы сталкиваются с газами, входящими в состав воздуха. Газы начинают испускать свет, образуя полярное сияние. Наблюдаются сияния на высоте примерно от 100 до 3000 километров.

Полярное сияние часто называют северным сиянием. Это неправильно: такие сияния обычны не только для северных, но и для южных полярных стран. Чем далее от магнитных полюсов Земли, тем реже наблюдаются сияния, хотя иногда они бывают видны и далеко от полярных областей. Так, в ночь на 22 января 1957 года полярное сияние видели в Пензе, Кишиневе, в Тамбовской, Липецкой и других областях нашей страны. В 1958 году, в ночь на 9 июля, ярким полярным сиянием любовались тысячи москвичей. Оно походило на спираль, по обе стороны которой спускались до горизонта два расширявшихся шлейфа.

Репродуктор на судне Захара Загадкина замолчал потому, что во время полярного сияния радиосвязь заметно ухудшается, а то и вовсе прерывается.

Подслушанный разговор

Захар Загадкин нечаянно подслушал разговор об интереснейших явлениях природы. Моряки толковали о странных дождях, при которых из облаков падают рыбы, лягушки, морские раки или медузы, о необыкновенном граде из апельсинов, о «крови», по каплям льющейся с неба, о красном снеге в северных местностях.

За последние полтора столетия подобные случаи наблюдались десятки раз. Известны они и в более давние времена. В старину такие явления природы принимали за небесное знамение, думали, что оно предвещает войну, голод, повальные болезни или даже светопреставление — гибель мира. Причина удивительных явлений давно раскрыта. Их виновники ураганные ветры и мощные воздушные вихри, называемые смерчами.

Смерч — облачный столб, спустившийся на море или на сушу из темных грозовых туч и движущийся вместе с грозой. В высоту он достигает сотен метров, а за секунду перемещается на 10–20 метров. Внутри вихревого столба скорость ветра больше: измерить ее не удается, однако полагают, что она может превышать и 100 метров в секунду!

Как рождается смерч? Нижняя выступающая часть особенно темного грозового облака внезапно начинает опускаться, становясь похожей на воронку. От воронки вытягивается вниз темная трубка, напоминающая хобот. Трубка быстро вращается, то укорачиваясь, то опять удлиняясь, и навстречу ей с поверхности моря или суши поднимаются увлекаемые вихревым движением воздуха брызги воды или пыль. Вскоре конец трубки соединяется с ними, возникает смерчевый столб, который стремительно крутится и движется вперед. В поперечнике столб имеет десятки, иногда сотни метров, в редких случаях более километра.

На море смерч ломает надпалубное оборудование кораблей, на суше сносит крыши с домов, с корнем вырывает деревья. В конце 1904 года мощный смерч прошел в районе Москвы. Он уничтожил три подмосковные деревни, разрушил еще три и, ворвавшись в город, повредил немало зданий, повалил вековой лес в Сокольниках. Проходя через Москву-реку, воздушный вихрь высосал ее так, что обнажил дно!

В августе 1956 года смерч пронесся над подмосковной станцией Голицыно. Он повалил сотни деревьев, проложив в лесу просеку длиной около 3 километров.

Смерч движется неширокой полосой, по сторонам которой часто стоит почти полное затишье. Однажды с железнодорожного полотна воздушным вихрем был подхвачен товарный вагон; более легкие предметы смерч поднимает высоко вверх и может унести на значительное расстояние. Иногда он вбирает в себя воду из морского залива, озера или пруда вместе с находящимися в ней рыбами, медузами, раками, лягушками. Когда вихрь распадается, захваченное им падает на землю порой в десятках километров от места, где было поднято в воздух.

Именно такое путешествие проделали прудовые рыбы, упавшие в поселке при станции Целина в Ростовской области. Примерно то же произошло с апельсинами, но в воздухе они пробыли недолго: вихрь подхватил их на рынке одного испанского города, а сбросил в предместье того же города. На побережьях Северного и Карибского морей вместе с дождем неоднократно падали тысячи сельдей и других рыб, унесенных смерчем из моря. Летом 1956 года над небольшим таежным озером в Бурятии пронесся воздушный вихрь. Он поднял из озера высокий столб воды. Полукилометром дальше одновременно с каплями дождя на землю упали мелкие рыбешки, засосанные вместе с озерной водой.

Виноват ветер и в «кровавых» дождях. Конечно, из облаков льется не кровь, а дождевая вода красного цвета. Откуда у нее такой необычный цвет? В пустынях Северной Африки много красноватой пыли. Ураганы поднимают ее в воздух, уносят за сотни километров. Смешавшись с атмосферной влагой, она окрашивает дождевые капли, делая их похожими на кровь. Если с атмосферной влагой смешиваются поднятые ветром мельчайшие частицы белой глины или мела, то выпадает «молочный» дождь.

Не обходится без участия ветра и появление красного снега. Есть мельчайшая водоросль красного цвета, которая быстро размножается даже на снегу. Если ветер занесет на снег несколько зародышей этой водоросли, за немного часов она успеет «окрасить» довольно большое снежное поле. Иногда цветной снег падает и с неба. Снег становится красным, зеленоватым или даже черным, если ветры смешивают с ним принесенную издалека цветную пыль.

А рассказанная корабельным радистом история о серебряных монетах?

Такой случай действительно произошел в Горьковской области. Вместе с дождем там выпали мелкие серебряные монеты,

поднятые смерчем из размытого старинного клада. Корабельный радист взял в основу своего рассказа истинное происшествие, но ради занимательности приукрасил его: перенес время и место этого происшествия, сочинил историю о бабке-пьянице.

Захар Загадкин, знавший радиста как выдумщика, был прав, усомнившись в точности рассказа. Тем не менее сам факт находки денег, упавших с неба, хотя и кажется малоправдоподобным, но верен.

Коварный кок

Юнга проиграл спор и лишился пирожных потому, что бухта, на берегу которой стоит Владивосток, как и Стамбульская, тоже называется Золотым Рогом. Путь к дальневосточному Золотому Рогу лежит через «тезку» турецкого Босфора — пролив Босфор Восточный, отделяющий остров Русский от побережья Приморья.

Владивостокская бухта сходна со Стамбульской по красоте и по характерным очертаниям, напоминающим изогнутый рог.

Китайцы называли бухту Золотой Рог «бухтой голубых трепангов». Трепанг — морское съедобное животное, употребляемое в пищу преимущественно в Китае. В былое время в районе Золотого Рога было много этих животных. Теперь их добывают по соседству с бухтой — вблизи островов Русский и Путятин. Трепангами кок и угостил Захара.

Необыкновенная Европа

Европа в Индийском океане не выдумана Захаром Загадкиным, как это показалось его брату. Вы легко убедитесь в правоте юнги, если раскроете географическую карту. В Мозамбикском проливе, который отделяет Мадагаскар от Африки, есть островок Европа. Островок этот невелик, и неудивительно, что юнга смог обойти его за несколько часов.

Необыкновенная Азия

Захар Загадкин встретил среди экваториальных вод Тихого океана «тезку» великого материка — небольшие, окаймленные коралловыми рифами острова Азия; они расположены к северу от западной оконечности Новой Гвинеи.

Холодная Африка

«Разные есть Африки», — сказал кок. И был прав. Та Африка, которую он показал Захару в водах студеного северо-восточного моря, — гористый мыс на восточном берегу Камчатки. Что общего между ним и знойным континентом? Ничего. Да и назван он не в честь материка Африки. Камчатский мыс был впервые исследован в 1882 году офицерами русского крейсера «Африка», которые дали ему имя своего корабля.

Америка в… Азии

Юнга Загадкин увидел в Азии «тезку» материков Западного полушария — залив Америка в северной части Японского моря, у берегов Приморья. Залив получил это имя в 60-х годах прошлого века в честь русского военного парохода «Америка».

Слово «находка» в последних фразах загадки надо писать с заглавной буквы: на западном берегу залива, у превосходной естественной бухты, расположен советский порт Находка, один из крупнейших на Тихом океане.

Беседа морских волков

Первый морской волк ел глазунью из страусовых яиц, продаваемых на базарах Кейптауна и некоторых других портовых городов Африки. Яйца страуса очень крупные: в длину они достигают 15 сантиметров, в поперечнике — 11–12 сантиметров, а весят около полутора килограммов каждое. Одно страусовое яйцо вполне заменяет два с половиной десятка куриных. Яйца страуса приятны на вкус, а их скорлупа так тверда и толста, что из нее изготовляют сосуды для хранения воды.

Второй морской волк ехал по индонезийскому острову Ява. На этом острове, лежащем в тропиках, можно выращивать рис и другие культуры в течение круглого года. Однако посевы риса требуют большого количества влаги, а воды, отводимой на Яве со склонов тамошних гор, не хватает для одновременного затопления всех рисовых полей — на острове их очень много. Земледельцы получают воду по очереди. Поэтому, когда в одном районе только готовятся к посеву или высаживают рассаду, по соседству рис уже созрел и крестьяне заняты его уборкой.

Третий морской волк плыл на катере вдоль Адамова моста — цепочки мелких островов и песчаных отмелей, протянувшейся между Индостаном и Цейлоном. Почему острова и отмели носят столь странное название? По мусульманскому преданию, на одной из цейлонских гор якобы нашел убежище изгнанный из рая Адам, причем перебрался он на Цейлон по природному «мосту» — островам и отмелям. Современное название островов напоминает об этой легенде. Ныне по островной цепочке проложена железная дорога, связывающая Индию с Цейлоном (частично на паромах).

В районе Адамова моста море мелководно и недоступно для океанских судов. Корабли, идущие от западного побережья Индии к ее восточному побережью, вынуждены поэтому делать большой крюк — огибать Цейлон. Индийские инженеры работают над проектом судоходного канала через один из островов Адамова моста. Если канал проложат, «мост» станет еще большей географической достопримечательностью.

Четвертый морской волк рассказал анекдотическую, однако возможную историю. Китобойное судно, на котором он работал, охотилось в тех местах Тихого океана, где проходит линия смены дат (см. «Завтра снова будет сегодня» на стр. 113). Кит тащил судно, отклоняясь то в одну, то в другую сторону от этой линии.

Поэтому китобои и «попадали» то в пятницу, то в субботу. Конечно, срывать листок с календаря им было незачем.

Вторая беседа морских волков

Попутчиками первого морского волка были не безбилетные пассажиры, а самые настоящие зайцы. Сотни зайцев, отловленных в Польше, привезли зимой 1957 года в клетках на Украину, автомашинами доставили в леса Киевской области и там выпустили на свободу. Сделали это, чтобы пополнить четвероногое население украинских лесов.

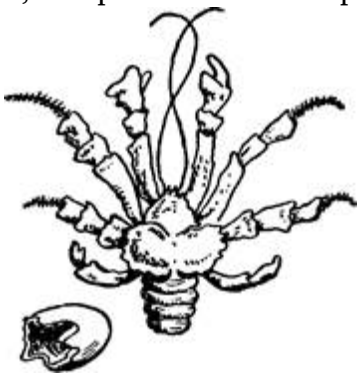
В нашей стране тысячи диких животных ежегодно совершают дальние путешествия, причем не только в поездах, но часто и в самолетах. Несколько лет назад сотни зайцев-русаков были переброшены по воздуху через Уральский хребет; зайцев поселили в лесах за Иртышом и Обью. Сотни сибирских белок отправили на самолетах в буковые и дубовые леса Кавказа и Крыма. В железнодорожных вагонах можно увидеть переезжающих к новому месту жительства бобров, лисиц, соболей, енотов, выхухолей, диких кабанов, косуль, оленей, лосей. Зверей-переселенцев отпускают на волю в государственных заказниках и заповедниках — лесных угодьях, где охота на животных запрещена.

Впечатлениями о прогулке по одному из таких лесных хозяйств поделился второй морской волк. Хозяйство находится в нескольких километрах от Москвы, и к нему можно проехать в городском троллейбусе или в пригородном поезде. По соседству с миллионами москвичей в лесу живут зайцы, еноты, белки, лисицы, косули, олени, лоси. Рассказ о «наглом» лосе не выдуман. Такой случай произошел зимой 1957 года, о нем сообщала газета «Комсомольская правда». Жертвой большого лося, прозванного местными жителями «Разбойником», едва не стал один из служащих в лесном хозяйстве.

Дядя третьего морского волка работал в Средней Азии на строительстве Каракумского канала. Этот канал идет от реки Аму-Дарьи в глубь огромной пустыни — «океана песков», как писал о ней один путешественник XIX века. Вода Аму-Дарьи уже заполнила канал, а по воде заплывают в Каракумы аму-дарьинские сомы.

Четвертый морской волк говорил о больших сухопутных крабах, обитающих на некоторых островах в Индийском и Тихом океанах.

Рассказчик прилег отдохнуть у подножия кокосовой пальмы. Орехи этой пальмы — обычная пища сухопутного краба, лазающего за ними по стволам высотой в пятнадцать и более метров. Сильными, порой полуметровыми клешнями краб-древолаз отрезает орех, спускается за упавшей добычей на землю и, пробив в скорлупе отверстие, достает мякоть.



Проникают сухопутные крабы и в дома островитян, где в поисках съестного разламывают клешнями ящики, рвут мешки.

Сухопутные крабы хорошо приспособились к наземному существованию и лишь раз в году направляются в море для размножения. Живут они в норах, вырытых у подножия пальм. «В свои норы крабы натаскивают множество волокон с шелухи кокосовых орехов и на такой подстилке спят», — рассказывает Чарлз Дарвин в «Путешествии вокруг света на корабле „Бигль“».

Сухопутных крабов очень часто называют «пальмовыми ворами». Нелестное прозвище дано им по заслугам.

Переполох на экзамене

В конце 30-х и в начале 40-х годов прошлого века на Южном Урале была построена линия военных укреплений. Вблизи укреплений возникли поселки, в которых жили оренбургские казаки, охранявшие линию. Названия поселкам дали в честь славных событий из истории русской армии.

Так появились на Южном Урале поселки Лейпциг, Берлинский, Парижский, Варшавский и другие, чьи названия напоминают о победах русской армии в сражениях под этими городами.

Позднее оренбургские казаки участвовали в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Память об этом походе хранят названия поселков Балканы, Варна и Шипка.

Есть в Челябинской области и поселки Остроленский, Тарутино, Бородиновский, Рымникский, Чесма, Наваринка. Все они также названы в честь побед, одержанных русской армией и флотом.

Острова Дунай — тезка реки Дунай; они находятся в море Лаптевых, неподалеку от дельты Лены.

Необыкновенные путешествия, *или Удивительные, но совершенно правдивые географические приключения* Захара Загадкина

***Я** уже не юнга — три года назад меня приняли в мореходное училище. Но и за эти три года я немало путешествовал. И по-прежнему записывал в дорожную тетрадь свои географические приключения.*

Недавно тетрадь заполнилась до конца. В ней — пережитое, виденное, слышанное не на всем земном шаре, как в «Воспоминаниях», а только на одной шестой части земной суши. На одной шестой, но самой замечательной — на нашей Родине.

На обложке тетради два слова: «Необыкновенные путешествия». Почему «путешествия» — понятно без объяснений. Почему «необыкновенные» — станет ясно, когда узнаете, где я был и что видел.

Но сперва о моем друге Фоме Отгадкине.

Фома участвует в «Необыкновенных путешествиях», хотя со мной никуда не ездил. Как это получилось? Сейчас объясню.

Когда тетрадь заполнилась, я пошел в издательство и спросил, нельзя ли ее напечатать. А в ответ услышал:

— Нельзя! Очень загадочно пишешь, Захар. К твоим записям нужны примечания ученого-энциклопедиста, то есть человека, который все знает и может растолковать читателю любое непонятное явление или событие. Раздобудь такого человека, тогда приходи…

С большим трудом разыскал ученых-энциклопедистов. Но неудачно. Одни энциклопедисты заявили, что заняты важной работой и возиться с чужими приключениями им недосуг. Другие сказали, что время они и нашли бы, но привыкли изъясняться высоконаучным слогом и начинающие географы ни за что их не поймут.

Хотел опять побеспокоить знакомого капитана, который написал пояснения к «Воспоминаниям юнги Захара Загадкина», но он оказался в дальнем плавании.

Что было делать? К счастью, я вспомнил о Фоме. Экзамен по географии он выдержал, но в школе юнг не учится — теперь этих школ нет. Зато Фома уже несколько лет успешно готовится к научной деятельности. Правда, он еще не ученый. Но многое Фома успел узнать, а о том, что ему еще неизвестно, может справиться в научных книгах и пересказать своими словами. И я уговорил Фому участвовать в «Необыкновенных путешествиях».

Дорогие друзья, кое-что в моих записях может показаться неправдоподобным, а то и вовсе невероятным. Но уверяю, в них нет ни буквы вранья. Умеете ли вы видеть обычное в необычном? И, наоборот, необычное в обычном? Раньше я думал, что только Захар Загадкин такой способный, но потом убедился, что многие юные географы не хуже меня разбираются в загадочных происшествиях и приключениях. А кто не сумеет разобраться или захочет себя проверить, пусть заглянет в научные примечания Фомы.

Переверните страницу, и мы отправимся в необыкновенные путешествия.

Солнце с севера!

В то памятное лето я списался в Мурманске с родного корабля и 22 июня, как раз в день солнцестояния, спозаранок направился на вокзал. Впереди было большое сухопутное путешествие, но не оно занимало мои мысли. Я ехал поступать в мореходное училище и беспокоился, сумею ли ответить на вопросы, которые зададут экзаменаторы. Теперь все это в прошлом, меня приняли в училище, и вскоре я стану техником-судоводителем, но тогда будущее было еще неясным.

Поезд отходил только под вечер. Я купил в вокзальном киоске «Расписание пассажирских поездов» и стал внимательно читать эту книгу; любителю географии она говорит о многом. Чтением до того увлекся, что едва не прозевал посадку на поезд.

Выхожу на перрон, а там первая дорожная неожиданность: корабельный кок, с которым накануне надолго простился, стоит у вагона, держит корзинку со всякой съедобной всячиной.

— Ешь, Захар, и не забывай, что в море у тебя верный друг остается. В трудную минуту обращайся ко мне. Сам понимаешь, кок — не ученый-географ, в университете не обучался, но сделает все, что в силах…

Поблагодарил кока за душевные слова, обещали мы писать Друг другу, крепко обнялись, и поезд тронулся.

Место в вагоне попалось хорошее на верхней полке, попутчики тоже словно бы хорошие. Один — моряк торгового флота, другой — музыкант, третий — железнодорожник. Не прошло получаса, как мы познакомились.

Попутчики очень удивились, узнав, что я — юнга Захар Загадкин. Они думали, этот юнга вымышленный, а оказалось, я настоящий, в одном купе с ними еду…

Поболтали о том о сем, потом моряк говорит:

— Разрешите задать вопрос, юнга? Вопрос неотложный — можем проехать станцию, после которой в природе кое-что серьезно изменится…

— Пожалуйста, задавайте. Обязан ответить на любой географический вопрос, потому что еду держать экзамены, а кто знает, о чем будут спрашивать. Надо быть готовым к самому коварному вопросу…

— Правильно, Загадкин! Так вот, всем нам еще со школьной скамьи известно, что в северном полушарии, следовательно и над

нашей страной, солнце движется по южной стороне горизонта. Не правда ли, юнга?

— Товарищ моряк, — перебивает музыкант, — зачем знатоку географии задавать такой простой вопрос?

— Вы уверены, что простой? — переспрашивает моряк. — Нука, поглядите, с какой стороны солнце светит.

Музыкант высунулся в окно и смутился:

— Позвольте, позвольте, тут что-то не так… Едем на юг, солнце должно быть впереди, а оно в хвосте поезда… Ага, кажется, сообразил: местность гористая, наверное, железнодорожное полотно не напрямик проложено, а петляет между горами… У вас, товарищ юнга, компас есть?

Компас у меня всегда в кармане куртки лежит. Я сразу догадался, что смутило музыканта. Но виду не подал, протягиваю компас.

В эту минуту поезд остановился. Мы вылезли из вагона. Музыкант положил компас на ладонь, посмотрел, куда показывает намагниченное острие стрелки, и нерешительно произнес:

— Здесь какое-то недоразумение! Возможно, компас врет…

— Что вы, товарищ попутчик, — сказал я, когда мы вернулись в вагон. — Мой компас врать не умеет. И недоразумения нет. Извините, это вы школьную науку не до конца помните. Стрелка правильно на север указывает, солнце оттуда тоже правильно светит. Но вы не смущайтесь, бывает, что и в южном полушарии оно с юга светит.

Стараясь не обидеть музыканта, я толково разъяснил ему этот давно знакомый мне солнечный секрет.

— Молодец, юнга, — одобрил моряк мое разъяснение. — Не посрамил отечественный торговый флот!

Музыкант сел у окна, долго наблюдал за поездной тенью, бежавшей по полотну, и неспокойно спросил:

— Значит, вскоре солнце опять на юге увидим? Признаться, немного тревожно, когда солнце на неположенном ему месте…

— Напрасно тревожитесь. Едва на равнину выберемся, оно на свое место станет. А чтобы не забыло переместиться, на железной дороге есть особая указательная станция, та самая, после которой, как говорил товарищ моряк, в природе кое-что серьезно изменится…

И я раскрыл корзинку с едой, очень довольный своей сообразительностью. Не пришлось в первый же день сухопутного путешествия писать корабельному коку, просить географическую помощь. Да и примета хорошая — авось так же успешно на экзамене отвечу.

Тут можно было бы окончить рассказ. Но, оказывается, я преждевременно радовался своей сообразительности.

Месть музыканта

— Приятного аппетита, — сказал музыкант, посмотрев, как я уплетаю пирожки с луком, испеченные коком.

— Не хотите ли попробовать?.. Пирожки нашего кока по всему торговому флоту славятся…

— Спасибо, интересную беседу предпочитаю любой пище, — отказался музыкант и вкрадчивым голосом добавил: — Случайно не знаете, как называются горы за окном?

— Как не знать, это знаменитые Хибины.

— Чем же они знамениты?

— В этих горах богатейшие месторождения полезных ископаемых: апатитов и нефелинов. Из апатитов, как мне известно, делают удобрения, а нефелин применяется в различных производствах: алюминиевом, стекольном, кожевенном, химическом и других. Слышал также, что им пропитывают шпалы…

— Правильно, — подтвердил музыкант. — Даже странно, что морской человек обладает столь обширными сухопутными сведениями. А вот сейчас станция Апатиты будет. Не объясните ли, почему она так названа?

— По-моему, название объясняется просто: близ этой станции находится богатейшее месторождение апатитов.

— Вот и ошиблись, юнга! Богатейшего апатитового месторождения близ станции нет, к нему ведет особая железнодорожная ветка. Кстати, на той ветке есть станция Титан. По-вашему, там нашли богатейшее месторождение титановой руды?

— Убежден, что так.

— И опять ошиблись! Прошу прощения, преждевременно похвалил вас. На станционные вывески полагаться опасно, нередко они вводят в заблуждение. В данном случае произошло именно так. Наша концертная бригада выступала на станциях Апатиты и Титан. Смею заверить, что близ них нет богатейших месторождений ископаемых-тезок!

Лицо музыканта сияло. Я понял, что он здорово обиделся, когда я растолковывал ему механику движения Солнца и Земли, но обиду затаил и теперь радуется, что мстит обидчику. А зачем обижаться, если тебе рассказывают о том, чего ты не знаешь? Не обижаться, благодарить надо…

И я вежливо попросил музыканта объяснить недоразумение с названиями станций. Но он наотрез отказался.

Тут моряк торгового флота разочарованно вздохнул, наверное огорчившись за меня, и признался, что тоже никогда но слыхал о железнодорожных станциях с неправильными названиями.

Лег я на свою полку, невесело думаю о будущем: ведь вопрос о полезных ископаемых Кольского полуострова могут и на экзамене задать!

Пока длилась наша научная беседа, поезд проехал Апатиты с их веткой к Титану, замедляет ход у следующей остановки.

— Не скажете ли, что за станция? — тем же вкрадчивым голосом спрашивает музыкант. — Вам с верхней полки виднее…

Выглядываю в окно, — что за наваждение! Черным по белому написано: «Африканда»! Раскрыл купленное в Мурманске «Расписание пассажирских поездов». И там это слово! Ну-ну, ведь мы на Кольском полуострове, примерно в полутораста километрах к северу от Полярного круга, — явно на чужое место попала эта Африканда. Кому-кому, а железнодорожникам надо разбираться в географии и, во всяком случае, части света наизусть помнить. Но делать нечего, рапортую:

— Проехали станцию Африканда…

— Да что вы, юнга? — притворно изумляется музыкант. — Не заметили: может быть, там и пальмы росли, обезьяны на ветвях сидели, а дежурный по станции встречал поезд нагишом, с красной повязкой на бедрах? Может быть, заполярных негров видели?..

Моряк торгового флота смотрит на меня, улыбается: как-то юнга Загадкин из трудного положения выберется?

— Очень быстро проехали, не успел подробно разглядеть. Однако напрасно думаете, товарищ музыкант, что если Африка, то обязательно пальмы, обезьяны и голые люди с повязкой на бедрах. Африки бывают разные. Я сам видел Африку, где обезьян заменяют белые медведи, вместо пальм растут тундровые березки-карлики, а люди ходят в ватниках, валенках и меховых шапках. Да иначе и не походишь: климат суров!

— Первый раз слышу о такой Африке… Где вы ее видели?

— Где положено: в Азии. Не верите? Придется поверить, это мыс Африка на восточном побережье Камчатки. В тысяча восемьсот восемьдесят втором году, когда он был еще безымянным, его обследовали офицеры русского крейсера «Африка» и назвали по имени своего корабля. Удачно или неудачно назвали — можно спорить. Но знать о мысе Африка не мешает: не чей-нибудь, а наш, советский…

— Сквитался, сквитался за Африканду! — крикнул моряк, захлопав в ладоши. — Дай пожать руку, юнга, хорошо постоял за честь нашего флота!

Руку моряку дал, да что радости? Ведь не выяснил, почему у станций обманчивые названия! И решил немедленно написать корабельному коку.

Я выручаю из беды деда и его внучку

В Ленинград я приехал ранним воскресным утром. Вылез из вагона мурманского поезда и еще на вокзале понял, что просчитался: город полон исторических мест, памятников, музеев, а времени у меня в обрез — до вечернего поезда на Москву.

Куда пойти, что посмотреть? Хотел купить путеводитель по городу, выбрать главное для осмотра. Но эта книга оказалась такой толстой, что ее чтение отняло бы не меньше суток. Пришлось надеяться только на быстроту собственных ног.

Взглянув на план Ленинграда, я побежал к той набережной, где на мертвых якорях стоит «Аврора». Поднялся на борт знаменитого крейсера и с уважением поклонился самой лучшей из всех пушек. Ведь это она 7 ноября 1917 года объявила своим выстрелом начало нового дня в истории человечества. Замечательная пушка! Название крейсера хотя и дореволюционное, я нашел удачным: у древних римлян Аврора была богиней утренней зари, начинала новый день.

В древних божествах я разбираюсь плохо и о богине Авроре услышал от старика пенсионера, с которым познакомился на набережной возле крейсера. Догадавшись, что я приезжий, этот пенсионер любезно вызвался быть моим провожатым.

Прежде всего дед повел меня к Медному всаднику. Описывать этот памятник Петру I незачем — он всем известен. Лучше поделюсь тайной светло-серой гранитной скалы, на которую опирается хвостом вздыбленный конь Петра. По словам деда, четыреста рабочих волокли сюда эту скалу в медных санях, катившихся на медных же шарах. На скале ехали барабанщики, боем в барабаны давая знак рабочим двигаться или останавливаться. Неважная техника, но другой не было — перевозили скалу около двухсот лет назад.

Потом мы отправились на Дворцовую площадь, посреди которой стоит высеченная из гранитной глыбы розовая колонна огромной высоты. Воздвигли колонну в честь русской победы над Наполеоном в 1812 году, но на вершину колонны зачем-то втащили ангела с крестом. Я бы этого бронзового высотника спустил на землю, а на его место поставил геройского солдата России — нигде не читал и ни от кого не слышал, что в нашем

войске были пешие или конные полки из ангелов. Но дед опять пояснил, что сооружена колонна более века назад, а тогда еще были сильны религиозные предрассудки.

За день успел много. Был в Смольном, на Марсовом поле, в Ленинградском порту. В бывшем Исаакиевском соборе наблюдал качание маятника, безошибочно доказывающее вращение Земли. Затем полез на вышку собора, любовался голубой гладью Финского залива и даже различил у кромки горизонта очертания Кронштадта. Дед на вышку не поднимался (высоко — сотни ступенек!), ждал внизу.

Возвращаюсь к деду, кричу, что удалось разглядеть Кронштадт, но только произнес это название, как моего спутника будто подменили: лицо помрачнело, осунулось, а сам он заметно съежился.

— Что с вами, дедушка? Утомились?

— Хуже, попал в беду! Обещал помочь внучке-шестикласснице и забыл о своем обещании. А завтра у нее доклад в Доме пионеров о Кольском полуострове. Вчера до ночи внучка готовилась к докладу, но не успела выяснить одну подробность. Из-за нее и ехать не хотела на экскурсию в Кронштадт, но я обещал справиться о полуострове у знакомого библиотекаря. Да вот занялся с тобой и забыл…

— А какая подробность, дедушка? Может быть, я помогу?

— Едва ли: вопрос сложный. На всякий случай посмотри памятку, которую от внучки получил. — И дед протянул мне листок из блокнота.

На душе стало тревожно: ведь не кто иной, как я, виновник беды, свалившейся на деда! Что, если не смогу помочь?.. Дрожащей рукой взял листок, разбираю внучкин почерк:

Многие птицы из южной части Кольского полуострова улетают на зимовку в его северную часть. Почему?

Прочитал памятку и повеселел:

— Ну, дедушка, считайте, что внучка спасена! Эту сложную, как вы сказали, подробность я объясню. А вы слушайте и старайтесь запомнить… В вашем доме есть отопление?

— Конечно, есть; во всех квартирах батареи стоят…

— А воду для батарей где согревают? В домовой котельной?

— Нет, теплая вода издалека идет — от районной теплоцентрали. Но какое это имеет отношение к птицам Кольского полуострова?

— Самое прямое! К северной части Кольского полуострова тоже подведено водяное отопление, и тоже издалека. Этот полуостров — единственный в нашей стране с таким отоплением. Поговаривают, что утеплят и Камчатку, но пока это еще

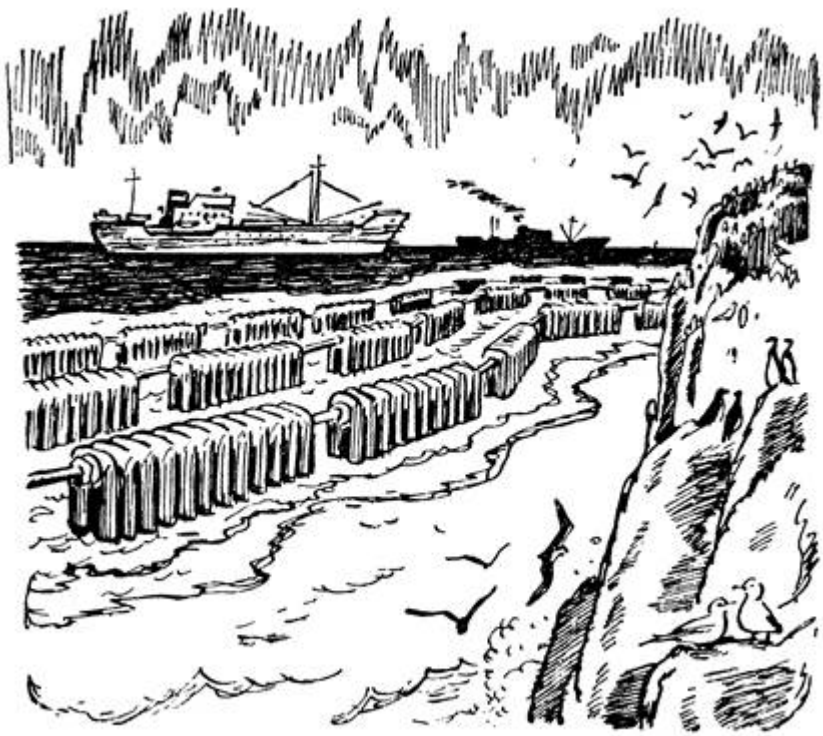
разговоры…

— А ты не путаешь? Кольский полуостров велик, сообрази, сколько потребуется воды, чтобы его отапливать. К тому же всю эту воду надо подогревать…

— И подогревают! Очень интересно устроено Кольское водяное отопление. Им и на Скандинавском полуострове пользуются, а тот покрупнее Кольского. Да вы не сомневайтесь, дедушка. Я сам наблюдал, как работает это отопление: и на Кольском полуострове, и там, где подогревают воду. И, хотя ровно ничего не видел, но на мои глаза можете полагаться — они никогда меня не обманывали… Ну как, поверите моим глазам?

— Придется поверить, — хмуро сказал дед. — Другого выхода у меня нет: знакомого библиотекаря уже не застану…

Тут подошло время собираться к поезду. Дед проводил меня на вокзал. Перед рассставанием я достал из сундучка открытку и попросил отправить ее в Москву. На открытке написал:



«Доклад прошел отлично, хорошо, удовлетворительно (ненужное зачеркнуть)».

— Добавь «плохо», — заметил дед, взглянув на открытку.

— Не надо, не люблю лишних слов, — признался я. Забегая вперед, скажу, что открытку в Москве получил.

«Хорошо» и «удовлетворительно» были зачеркнуты, а внизу

появилась приписка: «Спасибо, что выручил из беды».

Секрет московского климата

В прошлом году некоторые записи из моей дорожной тетради передавали по радио. Во многих письмах-отгадках, присланных юными любителями географии, была одна и та же просьба: «Дорогой Захар, придумай загадку о Москве!»

А зачем придумывать? Ходи по московским улицам, наблюдай и непременно встретишь что-нибудь географически странное.

Тебе нравится большое ветвистое дерево, что растет перед школой? А спроси, сколько ему лет, и мальчонка ответит: «Сажали, когда я учиться начал, — позапрошлой осенью!» Дерево-то, оказывается, не простое, а скоростное — за два года на эдакую высоту вымахало!

Или, скажем, пошел в гости к приятелю. В необыкновенном доме живет он со своими родителями. Окна их квартиры смотрели на главную улицу столицы, а теперь смотрят в тихий переулочек! Улица с места не двигалась, переулочек — тоже, квартиру родители не меняли, новых окон в ней не пробивали, да и весь дом остался почти таким же, каким был.

Особенно загадочен климат Москвы.

Всем известно, что в нашем северном полушарии чем южнее находится местность, тем теплей ее климат. Научно доказано, что с каждыми тремястами километрами к югу среднегодовая температура повышается на градус. Правда, слушая сводку погоды, иногда узнаёшь необычные новости. К примеру, в Ялте, что на Южном Берегу Крыма, вчера было холодней, чем в Архангельске на берегу Северной Двины, а в Новосибирске теплей, чем в Сочи!

Ничего непонятного в таких шутках погоды нет. Откуда-нибудь из Арктики вторглись ветры в нашу страну и несут холодный воздух. Потом они столкнутся с теплыми ветрами, отступят, и все войдет в свою колею: в Ялте и Сочи станет теплей, чем в Архангельске и Новосибирске. К концу года вычислят среднюю температуру в этих городах, и, можете не сомневаться, закон природы обязательно подтвердится.

Но вот в Москве всегда теплей, чем в Московской области. Тут начинается загадка. Почему теплей? Лежит Москва не на юге области, однако вокруг столицы холоднее, нежели в ней самой!

Некоторые южные растения в Москве зимуют на открытом воздухе, а в Подмосковье вымерзают!

Среднегодовая температура Москвы на градус выше, чем должна быть на широте, где расположена столица! Если б я не считал себя знатоком географии, наверняка подумал бы, что Москва находится вовсе не в Московской области, а на 300 километров южнее, где-либо между Тулой и Орлом! Нелепо даже предполагать такую возможность…

Поэтому, когда впервые приехал в столицу, решил всерьез заняться изучением ее климата. В помощники пригласил того приятеля, чьи квартирные окна теперь выходят в тихий переулок. За одним из окон был градусник, а это облегчало наблюдения.

Приятель остался записывать показания своего градусника. Я же с другим градусником поспешил на вокзал, сел в пригородный поезд и доехал до ближайшего подмосковного поселка.

Расположился возле станции и каждые четверть часа терпеливо измеряю температуру воздуха. Прохожие поглядывают на меня, иные посмеиваются: чего это парень, будто приклеенный на одном месте торчит?..

Когда стемнело, вернулся в квартиру приятеля. Сели записи сличать. Что ни запись, расхождение в два или три градуса. И все в пользу приятеля: весь день в Москве было теплей!

Мать приятеля выслушала нас и посоветовала вместе с ней в университет отправиться — она там в музее работает.

Утром поехали на Ленинские горы. Едва вылезли из автобуса, увидели на боковой башне университета круглый термометр-циферблат со стрелкой. Приятель вызвался наблюдать за стрелкой, я с его матерью поднялся в лифте на 28-й этаж — музей на этой огромной высоте устроен.

Подошел к окну — вся Москва как на ладони!

Привязал длинную веревочку к градуснику, с которым накануне вел наблюдения в поселке, и осторожно опускаю его за окно. Потом быстро вытаскиваю градусник назад, записываю температуру.

Внизу приятель ждет. С моей поднебесной высоты он маленький, как таракан, — даже смотреть смешно. Но руками усердно по сторонам машет: передает показания башенного термометра со стрелкой. Не напрасно я прихватил с собой подзорную трубу, иначе не разобрал бы условленных сигналов.

Два часа опускал и поднимал термометр. Ничего не понимаю: башенная стрелка и мой градусник находятся почти на одном уровне, температуру же показывают разную! Опять два-три градуса в пользу приятеля! Неужели новая загадка?

Жаль, закончить наблюдения не удалось. Видимость сперва ухудшилась, затем вовсе исчезла. К окну подплыло облако, между

мной и землей лег туман. Приятель, словно кусок сахара в молоке, растворился в этом тумане.

Расспросив работников музея, с удивлением узнал, что у них свой особый климат. Не московский и не подмосковный. Летними днями у них холодней, летними ночами теплей, чем в Москве и Подмосковье!

Секрет московских температур разгадать не успел. Москва велика, достопримечательностей много, я увлекся прогулками по столице и забыл разыскать человека, знакомого с особенностями ее климата.

О любопытстве

Любопытство бывает разное: хорошее и дурное, нужное и ненужное. Досадно, что не всегда угадаешь, какое любопытство тебя мучает: полезное или бесполезное.

В детстве я любил сидеть у окна, считать автомашины и прохожих. Каждого прохожего отмечал на листе бумаги точкой, автомашину — черточкой. Старший брат пригляделся к моей работе и сказал: «Зряшным делом занят, Захар, лучше бы книжку читал!» А в Москве я увидел, что подобными подсчетами занимаются взрослые люди.

Иной раз полюбопытствуешь и узнаешь интересное, но ненужное. Случается наоборот: не поинтересуешься, а позднее себя упрекнешь — прозевал то, что могло пригодиться… Поэтому я решил, что сдерживать любопытство не надо. И в своем решении не раскаиваюсь.

Прошел без малого год после того, как я исследовал секреты московского климата. Наверное, я очень удачливый — Москва снова оказалась на моем пути, хотя ради этого пришлось проехать по железным дорогам лишнюю тысячу километров.

В старину говорили, что Москва стоит на семи холмах, а течет по ней сто рек, речек и ручьев. У меня был план столицы, и я задумал подняться на все холмы, нанести их на план и, кстати, выяснить такой вопрос: если рек, речек и ручьев — сто, то почему в Ленинграде мостов больше чем в Москве?

Кое-кто найдет пустяком этот давно занимавший меня вопрос. Однако история учит, что пустое на чей-нибудь взгляд любопытство иногда приводило к важным открытиям. Кто знает, может быть, мне тоже суждено такое открытие?

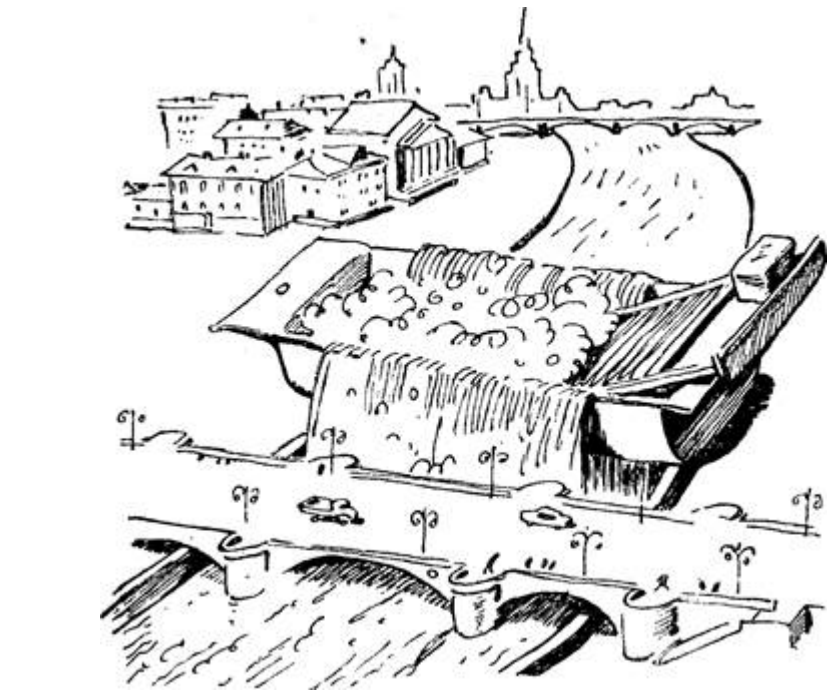
Был канун мая, но жара стояла июльская: термометр показывал 22 градуса в тени. Три дня, обливаясь потом, я разыскивал столичные холмы. Правда, обследовал не всю Москву — ее улицы и проезды тянутся на тысячи километров, их не обойдешь и за полгода! Но в середине XIX века, когда о семи холмах говорили даже ученые, Москва была меньше, и тогдашнюю ее территорию я обошел вдоль и поперек.

Разыскивал холмы на глаз, — инструменты для измерения высоты взять было негде. Это меня не смущало. Во-первых, проглядеть холм просто невозможно. Во-вторых, кто не сообразит,

лезет ли он в гору или сбегает с горы?

В разных концах Москвы я нашел немало подъемов и спусков. Все же нанести на план очертания семи холмов мне не удалось. Как ни проверял себя, получалось то пять, то десять, то пятнадцать холмов… Откуда же возникла цифра «7»?

Одновременно с холмами искал и реки. Казалось ясным: если есть водные преграды, то должны быть мосты — вряд ли жители столицы переправляются через реки, речки и ручьи вброд или на лодках. Однако мосты увидел только на Москве-реке, на ее притоке Яузе и на Водоотводном канале. Не скрою, попался еще один мост, но фальшивый — река под ним не текла, а на месте перил высились дома; не будь на домах указательных табличек, не догадался бы, что иду по мосту.



Тогда я стал искать реки более надежным способом. Москва-река — главная в столице; значит, все прочие в нее впадают. И я отправился в поход вдоль гранитных набережных Москвы-реки, высматривая устья ее притоков. Но встретил лишь ту же Яузу, тот же Водоотводный канал да еще две речки. Где же остальные 96 рек?

Беготня по улицам так меня изнурила, что я решил выкупаться. У речного порта выбрал укромный уголок, разделся и, выжидая, пока остынет тело, швырнул щепку в воду.

Щепка лениво покружилась, точно не желая расставаться со

мной, затем медленно-медленно тронулась в путь. Тогда и я шагнул в воду, но тут же отступил: ноги увязли в слое илистой грязи… Я заколебался: «Купаться или не купаться?»

Послышался смешок. Оборачиваюсь, а там парень в фуражке матроса речного флота. Он оглядел меня и спросил:

— Почему в воду не лезешь? Боишься?..

— Дно вязкое, да и вода грязная: выпачкаешься, потом не отмоешься…

— Какой чистюля! Если не хочешь пачкаться, приходи завтра к вечеру: с утра будем мыть Москву-реку.

— Как — мыть?

— Очень просто. Как всё моют: водой!

— С мылом?

— Нет, с мылом нельзя: в нижнем течении рыба подохнет…

— А наблюдать, как моют, разрешается?

— Сколько угодно! Но с этого берега мало что заметишь. Раз ты такой любопытный, дам адрес, откуда все откроется как на ладони.

Обеими руками схватил адрес: в географии я не новичок, но даже не подозревал, что реки можно мыть.

Всю ночь не спал, гадая, что произойдет с Москвой-рекой. Неужели грязную воду выльют, ил вывезут грузовиками, а в пустое русло чистую воду накачают?

Рано утром помчался по указанному мне адресу. Увидел, как моют Москву-реку, и никогда не забуду. Ничего не возразишь: вымыли на совесть! Я нарочно опыт сделал: явился на то место, где хотел купаться, — ила на дне нет, вода прозрачная, как стекло. Ну и молодцы московские речники!

В тайну семи холмов и ста рек я так и не проник. Но особенно не огорчен: нехорошо одному Захару Загадкину раскрывать все таинственное — кое-что нужно оставить и другим. Разве только я страдаю научным любопытством?

Как я был экскурсоводом

Несколько дорог ведет из Москвы к южному городу, где находилось мое мореходное училище. Я должен был выбрать одну из них и, размышляя над атласом, понял, что если удастся, то по пути к училищу смогу побывать на разных морях.

Пошел в порт, откуда уходят корабли к этим морям. У причала — трехпалубный красавец теплоход. Узнаю, что под вечер он отплывет, и являюсь к капитану: «Я, мол, такой-то, не понадоблюсь ли на один рейс?»

Представился капитану, а тот отвечает:

— Нет, молодой человек, не понадобитесь. Вся команда — в полном сборе. Впрочем, как, вы сказали, вас зовут?

— Захар Загадкин.

— Вот вы кто!.. Тогда, может быть, договоримся. Понимаете, какая неприятность: заболел наш экскурсовод, час назад в больницу отправили. А среди пассажиров — полтораста учеников ремесленного училища. Возьметесь заменить экскурсовода? Повезу бесплатно и кормить буду всю дорогу. Только справитесь ли, Загадкин?

— Справлюсь!

Ответил бойко, а про себя прикинул: прихвачу в плавание надежную карту, две-три книги. Помнится, где-то читал, что, нанимаясь в учителя, на худой конец, надо знать на урок больше, чем твои будущие ученики: после первого урока успеешь подготовиться ко второму, после второго — к третьему и так далее. Смешно, но крупица правды есть. А экскурсовод — тот же учитель. Еще раз заверил капитана, что справлюсь, и марш-марш за картой и книгами.

Отчалили засветло. До полуночи усердно читал, делал выписки, кое-что учил наизусть.

Утром на горизонте показывается первое море. Ремесленники уже позавтракали, толпятся на верхней палубе.

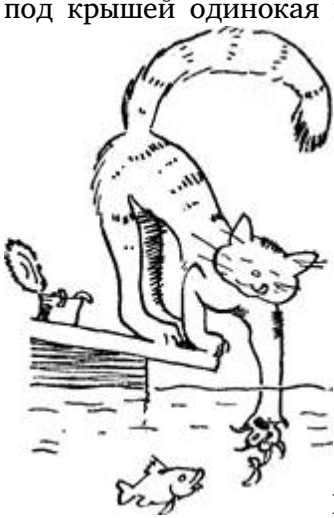
— Привет, товарищи ремесленники! Я — ваш экскурсовод. Буду рассказывать о том, что вы видите, но чего не знаете. Наш теплоход пересечет немало морей. Сейчас перед вами первое море — самое древнее. В те времена, когда оно возникло, нас еще на свете не было. Дальше пойдут моря, которые позднее разлились. Моря отличные, очень нужные в хозяйстве. Один недостаток — замерзают по зимам. Но вы не тревожьтесь, во

льдах не застрянем, до холодов домой вернетесь…

Развернул карту, показываю маршрут судна, отвечаю на вопросы о попутных портовых городах. Иной раз сам не верю, как хорошо успел подготовиться к вопросам. Беседой увлеклись и не заметили, что первое море давным-давно за кормой осталось, а нас уже приглашают в столовую.

Часа через три опять собрались на палубе. До следующего моря не близко, но плыть все равно интересно: глубины увеличились, над нами чайки летают, навстречу большие корабли идут. Вскоре наше судно подошло к непонятной постройке. Я обрадовался, потому что многое о ней знал, и тут же объясняю ремесленникам:

— Видите, ребята, справа по борту колокольня из воды торчит? Когда-то она стояла на городской площади. Потом вода затопила улицы и дома. Горожане заранее выехали, вещи из домов забрали, некоторые и дома с собой увезли. А колокольню на память волнам оставили! Теперь она вроде маяка служит. Километрах в ста отсюда, уже в другом море, был на одном островке полузатопленный домишко, только крыша виднелась. А под крышей одинокая кошка жила — забыли ее при переезде.



Мышей на чердаке съела, другой пищи нет. Голод — не тетка, пришлось кошке приспосабливаться, и стала она рыб ловить. Ее потом научная экспедиция нашла, наблюдала за ныряющей кошкой…

Говорю, а сам поглядываю на ребят. Слушают внимательно, — значит, не робей, Захар, продолжай!

Весь день я рассказывал ремесленникам разные истории.

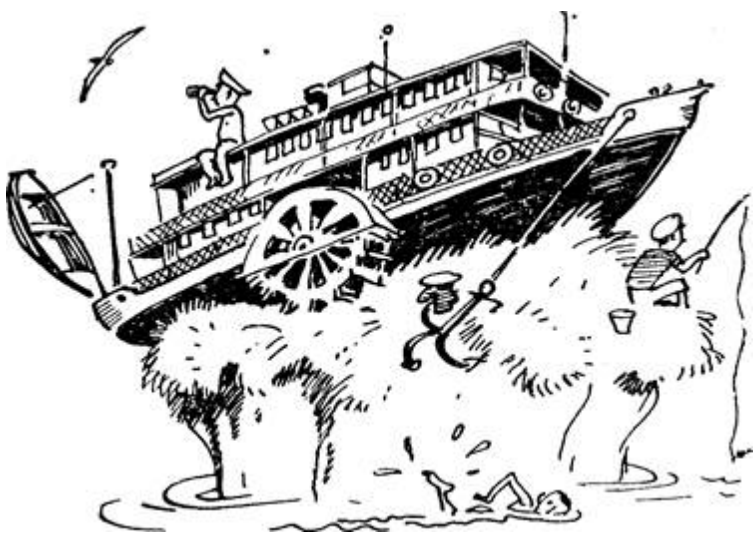
Вечером отправились спать, наутро встречаемся на палубе.

Судно посреди моря плывет, и похоже, что шторм надвигается: ветер крепчает и крепчает…

— Обратите внимание, друзья, какие высокие и крутые волны

бегут, белыми барашками на гребнях пенятся. Море бурное, опасное, порой такие свирепые штормы налетают, что кораблям приходится в гаванях отстаиваться. Прадеды недаром говорили: кто на море не бывал, тот и горя не видал. А у этого моря своя невеселая особенность — иногда новые острова со дна поднимаются. Был случай, когда пароход встал на якоря, а как раз под ним большой остров из воды вылез! Пароход на мели очутился, с трудом сняли его с этой глупой мели. Добро бы новые острова на месте стояли — нет, по всему морскому простору кочуют. Но не эти острова главное морское диво.

В свете есть иное диво.
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге,
И очутятся на бреге
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря…



— Знаем, знаем, товарищ экскурсовод, — перебивают меня ремесленники, — это из пушкинской «Сказки о царе Салтане». Стихи красивые, да богатыри-то вымышленные, из морей они не выходят…

— Почему не выходят? Что ни день выходят! И не тридцать три — миллионы богатырей! Мы еще на трех морях побываем — из каждого богатыри выходят. Но уже не в чешуе, то есть в

кольчуге, — из морей выходят богатыри-железнодорожники, сталевары, печатники, пекари, ткачи, портные, вагоновожатые, фрезеровщики и даже парикмахеры — всех профессий богатыри… Правда, они невидимы, хотя дорогу, по которой на работу спешат, я вам непременно покажу. И не одну, — от каждого моря своя богатырская дорога проложена. Пока же взгляните на новую диковину, видите, на волнах покачивается, будто нам кланяется?

— И ее волнам на память оставили?

— Нет, это морской голос. Сухопутным людям он не слышен. А опытные моряки за сто километров среди прочих голосов различат. Он сообщает штурманам скорость и направление ветра, температуру и влажность воздуха. Однако пора обедать, ребята, знакомство с морем продолжим после…

Пообедали экскурсанты, отдохнули и снова на палубу. В воде уже загорелись огоньки — красные, зеленые, золотые…

— Это, товарищи ремесленники, не морские светляки, это самые обыкновенные буи и бакены, они путь кораблю указывают. Как по-вашему, кто их зажег, а под утро погасит?

— Наверное, бакенщики.

— Бакенщики, да не простые…

— Опять невидимки-богатыри?

— И да, и нет. Если не знаешь, кто бакенщик, смотреть на него будешь и то не догадаешься. Ну, а если знаешь, тут же увидишь — бакенщик приметный.

До поздней ночи выкладывал ремесленникам все, что знал о море, которым мы плыли. Перед сном спрашиваю:

— Довольны пояснениями, ребята?

— Очень довольны, товарищ экскурсовод. Не все сразу понятно, зато занятно…

Повеселел от похвалы, со спокойной душой пошел готовиться к завтрашним беседам. Однако оказалось, что был у меня еще один слушатель — сам капитан. Вызвал он к себе в каюту и без обиняков заявляет:

— Ошибку с тобой допустил, Загадкин. Говоришь складно, да в экскурсоводы не годишься. Моря настоящие, а ты рассказываешь сказки о богатырях и бакенщиках-невидимках, о морском голосе и ныряющей кошке. Извини, лучше я своего помощника к ребятам приставлю. Он не такой речистый, и язык у него не так свободно подвешен, но на помощника полагаюсь, в тебе же не уверен. А слово сдержу: довезу до конца рейса.

Конечно, капитан был неправ, а пришлось подчиниться: на судне он хозяин.

Плыли мы еще двенадцать дней, повидал все попутные моря. Сколько бы мог рассказать ремесленникам! На одном побережье

большой город на пять километров к воде придвинули. На другом — советские люди, подобно голландцам, живут ниже уровня моря. Не довелось рассказать: ехал уже не экскурсоводом, а пассажиром.

Помощник капитана тоже толково говорил, хотя не так интересно, как я. Ремесленники слушали внимательно, но тут особой его заслуги нет. Об этих морях и неречистый хорошо расскажет!

Спор на Рыбинском море

Лодка опрокинулась, небо стремительно метнулось вниз, и спустя мгновение мы были среди пенистых волн, бежавших к берегу.

Спор, вызвавший это неприятное происшествие, возник, едва мы оттолкнули лодку от пристани. Мы — это я и юный географ Толя Стрелков.

С Толей мы давнишние друзья. Он слушал по радио приключения Захара Загадкина и постоянно присылал правильные отгадки. Огорченный неудачей моего плавания по Волге с экскурсией ремесленников, Толя предложил побывать у него на берегах Рыбинского моря, где он жил со своими родителями.

Встретившись и с утра до вечера плавая в лодке, мы подружились еще крепче. Толя словно сквозь воду видел и неизменно сообщал: тут на морском дне — торфяное болото, там — остатки деревушки, коряги затопленного леса или глубокий овраг, по которому в былые времена протекал ручей. Сперва я дивился такой осведомленности, но вскоре разгадал ее секрет. У Толи была еще «доморская» карта Ярославской, Калининской и Вологодской областей, напечатанная в 1940 году, и на эту карту он нанес границы нового моря. Мой друг знал, какая рыба водится в море, какой силы бывают на нем ветры и волны, когда появятся корабли у горизонта.

Я с уважением слушал Толины рассказы о переменах в климате, растительном и животном мире на берегах моря, созданного людьми. Но спор со мной Толя затеял напрасно: я — бывалый мореплаватель, он — всего-навсего ученик пятого класса! Правда, Рыбинское море — не настоящее море, а крупнейший, но все-таки искусственный водоем. Верно и то, что на его берегах Толя живет, мне же оно знакомо больше по книгам. Но я спорил смело, потому что наука была на моей стороне.

О чем мы спорили? О самом простом и, по-моему, совершенно бесспорном: о размерах Рыбинского моря. Я утверждал, что оно занимает 4580 квадратных километров, и в подтверждение этой цифры ссылался на справочники и учебники.

Тот, кто заглянет в книги, без труда убедится в моей правоте. Толя же доказывал, что размеры моря бывают иными, причем уверял, что нередко его величина не превышает 2000 квадратных

километров!

Конечно, это были необдуманные уверения: море — не гармошка, чтобы растягиваться или сжиматься! Но Толя упорствовал. Мало того, он заявлял, что уровень воды в Рыбинском море тоже бывает значительно — на 5 метров! — ниже указанного в справочниках. Как вам нравится такое упорство: все справочники утверждают одно, а ученик пятого класса твердит другое!

Спор происходил в лодке, где, кроме нас, двух пар весел и лежавшего на корме якоря, ничего не было. Самое обидное — не было книг, с помощью которых я мог бы доказать Толе, что он

неправ.

Вскочив во весь рост, я подал команду: «Стоп! Полный обратно — едем домой за справочником!»

Тут-то и случилась беда. Неосторожное движение накренило лодку.

Как опытный моряк, я пытался выправить крен, но, поскользнувшись, потерял устойчивость, шлепнулся грудью о борт. Лодка накренилась еще сильней, и мы оказались в воде.

Толя хороший пловец, я тоже; спустя две-три минуты мы вернули лодку в нормальное судоходное положение и уселись на свои места.

— Спорить нужно, но горячиться нельзя, — укоризненно сказал Толя. — Посмотри на корму, Захар…

Я обернулся и обмер: якоря не было! Не прикрепленный ни цепью, ни обыкновенным канатом, он при аварии пошел ко дну.

— Давай нырнем и достанем якорь, — предложил я.

— Здесь глубоко, метра три-четыре. Нырнуть можно, да вряд ли вытащим: якорь тяжелый…

— Что же делать, Толя? Ведь тебе здорово достанется от отца!

— Не беспокойся, Захар, якорем никто не пользовался, на отцовской лодке есть другой якорь. А этот тоже не пропадет, сам поднимется на поверхность.

— Как это сам поднимется? Якорь ведь чугунный, а чугун тяжелее воды!

— Мало ли что тяжелей! Ты плохо знаешь мое море, Захар, даже поражаюсь такому невежеству. И не подумай, что шучу или просто успокаиваю. Когда якорь начнет вылезать из воды, я его сфотографирую и снимок пошлю тебе…

Недавно я получил обещанный снимок и с огорчением убедился, что был неправ. Якорь сам вылез из воды! Медленно, но вылез! Оказывается, надо вдумчивей относиться к тому, что напечатано в справочниках!

В гостях у дядюшек Петра и Павла

Есть у меня двое дядюшек — Петр и Павел. Оба помнят обо мне, в каждом письме зовут в гости. Прошлым летом решил навестить дядюшек. Сперва заехал к дяде Петру. Прожил у него несколько дней, затем собрался к дяде Павлу.

А дядя Петр говорит:

— Не спеши, дорогой, торопиться некуда. Павел сейчас в отпуске, вернется нескоро, недельки через две. Хочешь, еще поживи у меня — буду рад. Но я бы посоветовал поехать к Павлу на лодке. Далековато, правда, километров пятьсот, зато много интересного увидишь. Половину пути по одной реке поплывешь, половину по другой, но по обеим вниз по течению. Ни тебе мускулы напрягать, ни о дороге спрашивать, а места удивительно красивые, на всю русскую землю славятся… Поезжай, Захар, не пожалеешь, я и лодку тебе дам. Возвращать ее не надо — у Павла оставишь; при случае заберу у него.

Как дядя посоветовал, так я и сделал. Взял лодку, для верности заново осмолил ее, запасся продуктами и ранним утречком отчалил от города. Дядя Петр проводил меня, с набережной на прощание кепкой помахал.

Путешествовать в лодке великое удовольствие. Река не широкая. Плыву по течению, даже грести не надо — лодка сама идет. На левом берегу — луга и поля, на правом — тоже, в отдалении невысокие холмы зеленеют. Где лесом полюбуюсь, где рощей, яблоневыми или вишневыми садами. Надоест по сторонам наблюдать, смотрю, как в небе легкие облака движутся, в спокойной воде отражаются.

Хорошо! Начнет темнеть — к берегу пришвартовываюсь. Разожгу костер, чай вскипячу. На ночлег обратно в лодку, а с рассветом дальше в путь. Еду и благодарю дядю за отличный совет.

Проплыл километров двести. Кончилась моя река, добрался до ее устья — к месту, где она в другую, широкую и полноводную реку впадает. Направил лодку по течению второй реки и вскоре прибыл к столице одной автономной республики. Город красивый, с древним кремлем, старинными башнями. Раньше он был далеко от реки, теперь ниже по ее течению построили плотину, и вода плещется у самых кремлевских стен. Хотел было остановиться, осмотреть столицу, но прикинул, что

задерживаться нельзя, — до города, где дядя Павел живет, еще километров двести с лишним…

А на реке по-прежнему чудесно, хотя плыть стало труднее. Река широкая — порой противоположного берега не различишь, движение по ней большое: и попутное, и вверх по течению. Трехпалубные корабли идут, баржи с различным грузом — самоходные и на буксире, плоты с лесом, длинные, как острова. Один раз теплоход на подводных крыльях промчался; бросив весла, я приветствовал его обеими руками — в отличие от бескрылых теплоходов, волны от него почти нет.

Точно не скажу — пройденного пути не мерил, но километров пятьсот наверняка проплыл. Наконец приближаюсь к городу, где дядя Павел живет. Очень красивый город! Стоит на крутой горе, а река перед ним разлилась словно море. В порту теплоходы, речные трамваи… Еле-еле разыскал лодочную пристань, где бы свое суденышко пришвартовать. Смотрю, по пристани человек ходит, кепкой радостно машет. Оказывается, дядя Павел! Он третий день выходил меня встречать, уже беспокоиться начал…

Прожил несколько дней и у дяди Павла. Подошло время отъезда. До поезда — полтора часа. И тут спохватываюсь, что оставил шинель у дяди Петра. Ну и положение: вниз по рекам две недели спускался, сколько же понадобится, если против течения грести?.. На теплоходе с подводными крыльями и то за полтора часа никак не успеешь…

Так бы уехал без шинели, да, к счастью, дядя Павел выручил. Сбегал он к дяде Петру и мою шинель к поезду принес. Минут за сорок обернулся! Я ведь забыл сказать, что оба дяди в одном городе живут и даже на одном заводе работают.

По-вашему, зарапортовался Захар Загадкин? Плыл пятьсот километров вниз по течению двух рек, а пришвартовался в том же городе, откуда в это плавание уходил? Честное слово, говорю правду. Есть в нашей стране город, где расстояние между двумя набережными двояко считается. Если плыть водой — километров пятьсот. А если идти пешком — километра три-четыре от силы!

Город, где живут дядюшки, очень известный. Но знаменит он вовсе не своими набережными.

На берегах Хмельной

Не разыскивайте Хмельную в атласе, — на географических картах у нее иное имя. А Хмельной ее образно назвал дореволюционный русский писатель Мельников-Печерский. Не обидел ли он реку, в которой течет простая вода, не время ли забыть необычное прозвище?

Я подумал, что мой долг разобраться в этом деле, и отправился к берегам Хмельной. Близко познакомившись с рекой, я убедился, что писатель подметил примечательную особенность ее.

Тот, кто сядет в лодку, проплывет от истока до устья Хмельной 423 километра. Вздумай же он идти пешком и напрямик, то пройдет всемеро меньше — километров шестьдесят! В нашей стране много рек, у которых расстояние от истока до устья по воде одно, посуху другое. Но Хмельная среди них самая извилистая. Она катит свои воды то влево, то вправо, то вперед, то назад; ее течение — сплошные излучины, петли, колена, повороты. И, по-моему, правильно написал Мельников-Печерский об этой чемпионке речных извилин, что «шатается, мотается она во все стороны, ровно хмельная». Сравнение грубоватое, но меткое: реке нечего обижаться на писателя.

На свидание с Хмельной я поехал кружным путем. Выбрал его умышленно, — хотелось осмотреть омываемую ею и любопытную для географа возвышенность.

Подкатив на велосипеде к перекрестку проселочных дорог, я спешился и спросил первого встречного, как добраться к берегам Хмельной. Прохожий показал на проселок, ведущий направо.

Я снова заработал педалями, но тут же притормозил, решив для верности справиться еще у одного встречного.

Второй встречный указал на проселок, ведущий влево.

Я поблагодарил, но не двинулся с места. Надо было подождать третьего встречного и точно выяснить, куда же ехать: налево или направо?

Бабушка, проходившая мимо, выслушала меня и показала посошком на проселок, ведущий прямо!

«Тут какая-то заковыка, — сообразил я, — подожду-ка людей понадежней…»

Вскоре к перекрестку подошли два паренька, по виду школьники. Объяснив ребятам свое затруднительное положение,

я достал компас и спросил:

— В языке магнитной стрелки разбираетесь?

— Разбираемся.

— Тогда скажите, как проехать к берегам Хмельной?

— Как нравится, так и поезжай! Кати на север, кати на юг, а нет, держи путь на запад! Берега Хмельной всюду увидишь. Хмельная со всех сторон течет, только на востоке ее нет…

Тут, чтобы окончательно вас не запутать, я растолкую происшествие на перекрестке.

Ни первые встречные, ни бабушка, ни ребята меня не обманывали: перекресток был у восточного края междуречья… Хмельной! Всем известно, что междуречье — местность, расположенная меж двумя реками. Но у Хмельной есть и собственное междуречье, оно лежит между берегами самой Хмельной! И междуречье не маленькое, не мысок или полуостровок, образованный бесчисленными изворотами и петлями реки. С севера на юг оно тянется километров на пятьдесят, а с запада на восток — на все девяносто!

В этом междуречье и находится возвышенность, любопытная для географа. Название у возвышенности, по-моему, забавное. Ручаюсь, вы улыбнетесь, когда отыщете его на карте.

Спустя часа четыре я подкатил к Хмельной. Мог бы доехать быстрей, но попадались зияющие в земле трещины, впадины, воронки. Я их осматривал, а те, что покрупней, даже измерял.

Берега у Хмельной красивые, вода чистая-чистая. Взобравшись на холм, я заметил, что река, словно гигантская змея, извивается среди зеленых лугов. Прислонил велосипед к березке и отдыхаю, кругом — ни души! Вдруг прямо из-под земли возникает мальчуган лет двенадцати. Лицо перепачкано, лоб в царапинах, штаны порваны, на голый живот бечевка намотана. Гляжу, конец бечевки к моей березке привязан…

— Откуда ты такой?

— Из-под земли.

— А что там делал?

— Пещеру обследовал. У нас их немало, но те я знаю, а эта — новая, позавчера ее нашел. Пойдем, покажу… У меня и свечка есть. Только китель и брюки скинь, не то порвешь…

Пещера меня заинтересовала. В трусах и майке я шагнул за мальчуганом. Он раздвинул кусты, за ними чернел узкий лаз.

— Тут вход, — сказал паренек. — Не трусь, дальше просторней будет…

Действительно, проползли мы на карачках метра полтора, лаз расширился, и я встал на ноги. Мой проводник зажег свечку. Над головой — неровный невысокий свод, где-то капает вода,

впереди под тупым углом расходятся два коридора.

Под землей я пробыл довольно долго. Но описывать пещеру не стану; ничего удивительного в ней не оказалось, — обыкновенная пещера в растворимых водой горных породах. К тому же близ Хмельной таких пещер десятки, они давно открыты, и там часто бывают экскурсанты.

Зато у самой Хмельной нашел еще одну особенность. Река не маленькая, течет не по безлюдным местностям, а почти в середине европейской части СССР, но на ее берегах стоит всего один город. Раньше в нем жило много медвежатников, поэтому мишка изображен на старинном гербе города.

Запасная Волга

Реки — великое добро в хозяйстве человека. В старину они были важнейшими путями сообщения. Потом появились более скоростные и потому более удобные пути — железнодорожные, автомобильные, воздушные. Но реки по-прежнему нужны: возить грузы по воде дешевле, чем поездом, самолетом или на машинах.

Правда, у водных путей есть малоприятные особенности. Во-первых, не все реки текут туда, куда нам хочется; во-вторых, зимой они замерзают. Первая беда поправима: можно прокладывать судоходные каналы. Волга, как все помнят, впадает в Каспийское море, а по каналам, соединившим ее с другими реками, суда плывут к Азовскому, Белому, Балтийскому морям. Хуже, что реки замерзают и навигация волей-неволей прекращается на несколько месяцев в году. Тут словно бы ничего не поделаешь: не подогревать же по зимам речную воду, чтобы она не превращалась в лед!

«Какая советская река самая главная?» — спросили одного моего приятеля. «Волга!» — ответил приятель, и его слова никто не смог опровергнуть. Верно, есть реки длиннее Волги, есть полноводнее, но нет реки, которая была бы так дорога сердцу народа. Неспроста сложено о ней столько песен: Волга — наша поилица и кормилица, наша труженица, наша красавица!

Хорошо прокатиться по Волге на быстролетном корабле с подводными крыльями, на теплоходе или дизель-электроходе, даже на обыкновенной барже, осмотреть древние и новые города Поволжья. В Казани, Ульяновске, Куйбышеве, Саратове, Волгограде, Астрахани — всюду свои достопримечательности, свои памятные места.

Неудивительно, что десятки тысяч людей проводят отпуск, путешествуя по Волге. Я слышал о человеке, который каждое лето ездит на Волгу, и, что ни лето, Волга показывает ему свои обновы: то еще одно рукодельное море — водохранилище, то построенные для нее новые суда, то порт, дамбу или мост, которых не было год назад. Я понимаю этого волжского путешественника и завидую ему.

Но что делать тем, кто летом занят, кому дали отпуск уже после ледостава? Например, начальнику лодочной пристани или

директору пляжа? Летом у них работы по горло. Смогут ли эти люди проехать по Волге зимой? Само собой разумеется, не по льду на тройке с бубенцами, — теперь такую тройку разве что в кино увидишь.

«Конечно, нет, — ответите вы, — зимой путешествовать по Волге нельзя».

Я тоже так отвечал и… ошибался! Оказывается, по соседству с хорошо знакомой нам Волгой существует менее известная, запасная, притом никогда не замерзающая Волга! Ею пользуются круглый год, хотя летом только закоренелый чудак откажется от текущей рядом настоящей Волги. Кто не верит, пусть взглянет на карту и немедленно убедится в справедливости моих слов… Уже убедились? Очень рад!

Я давно задумал проехать по запасной Волге от самого ее начала и до самого конца. В зимние каникулы нынешнего года непременно выполню свое намерение. Не хотите ли отправиться вместе со мной? Осмотрим Казань, погостим на родине Владимира Ильича Ленина — в городе Ульяновске. Обидно, что в Куйбышев не попадем — запасная Волга обходит его стороной, но обязательно побываем в Саратове, Волгограде, Астрахани.

Кончается запасная Волга, как положено, у берегов Каспия. А там, где она начинается — это легко установить по карте, — и назначим нашу встречу. Как наступят зимние каникулы, буду ждать вас у начала запасной Волги. Приезжайте!

Гонки на озере

На эти гонки я попал случайно. Жарким августовским днем я подъезжал в поезде ко всем известной обширной низменности и близ озера на сутки прервал поездку, услышав по радио, что там будут всесоюзные спортивные соревнования. Кто приглашен участвовать,

не разобрал, но это было неважно: интересны все спортивные соревнования.

Простился с соседями по вагону, сел в попутную автомашину и поспешил к озеру. Что же я увидел на его глади? Гребные шлюпки? Парусные лодки? Моторные катера? Может быть, пловцов? Ничего подобного!

Я знаю о спорте много удивительного. Английским лыжникам, например, снег привозят из Скандинавии. Своего снега в Англии мало, и держится он там недолго — по зимам в этой стране дуют юго-западные ветры, несущие теплый воздух. На полуострове Флорида, что в Северной Америке, спортсмены скатываются на лыжах с высокого песчаного холма; климат на полуострове субтропический, снега нет. А на экваторе лыжники-африканцы мчатся по снежным склонам Рувензори, с опаской поглядывая на реку у подножия хребта, где в ожидании спортсмена-неудачника лениво плавают крокодилы. Ничего не поделаешь: у экватора снег выпадает только в горах на высоте нескольких тысяч метров.

Все эти истории о лыжниках я вспомнил неспроста. Кому-

нибудь другому могло показаться, что поверхность озера покрыта

снегом: она была белой-белой. Но кто же станет в жаркие августовские дни сыпать снег на озеро? И зачем? В нашей стране даже летом найдешь сколько угодно высокогорных снежных склонов, где можно устраивать лыжные соревнования.

Однако вовсе не лыжники готовились к гонкам на озере. На его белой глади я увидел… автомобили и мотоциклы! Кто-нибудь другой обмер бы от изумления или ошибочно решил, что перед ним мираж. Но будь это мираж, машины вскоре исчезли бы или отодвинулись к горизонту, а на озере они оставались неподвижными.

Раздался выстрел судьи. Гонки начались. Забыв обо всем, я следил за спортсменами и кричал: «Давай не отставай!» А другой на моем месте стоял бы разинув рот и думал: «Почему машины не проваливаются на дно? Неужто заморозили все озеро, чтобы гонщики не утонули?»

Но я сразу понял, почему гонщикам удалось побить два мировых рекорда и один всесоюзный. А после окончания гонок пошел гулять и, замечтавшись о странностях природы, чуть было не попал под паровоз, тащивший товарные вагоны прямиком по озеру…

Пятеро братьев

Я люблю ездить в поездах, особенно на дальние расстояния. За окном вагона с утра до ночи видишь живые картины нашей Родины: леса, степи, реки, озера, горы, большие и малые города. Смотришь в окно, будто увлекательную книгу читаешь! Интересно и беседовать в поездах: слушать попутчиков, самому кое о чем рассказать.

Позапрошлой зимой довелось мне ехать в одном купе с капитаном речного теплохода. Он сообщил, что возвращается после отпуска в родной город, где на судоремонтном заводе вот-вот должны заняться подготовкой его судна к новой навигации. Как называется город, капитан не сказал, а я не спросил, решив, что это тайна.

Мне хотелось удивить попутчика своими географическими приключениями на реках, однако не удалось: капитан оказался опытным речным волком и все понимал с полунамека.

Признаюсь, я приуныл, но, когда кончил рассказывать, был обрадован неожиданной похвалой.

— Завидую, друг Загадкин, ты еще молод, а столько успел повидать, — произнес капитан. — К сожалению или к счастью, в этом я не уверен, жизнь не баловала меня приключениями. Делиться с тобой хитроумными историями не стану и попросту познакомлю с моей семьей. Пока заглазно, а попадешь в наш город, милости прошу в гости…

Я поблагодарил за приглашение и приготовился слушать.

— Нас пятеро братьев, — начал мой попутчик. — Николай, Иван, Федор, Василий и старшой — я, Игнат. Живем в одном городе, у всех работа связана с водой. Я, как тебе известно, капитан речного судна. Николай тоже капитан, но дороги наши разошлись: он плавает на морском теплоходе, иногда ходит в заграничные рейсы. Третий брат, Иван, штурман рыболовного траулера. С ним и Николаем я вижусь редко; их пути лежат в одну сторону от города, мой путь — в другую. А корабли Ивана и Николая, бывает, встречаются в открытом море. И четвертый брат, Федор, трудится на воде, хотя кораблей не водит: он работает на землесосном снаряде, очищает от ила и песка канал-невидимку, которым славится наш город. К воде все мы привыкли с детства, — и отец, и дед были рыбаками…

— А пятый брат? — спросил я.

— Пятый брат, Василий, — рыбовод-ученый. Дни напролет он проводит в рыбном царстве — обширном районе неподалеку от нашего города. Василий заботится о ценных рыбах, путешествующих из рек в море и обратно… Ну, вот ты и познакомился с моими братьями. Сообразил, друг Загадкин, куда я еду?..

Я взглянул на капитана. Ишь старый скромник, «делиться хитроумными историями не стану», а какую басенку сочинил! Но меня смутить не легко и я тут же ответил:

— Вы едете в город, где на пруду близ набережной цветет ярко-розовый цветок диаметром четверть метра и с большими круглыми листьями, похожими на зеленые зонтики.

— Даже о цветке знаешь? Откуда?

— Слухом земля полнится, товарищ капитан. Я знаю и такое, о чем вы, возможно, не подозреваете…

— А что именно?

— Ваш город некогда стоял километрах в десяти от места, где находится теперь, и был столицей государства.

Капитан засмеялся:

— Это любой школьник помнит! А ты что-нибудь слышал о нашем музее? Знаменитый путешественник — и не слыхал! Стыдись, там чудесная коллекции моделей морских и речных судов: парусников, старинных парусно-паровых кораблей, пароходов, плававших свыше века назад. Есть и модель «Сармата», одного из первых теплоходов; его построили в нашей стране более шестидесяти лет назад. Приезжай в гости, посмотришь модели и при случае расскажешь о них и о нашей встрече.

— Приеду, капитан, обязательно приеду и при случае расскажу…

Закадычные приятели

Передо мной письмо Вити и Мити — юных любителей географии и закадычных приятелей. Живут они в небольшом городе на разделенных маленькой речушкой улицах, видятся ежедневно, вместе ходят в кино и на прогулки.

Недавно эти неразлучные пареньки жестоко поспорили и захотели, чтобы я рассудил их спор. Витя утверждал, что старинный русский город Дмитров находится на правом берегу канала имени Москвы, Митя доказывал, что Дмитров стоит на левом берегу этого канала.

Достав карту и кое-что вспомнив о канале, я быстро разобрался в не таком уж сложном вопросе о берегах и рассудил спор приятелей. Вряд ли и рассказывал о нем, если б не одно необыкновенное обстоятельство.

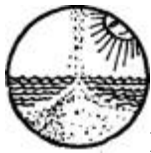
Ребята попросили не поскупиться на лишний конверт и каждому ответить отдельно. На конверт я не поскупился, написал два письма, принимаюсь за адреса на конвертах… Ну и сюрприз, даже не сюрприз, а сюрпризище! Вот так неразлучные пареньки, которые видятся ежедневно, вместе ходят в кино и на прогулки! Оказывается, живут-то они в… разных союзных советских республиках! Да и город свой называют неодинаково: похоже, но не совсем — четыре буквы в названии сходятся, а пятая нет!

Вы сомневаетесь в моих словах? Как может город, к тому же небольшой, находиться в двух советских республиках? Сам усомнился в этом, но раскрыл Географическую энциклопедию и увидел: приятели правы!

Да, живут они в одном городе, хотя и в разных городах! В энциклопедии сказано, что эти города примыкают один к другому и по существу являются единым городом, несмотря на то что расположены в соседних союзных республиках. Убедившись в любопытной особенности обоих городов, я решил сообщить о ней и вам.

Если разыщете города неразлучных приятелей, попытайтесь определить, на каком берегу канала имени Москвы стоит Дмитров: на правом или на левом? Вопрос, как я предупредил, не такой уж сложный, но и не очень простой.

Майка неряхи



На летней практике я был с товарищем по училищу в приморском портовом городе.

В окрестностях этого города и случилось происшествие, которое показывает, как полезно перенимать чужой хороший опыт.

В воскресенье мы пошли гулять и довольно долго бродили по песчаному побережью. День был жаркий, и нам захотелось выкупаться. Выбрали на пляже безлюдное местечко у подножия поросшего соснами холма, разделись. Я, как обычно, аккуратно сложил одежду, перехватил ее поясом. А товарищ — он малость неряшливый — майку швырнул в одну сторону, брюки в другую, фуражку в третью.

Побегав по мелкому, словно просеянному через тончайшее сито, сухому и мягкому песку, мы полезли в море. Сквозь зеленоватую воду просвечивал тот же песок; только здесь он был будто морщинками изрезан — таким сделали дно прибойные волны.

Отойдя подальше от берега, мы плавали, ныряли, кувыркались. С открытого моря дул ветер, гнал волну за волной. Мы кидались на пенистые гребни волн, и они несли нас обратно к берегу.

Купались, наверно, с полчаса, потом еще часок валялись на пляже, подставляя бока горячему солнышку. С моря, все усиливаясь, дул ветер. Чувствуем, пришла пора собираться. Я взял свои вещи, стряхнул с них песок, не спеша одеваюсь и вдруг слышу:

— Захар, отдай мою майку!

Оборачиваюсь, неряха мечется вокруг и на меня косится:

— Честное слово, не трогал, Захар?

— Клянусь! — говорю. — На что мне твоя майка?

— Тогда где же она?

Я всегда готов помочь товарищу. Поэтому руками стал разгребать песок и в нескольких шагах от места, где мы расположились, нашел майку. Кто-то, не пожалев труда, спрятал ее под песчаным бугорком! Хоть бы палочкой какой пометил — похожих бугорков на пляже множество: просто повезло, что удалось наткнуться на майку!

— Кто это сделал, Захар? — сердито произнес товарищ,

надевая майку. — Ведь на берегу ни души…

Я посмотрел на море, на побережье, на холм. И всё понял!

— Знаю, чьих это рук дело! — крикнул я. — Давай намнем ему бока, пусть помнит, как смеяться над курсантами!..

— Да где он? Я никого не вижу.

— И я не вижу. Но мы разыщем его по следам; следы у него приметные. Шагай за мной!..

Я потащил товарища на холм.

— Вроде это его следы, — сказал я, когда мы взобрались на вершину холма. — Гляди, на чем сосны стоят?

— На песке.

— А под песком что?..

— Наверно, другая горная порода.

— Ничего подобного! Под песком дома, скотный двор, овин, мельница — словом, целая усадьба…

— И люди живут? — недоверчиво спросил товарищ.

— Еще чего захотел! Разве люди могут жить под таким холмищем? Его высота — метров семьдесят, если не больше! Да и зачем им забираться под землю, тут под открытым небом места для жилья хватает. По-моему, этот холм приволок, засыпал усадьбу тот, кто и твою майку припрятал…

— Ну, извини, тогда не мы ему бока намнем, а он нам! Да ты, наверно, сочиняешь, по своему обыкновению, простачков ловишь? А я не простачок, меня не обманешь…

Мы подошли к противоположному, подветренному склону холма. За неширокой ложбиной высился новый холм, пониже. Поодаль тянулась гряда других холмов, тоже поросших сосновым лесом.

— Хочешь верь, не хочешь не верь, — сказал я, — а раньше эти холмы свободно гуляли по побережью, нападая на дома, поля, деревни, дороги. Теперь сдвинуться с места холмам не дают, да и попробуй погуляй с таким лесищем на горбу! Понял?..

— Понял! — обрадовался товарищ. — Это…

— Наконец-то, сообразил, — облегченно вздохнул я.

Вот и все происшествие с майкой. Я остался им доволен: и товарищу непонятное растолковал, и себе не изменил — все объяснил загадкой! Пожалуй, некоторые удивятся: как это я так быстро догадался, кто спрятал майку, засыпал усадьбу и нагромоздил холмы? А удивляться нечему. У всех прославленных путешественников было правило: до того как выступить в дорогу, узнать, чем примечательны места, куда они собираются. Я еще не прославился, но тоже придерживаюсь этого правила. И, когда услышал, что попаду на практику в приморский город, постарался разведать всё, чем интересно побережье, на котором

он находится.

Мой компас и забытые магниты

С компасом я не расстаюсь с детских лет, часто им пользуюсь и очень его ценю. Окажешься в незнакомом лесу, поглядывай на магнитную стрелку и ни о чем не беспокойся: если возьмешь противоположное направление, непременно к своему дому вернешься! Многим обязана компасу и наука — великие географические открытия прошлых веков сделаны не без помощи этого несложного инструмента.

Необходим компас и теперь. Года три-четыре назад я услышал по радио, что одному пилоту присуждена Ленинская премия. Чем заслужил он такую награду? Поставил рекорд высоты, скорости или дальности полета? Нет, в нужную минуту посмотрел на компас!

Этот пилот занимался самой обычной воздушной работой. Летал над ковыльной степью, возил почту, продукты, различное снаряжение геологам, работавшим в степи. Как-то, проносясь над малоприметным сверху курганом и держа курс строго на восток, он с удивлением заметил, что стрелка компаса ведет себя не так, как следует. Ей бы стоять неподвижно, а она метнулась с севера на юг, поколебалась, точно в раздумье, потом приняла прежнее положение. Что бы это значило? Пилот заинтересовался и на обратном пути повел машину тем же маршрутом. Странное происшествие со стрелкой повторилось.

Пилот нарисовал на карте галочку у кургана, над которым пролетал, и сообщил о своем наблюдении ученым.

Вскоре к кургану пришли геологи с буровыми станками и открыли богатейшие залежи железной руды.

Узнал об этом летчике и потерял душевное спокойствие. С той поры, куда б ни шел, то и дело поглядываю на компас: авось метнется стрелка и я тоже отыщу железную руду.

Однажды осенью случилось так, что примерно с месяц я пробыл у водораздела двух рек Русской равнины. Ну и красивые там места! Распаханная холмистая степь, золотое море пшеницы, а по соседству вековые дубравы с прозрачными ручьями и речушками, рощи белоствольной березы, высокого ясеня. В доме лесничего я и ночевал: кроме самого лесничего и старика сторожа, в нем никто не жил.

Как-то на рассвете потянуло меня рыбу удить. Взял удочку, не спеша шагаю просекой, по привычке поглядывая на компас. И

вдруг ахнул: стрелка в сторону метнулась! Посмотрел на розовый от зари восток, по нему проверил остальные стороны горизонта. Ошибки нет: намагниченное острие на юг показывает!

Щипнул себя за нос: не снится ли? Нет, слезы по щекам потекли — от волнения плохо рассчитал силу щипка. Выходит, впрямь нашел железную руду? Сложил на просеке памятный знак из сухих веток, воткнул в него удочку и бегом к лесничему делиться важным открытием.

— Очень хорошо, молодой человек, хвалю вашу наблюдательность, — сказал лесничий. — Да вот беда, не вы первооткрыватель!

— А кто же? Неужто вы?

— Нет, и не я. Наша область издавна славится тем, что в некоторых ее районах компас дает неверные показания. Впервые слышите? Сочувствую, но эту особенность открыли почти два века назад, когда уточняли географическую широту и долготу ряда российских городов. Работая с компасом, один ученый подметил, что в наших местах намагниченное острие стрелки указывает на север не всюду. Иногда оно отклоняется к югу, к западу или к востоку, будто поблизости находятся невидимые глазу, но сильные магниты. У меня интересная книжка об этих магнитах-невидимках есть, не хотите ли познакомиться?

Раскрыл я книжку и не смог оторваться от нее, пока не прочитал до конца. Поверите ли, наблюдение ученого было надолго забыто! Разыскивать таинственные магниты начали только после Октябрьской революции. Ими оказались скрытые глубоко в недрах огромные железорудные горы. Кое-где до вершин этих гор уже докопались и берут оттуда руду.

Под вечер я вышел на шоссе, сел в попутный грузовичок и утром прибыл к месту раскопок.

Передо мной открылся широкий и длинный карьер. С высокого обрыва я увидел внизу множество машин. Экскаваторы захватывали ковшами землю и ссыпали ее в кузова самосвалов. Водяные пушки — гидромониторы били серебряной струей в пласты глинистых пород. Верещали отбойные молотки, тарахтели бульдозеры.

На дне карьера-котлована блестело озерко. Похожие на пароход земснаряды разрыхляли, смешивали с водой грунт; от них тянулись трубы, по которым эту смесь гнали далеко в степь. Так раскапывали вершину горы-невидимки.

Все это было до того интересно, что я забыл о своем компасе. Да и не было нужды наблюдать за его показаниями — железо отыскали без моей помощи! Вспомнил о компасе из простого научного любопытства: что-то показывает стрелка? С одной

стороны ее должен притягивать северный магнитный полюс, с другой — подземная магнитная гора. Наверное, стрелка, как волчок, безостановочно вертится?..

Для точности опыта определил по солнцу страны света. Потом кладу компас на ладонь и смотрю на круг с градусными делениями.

Вот так неожиданность! К югу от меня — гигантский магнитище, а стрелка почти прямо на север показывает! Неужели геологи ошиблись, не там начали раскопку горы-невидимки? Подумайте, сколько машин впустую работает!

Побежал искать главного начальника раскопок. До главного не добрался, но с одним инженером откровенно поговорил. Стараясь не горячиться, вежливо высказал ему свои опасения.

— Опасения законные, товарищ Загадкин, я вас вполне понимаю. Но напрасные: как раз под нашими ногами залегает богатейшая железная руда!

— А компас? Богатейшая должна быть там, где стрелка сильней всего отклоняется…

— Вовсе не обязательно… Многие ученые полагали так же, как вы, но теперь убедились в своем заблуждении.

И инженер объяснил мне причину нормального поведения стрелки.

Нет, и после его объяснения я не разочаровался в компасе! По-прежнему постоянно на него поглядываю. И другим советую не забывать об этом нехитром географическом инструменте. Кто знает, возможно, и вы сделаете важное открытие…

В поезде по волнам

Осенью 1958 года я еще плавал юнгой на торговом корабле. В ту пору наше судно возвращалось из дальнего плавания к родным черноморским берегам, должно было стать на ремонт в Новороссийске, а у меня близилось время очередного отпуска. Долго советовался с товарищами, как лучше провести отпуск, но решить не мог: каждый совет был по-своему хорош. Наконец мой друг корабельный кок предложил:

— Знаешь, Захар, ведь я тоже в отпуск собираюсь. Давай поедем в Симферополь, там у моих стариков домик есть с фруктовым садом и виноградником. Чудесно отдохнем, на экскурсии ходить будем…

Согласился ехать с коком и не раскаялся. Сошли в Ялте с корабля, сели в автобус и вскоре были в Симферополе. Отлично провел отпуск. Яблоки и груши до отвала ел, от винограда тоже не отказывался. Несколько раз на экскурсии ходили, по вечерам музыку слушали либо неясные вопросы географии обсуждали.

В этих развлечениях незаметно отпуск пролетел, настала пора на судно возвращаться. Предлагаю коку ехать обратно в Ялту и пассажирским теплоходом к Новороссийску плыть.

Предложение разумное. Кто на карту взглянет, тот со мной согласится.

А кок уперся:

— Нет, поездом быстрее будет и интересней…

— Вот так быстрей! — возражаю. — По железной дороге нас вокруг всего Азовского моря повезут: через Мелитополь, Донбасс, Ростов, Краснодар. Эдак мы тысячи полторы километров отмахаем. Морем куда ближе и приятней.

Достал карту, показываю коку, а он заявляет:

— И все ты путаешь, Захар. Морем не ближе, а дальше будет, хотя поезд в самую Тмутаракань нас завезет. Конечно, ехать по воде приятней, в этом ты прав, но мы сядем на такой поезд, что ни в Донбасс, ни в Ростов с Краснодаром не заходит, а прямиком по морю плывет…

Зарапортовался кок, явную чушь порет. Поезда по морям не плавают: как говорится, каждому свое — железнодорожные вагоны для езды по волнам не приспособлены. Смешно, но кок даже вспылил:

— В географии ты еще новичок, юнга, а вечно в спор лезешь! Ладно, окажется не по-моему — весь год буду добавочными пончиками с вареньем кормить. А мне много не нужно: если ты ошибся, во всеуслышание заяви о своем невежестве.

Дело, сами понимаете, не в пончиках с вареньем, на моей стороне две науки: географическая и мореходная. Кок либо подвох готовил, либо игрой слов забавлялся: иным путем, как через Донбасс, поезд из Крыма в Новороссийск не попадет. Поэтому я смело на спор пошел.

Под вечер отправились мы на вокзал, купили билеты, садимся в поезд. Едва тронулись, обращаюсь к проводнику;

— Скажите, пожалуйста, когда в Мелитополе будем?

Проводник головой качает:

Не пойдет поезд в Мелитополь, мы по морю поплывем.

И этот туда же! Ну и проводник! Протягиваю ему карту, он не берет:

— Я в географии не силен, только свой поездной маршрут помню…

Географии не знает, а пассажиров с толку сбивает! Но карта при мне, и я душевное спокойствие полностью сохраняю. Утро вечера мудренее, покажет, на чьей стороне истинное знание! Устроился на верхней полке и тут же заснул.

Еще не светало, когда разбудил меня кок:

— Вставай, Захар. Наверное, ты во сне пончики жуешь, а поезд в море выходит…

Протер глаза, выглядываю в окошко. С неба луна светит, озаряет неожиданную картину: у самого вагона волны лениво плещутся, маяк на мысу прощальный привет шлет — вспыхнет, погаснет, снова путеводный луч бросит.

«Нет, — думаю, юнгу Загадкина вокруг пальца не обведешь: это мы вдоль берега едем». Подбегаю к противоположному окошку, но и там волны плещутся, а на воде лунная дорожка лежит.

— Может быть, по-твоему, море по бокам поезда, а впереди и позади суша? За мной, юнга! — командует кок и тащит меня в тамбур, оттуда по служебной лесенке наверх приглашает.

Поднялись по лесенке. И что же? Никакого подвоха, никакой игры слов! В лунном свете все вагоны отчетливо видны. За кормой поезда — вода, перед носом — тоже. Неподалеку рыбацкие суда невод ставят, поодаль теплоход идет, темный дымок за собой стелет. А мы по морю в поезде плывем, на слабой волне слегка покачиваемся.

Долго рассказывать не о чем. Пришвартовался поезд к берегу, прибыл в то самое Тмутараканское царство, о котором в сказках говорится. А спустя некоторое время оказались мы и на Новороссийском вокзале.

Грустно, но должен был признать свое невежество в важном географическом вопросе.

«Внимание, идет Боря!»

С кем не случались в юности досадные недоразумения? Бывали они и со мной — я их не стыжусь. Конечно, невелика радость, что корабельный кок взял верх в споре о Новороссийске и поезд действительно приплыл по морю из Крыма на Кавказ, — тут возразить нечего. Зато я убедился, что географические новости надо немедленно отмечать в походном атласе, если не желаешь, чтобы тебя застигли врасплох хитрой научной подковыркой.

Хуже другое. Настолько хуже, что хотелось выдрать из путевого дневника запись, которую вы сейчас читаете: корабельный кок вторично подвел меня с Новороссийском. Однако пережитое из жизни не выкинешь; как все нормальные люди, я предпочитаю учиться на чужих ошибках, но что поделаешь, пусть кое-кто учится и на ошибках Захара Загадкина.

В Новороссийске прямо с вокзала мы поспешили на свое судно. Ремонт уже был закончен, и оно стояло под погрузкой: портовые краны подавали в трюмы мешки с цементом — в городе и его окрестностях работают большие цементные заводы. Погрузка длилась еще двое суток, на третьи сутки часть команды отпустили в город. После обеда сошли на берег и мы с корабельным коком.

Был не по-ноябрьски погожий денек. На севере нашей страны уже легли снега, в ее центральных районах падали холодные предзимние дожди, а тут, за стеной безлесных гор, с трех сторон обступивших Новороссийск и его бухту, солнце грело так, словно забыло о чередовании времен года.

Мы повидали главные городские достопримечательности, потом сели отдохнуть на бульваре. Детишки наперегонки бегали между скамейками, народ повзрослей читал газеты или просто нежился на солнышке. По радио передавали музыку, мужской голос пел мою любимую песню «Вечер на рейде».

Вдруг песня оборвалась, музыка смолкла. В наступившей тишине раздались слова диктора:

«Внимание, идет Боря!»

— Кто идет? — спросил я, недоуменно посмотрев на кока.

— Разве не слышал? — удивился кок.

— Слышал, что Боря, и ничего не понимаю: кто он такой, что

о нем по радио объявляют?

Кок улыбнулся и ответил:

— В каждом городе свои обычаи. Этот Боря, как ты говоришь, — местная знаменитость. Когда и ты станешь знаменитым, пожалуй, тоже будут объявлять по радио: «Внимание, идет Захар!»

— Ну, таким знаменитым я не стану… А хотелось бы прославиться, к примеру, как здешний Боря…

— Вот уж напрасно: он — разбойник!

— Как — разбойник?

— Очень просто, обыкновенный старый разбойник. Живет в горах, прячется где-то у перевала, но часто нападает на горожан, безобразничает на улицах и в бухте.

— Отчего ж его не уймут?

— Не дается! Поймать его не так-то легко, но за ним давно следят и, едва он начнет спускаться по ущельям, предупреждают население, чтобы было начеку.

Я взглянул в сторону гор. Через голую вершину переползала молочно-белая клочковатая пелена, похожая на облако.

— Это его борода, — сказал кок. — Значит, и впрямь сюда собрался. С ним шутки плохи, давай уберемся от греха подальше. Слышишь, корабли гудят, команду сзывают — сейчас они в море выйдут. Вот и наше судно подало голос. Признал родной гудок?

Бульвар опустел. Мамаши и бабушки подхватили детишек — и кто куда! Исчез и прочий народ.

Мы заторопились к порту. Другие моряки тоже шагали к своим кораблям.

Только успели подняться по трапу, как наше судно пошло к косе, отделяющей Новороссийскую бухту от открытого моря. Там, за косой, мы остановились.

Наблюдаю за бухтой: вода вскипает, бурлит, будто на дне множество источников забило. К берегу волна за волной мчатся, рассыпаясь о набережные серой водяной пылью.

Весь день, всю ночь и еще день и ночь простояли за косой. Наконец волнение в бухте улеглось и мы вернулись в порт. Ну и беспорядок был в Новороссийске! Где газетные киоски опрокинуты, где крыша с домов содрана, где телеграфные столбы повалены и провода на тротуары свисают…

Теперь-то я хорошо знаю, кто такой новороссийский Боря! Самому смешно, что я ухитрился так глупо ослышаться! Конечно, я мог бы приукрасить запись в путевом дневнике, приврать, что мне, мол, все было ясно с первых слов кока, но решил оставить ее в неприкосновенном виде: пусть на моих ошибках учатся и другие.

По той же причине не исправил описку в заглавии записи: ведь она возникла не случайно. До этого происшествия в Новороссийске мое знакомство с географией было немного односторонним: моря, реки, города, горы я знал наперечет, а тут понял, что надо знать и все остальное.

Я даже придумал план, как поймать и заставить трудиться новороссийского разбойника: он хотя старый, а может работать на цементных заводах, печь хлеб, печатать газеты, делать многое иное, конечно, если держать его в узде. А вам известно, кто он такой и как заставить его трудиться? Если неизвестно, я буду доволен: значит, моя ошибка пойдет вам на пользу.

Кто украл пляж?

Было это в Сочи, куда я приехал погостить с недельку у товарища по мореходному училищу. Пришел к товарищу прямо с поезда, но уже под вечер. Как ни хотелось пойти на пляж, окунуться и нырнуть навстречу прибойной волне, а купание пришлось отложить: близилась ночь.

Здороваться с морем я побежал рано утром. Бросился в воду, искупался, потом лег на пляже спиной к солнцу и стал перебирать пальцами гальку. Очень забавные камешки попадались, иной раз не верилось, что море могло так аккуратно их обточить. Десяток кругляшей покрасивей я припрятал в карман куртки, чтобы подарить маленькой племяннице.

И вдруг слышу такой разговор:

— Около моей гостиницы ночью половину пляжа украли! И так он был невелик, теперь вовсе негде повернуться. Пришлось сюда идти.

— А кто украл?

— Кто их знает… Приехали на грузовиках и увезли.

Посмотрел на разговаривающих: двое парней в плавках.

— В милицию сообщили? — спрашиваю у того, кто сказал о краже.

— Нашли дурня! Заявишь в милицию, пригласят в свидетели, хлопот не оберешься… Мое дело сторона.

Второй парень поддакивает:

— Пляжи по всему побережью воруют. Подумаешь, большое событие — еще один пляж украли…

— По-вашему, маленькое? Люди невесть откуда едут в Сочи лечиться и отдыхать! Где им загорать после купания, если все пляжи растащат? Не приезжать же к морю со своей галькой — в некоторых местах ее просто нет! Давайте, пока следы свежие, заявим о краже в милицию…

Наверное, мои слова не понравились незнакомцам. Ничего не ответив, парни пошли к воде, сели на морской велосипед, заработали ногами и укатили в море. Ну, разве можно так несознательно относиться к народному добру? Допустим, ночью у этих парней штаны стащат, ведь они раскричатся на весь город! А тут молчком взобрались на велосипед и скрылись.

Выпил я три стакана газировки, чтобы немного успокоиться, и бегом в ближайшее отделение милиции.

Являюсь к дежурному, рассказываю об украденном пляже. К моему удивлению, дежурный развел руками:

— При чем тут милиция?.. Когда у вас деньги или документы украдут, милости прошу — приходите, непременно поможем. А за сохранность пляжей милиция не отвечает…

Я не согласился с дежурным и начал шумно требовать, чтобы меня пропустили к следователю.

В кабинете следователя произошел откровенный разговор.

— Зря шумите, молодой человек, — сказал следователь и пристально посмотрел на меня. — Те, кто крадет пляжи, нам отлично известны. Что это у вас в кармане бренчит?

Я покраснел и выложил на стол кругляши, собранные для племянницы.

— Виноват, товарищ следователь. Только что сообразил, что, если каждый приезжий прихватит на память по десятку галек…

— Что вы, что вы! — засмеялся следователь. — Вы меня не так поняли. Забирайте свои камешки обратно: отдыхающие всех камней не увезут! Пляж около гостиницы украли… строители. Работы на побережье у них много, а галька — превосходный строительный материал. Вот и приезжают на грузовиках, растаскивают пляжи. Не беспокойтесь, с этими сухопутными похитителями мы справимся: заставим брать гальку там, где она никому не нужна. Куда опасней воры, которые с моря приходят. Чуть не доглядишь, утащат пляж и давай под коренной берег подкапываться — на берегу оползни начинаются. На редкость зловредные воры, занимаются хищением пляжей даже средь бела дня…

— А их ловят?

— Конечно! И заставляют работать, возвращать украденное.

— Неужели возвращают?

— Как миленькие! Повадка морских воров хорошо известна, и для них вдоль побережья хитрые ловушки приготовлены. Пойдете купаться, обратите внимание на бетонные гребешки в воде. Этими гребешками и ловят воров. Впрочем, зачем я рассказываю? Вы из мореходного училища, можете и самостоятельно разобраться. Ну-ка, расследуйте дела морских воров. О результатах доложите…

Всю неделю, пока жил в Сочи, вел порученное мне следствие. И ведь отыскал воров! Накануне отъезда заглянул к следователю и доложил обо всем, что удалось выяснить

— Молодец, — услышал в ответ, — знания у вас есть…

А окажись вы на моем месте? Услыхав о краже, любой из вас поспешил бы в милицию — в этом сомнения нет. Но сумели бы расследовать эти кражи, нашли бы морских воров?

Пропавший холм

Похитителей пляжей я отыскал и был очень доволен похвалой следователя. А внезапное исчезновение холма осталось для меня загадкой: слишком поздно узнал об этом удивительном происшествии.

Как вы помните, в Сочи я приехал под вечер. Пока смывал с себя дорожную пыль, пока ужинал с товарищем, наступила темнота. Спать было рановато, и мы решили прогуляться перед сном.

Товарищ жил на окраине города, неподалеку от Сочинской станции субтропических культур.

Название у этой станции замысловатое, но занята она простым делом: приучает чужеземные теплолюбивые растения к нашему климату, выводит морозостойкие сорта таких растений.

Выйдя из дому, мы долго поднимались по косогору. Хотелось найти точку, откуда было бы видно как можно дальше, а нам упорно мешал какой-то невзрачный холм. В сердцах я даже ругнул холм, но товарищ меня остановил:

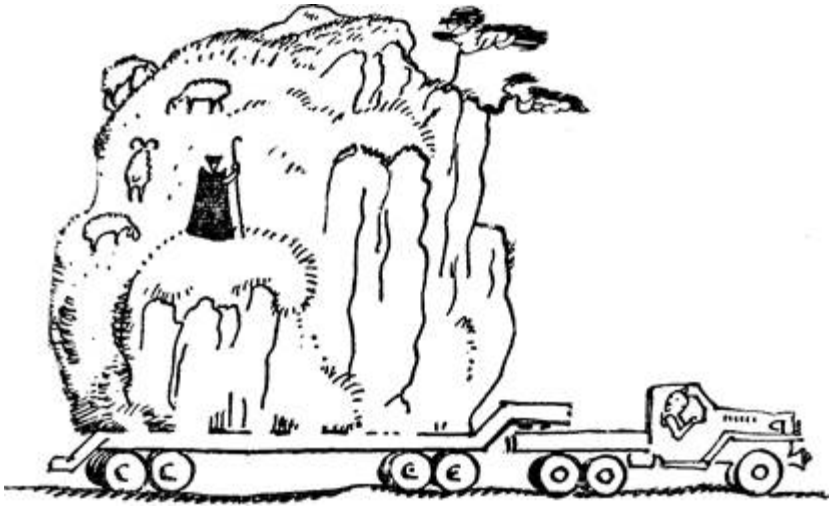
— Захар, не бранись. На этом холме прошли мои детские годы, тут мы играли в партизан, тут была у нас неприступная крепость с красным флагом. Днем и теперь заметишь ее развалины…

Поняв, что холм дорог товарищу по воспоминаниям детства, я умолк.

Мы поднялись выше и облегченно вздохнули: невзрачный холм оказался под нами.

Взошла луна, и сразу открылся очень красивый вид. Справа уступами вздымались к небу округлые горы. Слева синело море. По нему стлалась лунная дорожка, а ровно по середине дорожки неизвестный моряк вел моторную лодку. В горе напротив нас слабо засветилась арка туннеля. Яркость света нарастала, и вскоре из-под арки вырвался ослепительный глаз электровоза. Тут же вдоль подошвы горы заскользила огненная гусеница — поезд дальнего следования.

Внизу выступали из полумрака ряды деревьев.



— Это сады субтропической станции, — пояснил товарищ. — Там растет самое замечательное дерево на земном шаре. Хочешь посмотреть?

— А темнота не помеха?

— Нет, во-первых, светит луна, во-вторых, у меня есть электрический фонарик.

Начали спускаться, и красивый вид тотчас исчез. Перед нами опять замаячил холм, который так мешал при подъеме по косогору.

Самое замечательное дерево на земном шаре показалось мне не особенно интересным. Но я без труда сообразил, что внешность дерева обманчива — неспроста же его окружили густой проволочной сеткой.

— Конечно, в ботанике ты мало смыслишь, — сказал товарищ, поэтому верь на слово: второго такого дерева нигде нет. Кто бы ни приехал в Сочи, непременно идет его смотреть. Вот и обнесли проволокой, чтобы любопытные не поломали ветвей…

Товарищ зажег фонарик, осветил листву. Я увидел на ветвях множество белых ярлычков. Что было на них написано, разобрать не смог. Товарищ объяснил, что на ярлычках — фамилии людей из разных стран.

Я подумал, что неплохо бы и мне расписаться на ярлычке, однако просунуть руку сквозь проволочную сетку не удалось, а работники станции уже спали — будить их я постеснялся. Постояв у необыкновенного дерева, пошли спать и мы.

На следующее утро, как вы знаете, я услышал о похищении пляжа и всю неделю, пока жил в Сочи, был занят поиском морских воров. В самый канун отъезда решил еще раз полюбоваться ночным видом с горы.

Опять поднялись с товарищем туда, где были неделю назад.

Опять взошла луна, и все оказалось на прежнем месте. И округлые горы, и синее море с золотой лунной дорожкой, и моторная лодка, скользящая по середине дорожки. Так же осветилась арка туннеля, так же побежала вдоль подошвы горы огненная гусеница дальнего поезда.

Но Захара Загадкина не проведешь! Память у меня крепкая, и я почувствовал, что чего-то недостает…

Посмотрел под ноги и ахнул: холма нет! Того самого, который широте кругозора мешал. Там, где он торчал, — гладкое поле, так аккуратно распаханное, будто его гребнем причесали!

Сперва я глазам не поверил.

— Стукни меня побольней, — прошу товарища. — Вижу сон и не могу проснуться. Здесь же был холм! Помнишь, ребятишками вы играли в партизан на этом холме?..

— Помню. А что с того? Раньше был, теперь его нет. У нас частенько холмы пропадают. Возле моего дома три холма было, и от всех трех следа не осталось. Кабы знал, что ты холмами интересуешься, повел бы на поля, где они прежде высились…

Скажи какая история! Впрочем, если в Сочи похищают пляжи, не позарился ли кто-нибудь и на холм? Взял да и отвез к себе во двор для защиты от ветра или для иной хозяйственной надобности. Но кто бы мог это сделать? И еще неясность: какой чудак придумал разбить поле на месте природного холма? Почвы-то под холмом нет, а без почвы ничего не вырастет! Неужели невдомек здешним агрономам?..

Жаль, не удалось выяснить, почему в окрестностях Сочи начали пропадать природные холмы; до отхода поезда мало времени оставалось. Если кто-нибудь сумеет расследовать эти таинственные пропажи, пусть непременно мне сообщит.

Письма Неизвестного

Года два назад я получил письмо от одного паренька. Он сообщал, что учится в третьем классе, будет знаменитым путешественником-географом и ждет не дождется дня, когда отправится в дальние странствия.

Начало письма мне понравилось. Я хотел пожелать пареньку успеха, но прочел письмо до конца и передумал.

«Я родился и живу близ берегов Пичори», — извещал третьеклассник, и это известие меня глубоко огорчило. Вот так будущий географ, не знает, как пишется название его родной реки! Взяв карандаш, я исправил «Пичори» на «Печоры» и снова принялся за чтение. Но споткнулся на следующей фразе: «Наше селение окружено фруктовыми садами, весной они красиво цветут».

У берегов Печоры фруктовые сады! Печора — река северная, впадает в холодное Печорское море. Она богата рыбой, в ее бассейне добывают каменный уголь и нефть, разведан природный газ. Но фруктовых садов на берегах Печоры нет: климат неподходящий. Я понял, что никакой географ не вырастет из школьника, неспособного правдиво описать то, что он видит…

Надо было откровенно сказать об этом незадачливому третьекласснику, но мальчик не указал своего адреса и подписался: «Неизвестный».

Забыл бы о письме, но время от времени Неизвестный напоминал о себе новыми весточками. И в каждой из них я находил что-либо географически сомнительное или вовсе неправдоподобное.

Из второго письма я узнал, что неподалеку от селения Неизвестного большая река катит свои воды словно по насыпи — метра на два выше местности, по которой она течет. А речек помельче на его родине будто бы столько, что до сих пор точно не установлено, где их истоки, а где устья.

В третьем письме был рассказ о рощах, даже в солнечный день не дающих тени. Деревья в «бестеневых» рощах поднимаются так быстро, что за два года обгоняют в росте взрослого человека, а за пятнадцать лет вымахивают на высоту десятиэтажного дома!

Впрочем, Неизвестный предупреждал, что сравнение с таким домом — приблизительное, потому что высоких зданий в его селении не строят: почва ненадежна. Местами достаточно топнуть ногой, и земля издает тоскливые глухие звуки.

В четвертом письме была жалоба на дожди, льющие… 180 дней в году! «Ты знаешь, Захар, что такое обычный дождь? — спрашивал Неизвестный и отвечал на свой вопрос где-то прочитанными словами Владимира Маяковского: — „Дождь — это воздух с прослойкой воды“. А такие дожди, как у нас, Маяковский называл „сплошной водой с прослойкой воздуха“!»

В пятом письма Неизвестный сообщал, что его земляки собираются сменить воду в большом озере, превратить озеро из соленого в пресное и разводить в нем пресноводных рыб! И так в каждом письме.

Я читал о наводнениях, нарочно устраиваемых инженерами, несмотря на то что эти наводнения затопляют немалые пространства, о «живых насосах», которые выкачивают из земли миллиарды литров воды, и о разном другом в том же роде. А проверить сообщения Неизвестного не мог, по-прежнему не зная, где он живет: Печора — огромная река, попробуй отыщи на ее берегах Неизвестного.

И вдруг пришла открытка с долгожданным адресом. А в ней — приглашение в гости.

Приехав в селение Неизвестного, я разыскал парнишку, — ко дню нашей встречи он перешел в пятый класс.

— Ты Неизвестный?

Он сразу сообразил, кто стоит перед ним, и сказал:

— Здравствуй, Загадкин!

— Здравствуй, Неизвестный! И тебе не стыдно: хочешь быть знаменитым географом, а сочиняешь сказки…

— Сказки?.. — обиделся парнишка. — Сочинять сказки я не умею, писал о том, что сам видел…

Я не жалею, что навестил Неизвестного. Убедился, что есть реки, чье русло лежит выше местности, по которой они текут, гулял в «бестеневых» рощах, попал под дождину из сплошной воды с прослойкой воздуха, слушал тоскливые голоса земли.

Все было так, как сообщал Неизвестный, даже «живые насосы» и наводнения, нарочно устраиваемые инженерами. Верно назвал он и свою родную реку.

Вот и вся история о письмах Неизвестного. Я извлек из нее хороший урок: если вовремя не спохватишься и не исправишь собственную оплошность, она обязательно втянет тебя в новые ошибки!

Диковинный мост

Прежде чем рассказывать о диковинном мосте, задам словно бы простой вопрос: все ли знают, что такое обыкновенный мост?

По собственному опыту убежден, что не все. И потому объясню: мостом называется сооружение, которое соединяет два пункта на земной поверхности, разделенные водным препятствием — рекой, каналом, морским заливом. А если препятствие не водное, если мост перекинут над шоссе, железнодорожными путями, суходолом — большой балкой с широким плоским днищем? Тогда это будет уже не мост, а виадук (от латинских слов «виа» — путь, «дуко» — веду), или по-русски — путепровод.

Мне довелось видеть немало мостов: деревянных, каменных, железобетонных, стальных. Попадались и природные мосты: обломки скал или стволы деревьев, упавшие над горным ручьем так удачно, что соединили оба его берега.

Но самый диковинный мост я встретил в Грузии.

Я шагал по асфальтовому шоссе, ведущему к городу Боржоми, когда за очередным поворотом увидел мост, сложенный из камня и бетона. Шоссе уходило под его арку, и я сразу сообразил, что передо мной не мост, а виадук.

Издали виадук казался красивым, но, подойдя ближе, я заметил, что одна сторона его была намного ниже другой. Что такое? Неужели строители ошиблись в расчете, а никто не указал им на допущенную ошибку? Заметил и вторую странность: справа и слева от виадука не было ни железной дороги, ни шоссе. Может быть, их еще не успели проложить?..

Я взобрался на виадук, чтобы внимательно осмотреть местность, и у высокой стороны путепровода обнаружил спускающееся прямо к нему горное ущелье. А за виадуком беспорядочно валялись крупные и мелкие валуны, кучи гальки, вырванные с корнем деревья. Нигде и намека на будущую железную дорогу или шоссе!

Прошел по виадуку — заметил третью странность: его проезжая часть была сделана вроде широкого наклонного лотка. Ходить, тем более ездить по такому лотку неудобно…

Для чего же возвели виадук? Для украшения окрестностей

Боржоми? Едва ли, они и так красивы. Куда ни взглянешь — живописные ущелья, горные склоны, поросшие лесом… Не встретилось ли мне древнее сооружение? Чем больше я размышлял, тем сильнее терялся в догадках.

Спустившись на шоссе, я долго стоял перед странным путепроводом.

Из раздумья меня вывел паренек, ехавший вдоль обочины верхом на ослике.

— Чему дивишься? — спросил паренек, притормозив прутом свое животное. — Никогда не видел такого моста? Я тебя понимаю. Кособокий мост не часто встретишь, его даже для кино снимали.

— Нашли что снимать! Недоразумение, а не мост… Разве им

можно пользоваться?

— Еще как можно! Посмотрел бы, когда смелости хватит…

— И посмотрю! Простою до вечера, но полюбуюсь чудаками, которые по этому мосту ходят…

— До вечера? А полгода постоять не хочешь?

— Полгода? Если движение такое редкое, зачем было строить мост? Да к нему и дорог нет.

— Дороги не нужны тем,

Для кого он построен. Те и без дорог обходятся, — поучительно сказал паренек и добавил: — Но ты прав, движение по этому мосту бывает редко. И чем реже, тем лучше… Ну, прощай, мне некогда…

Паренек хлестнул прутом своего ослика и покатил дальше.

Рудник наоборот

Я гостил в столице, которая выросла на месте русской крепости, основанной в 1882 году. От тамошних ребят услышал, что неподалеку находится необычный горняцкий город, а при нем еще более необычный рудник.

Рудник — подземное сооружение, где добывают полезные ископаемые. Поэтому каждому понятно, что, направляясь в забои и штреки, горняки спускаются в недра и работают нередко на сотни метров ниже своих жилищ. В этом же городе, судя по рассказам ребят, горняки берут руду намного выше своих жилищ и в недра не спускаются, а, наоборот, поднимаются!

Поначалу я подумал: Захар, тебя обманывают, будь настороже! Но случайно встретил инженера-диспетчера с того рудника, и он подтвердил то, что рассказывали ребята.

— В нашем руднике есть телефоны, — добавил инженер, — и, бывает, позвонив в штрек, я спрашиваю: как дела у вас наверху?..

Такую диковину да не осмотреть?.. И я долго упрашивал инженера показать мне рудник, пока он не согласился и не разрешил приехать к нему через несколько дней.

Так я и сделал. Купил билет на автобус, и вскоре машина помчалась по одному шоссе, затем свернула на второе, шедшее вдоль речной долины.

Стоял конец марта, в долине уже командовала весна: раскрыла почки на деревьях, распускала цветы в садах. Но шоссе, петляя, все круче взбиралось в горы, и торжество весны быстро кончилось. Стало заметно холодней, деревья еще спали зимним сном, лежал снег. С одной стороны в глубокой теснине бурлила река, с другой — нависали каменные глыбы с уходящими к небу вершинами.

«Если рудник высоко в горах, а город построили ниже рудника, — соображал я, — то неудивительно, что горняки работают выше своих жилищ. Но как им удается не спускаться, а подниматься в недра?»

Безуспешно пытаясь решить эту загадку, к ночи я приехал в город и рано утром отправился к руднику. Дорогу туда я разведал накануне и, едва предрассветная голубизна прояснила темень на улицах, поспешил к небольшому белому домику. Там уже собирались горняки.

Подали вагон, похожий на трамвай, но без колес; не было перед ним и рельсов. Впрочем, меня это не смутило: раз рудник необычный, то и трамвай может быть со странностями.

Когда пассажиры заняли все сорок кресел, вагон тронулся. За шесть минут он продвинулся всего на два километра, хотя шел без остановок, напрямик через пропасть и с ходу разрезая облака. Я хотел опустить толстое смотровое стекло, ухватить зазевавшееся облако, но остальные пассажиры запротестовали — испугались холода.

Вот и конечная станция. Изнемогая от нетерпения, выскочил из вагона: еще немного, и раскроется секрет подъема в недра. И этот секрет начал раскрываться, как только я вошел в здание рудоуправления.

Разыскал знакомого инженера, и по его просьбе мне выдали горняцкий комбинезон, шлем с лампочкой над козырьком, резиновые сапоги, поручили меня провожатому — молодому технику.

Пройдя вслед за техником на верхний этаж здания, я увидел электропоезд с низенькими вагончиками. Мы сели на свободную скамью. Раздался гудок, дневной свет тут же погас, — поезд въехал в туннель и, набирая скорость, понесся под его сводами.

Вылезли у главного рудничного ствола, вошли в заполненный горняками стальной лифт. Я нисколько не сомневался: он опустит нас в толщу недр. Но лифт устремился не вниз, а вверх! От неожиданности я громко свистнул.

— Что с тобой, парень? — спросил стоявший рядом горняк.

— Вверх? — показал я на уходившие вниз стенки ствола.

— А куда же? Внизу нам делать нечего…

А наверху, на высоте сотен метров, над местом, где мы вошли в лифт, началось путешествие по длинным коридорам-этажам, отходившим в стороны от главного ствола. Будь я один, наверняка заблудился бы среди штреков и штолен. Но техник наперечет помнил все ходы, переходы и выходы.

В руднике было светло от электрических ламп и шумно. Проносились груженные рудой вагонетки, вгрызались в породу машины, часто слышались взрывы.

В конце одного штрека я заметил… дневной свет!

— Не удивляйся, — пояснил мой спутник, — наш рудник разрабатывается не сверху вниз, а снизу вверх! Мы под его крышей…

Не без опаски я заглянул за край штрека. Под облаками можно было различить горняцкий город.

— На какой мы высоте? — поинтересовался я.

— До уровня моря километра три, до города — два…

Гора языков

Если встретимся, непременно покажу вам десять открыток с видами городов и селений одной автономной советской республики. Открытки любопытные, еще любопытней надписи на открытках. Приехал я в столицу этой республики, явился в гостиницу, а мне говорят:

— Отдельных комнат нет, не хотите ли в общежитие? Там живут десять человек, но люди спокойные — учителя. Из самых дальних горных селений на совещание съехались…

— Какие учителя? Случайно, не географы?

— Есть географы, но больше преподавателей родного языка…

Что ж, и это неплохо. Отнес в общежитие сундучок, поставил под койку и отправился знакомиться с городом.

Не спеша осмотрел главные улицы, заглянул в музей, а перед заходом солнца пошел к морю. Долго купался, показывая ребятишкам, как плавают настоящие моряки, потом наблюдал за кораблями в море. Тем временем стемнело. В горах над городом зажглись огоньки, береговой маяк начал водить прожектором по небу.

Возвращаюсь в гостиницу — все учителя в сборе.

Сперва они удивились, увидев незнакомца в тельняшке. Но я по-флотски доложил о себе, сказал, кто такой и куда еду. Сели пить чай, и тут я поделился с ними кое-какими географическими приключениями. Учителя не остались в долгу, рассказали много интересного о своих родных местах.

В благодарность за беседу достал из сундучка открытки с морскими видами и подарил каждому по открытке. А на обороте одинаковую надпись сделал, правда, длинную, зато душевную — пусть помнят о встрече с Захаром Загадкиным и своих учеников с морскими видами знакомят. Спору нет, их республика приморская, но многие школьники вдали от побережья живут, моря никогда не видели.

— Примите и вы подарок, — сказал мне один учитель, протягивая открытку с видом горного селения.

Он тоже что-то написал на обороте, но что именно, разобрать не могу. Буквы русские, а слова нерусские, некоторые с непривычки не выговоришь: после букв «а», «о» или «у» неожиданно буква «ь» стоит. Попробуй произнеси такое слово!

— Что вы написали? — спрашиваю учителя.

— Ваши же слова, только на моем родном языке.

Тут и остальные учителя стали одаривать меня открытками с видами их республики. Вручая подарок, каждый произносил:

— На обороте ваши слова повторены, товарищ Загадкин.

Смотрю на десять открыток — ничего не понимаю! Мои слова повторены? Почему же что ни надпись, то иная? Некоторые похожи, но все же разнятся! Поднял руки кверху, прошу растолковать, в чем дело.

— Дело простое, — отвечают учителя. — Каждый из нас перевел надпись на свой родной язык.

— Неужели в вашей небольшой республике живут десять разных народов?

— Десять? Зайдите в соседнюю комнату, там тоже остановились учителя. Они ваши слова еще на десять языков переведут, причем каждый учитель на свой родной язык.

— На скольких же языках говорят в вашей республике?

— Точно не выяснено. Одни утверждают — на двадцати пяти, другие — на тридцати, третьи заявляют, что и тридцать два языка наберется!

— Что же никто не подсчитает?

— Давно подсчитывают, да это нелегкая работа. Судите сами, у нас есть такие маленькие народы, что полностью в одном селении умещаются. Бывает и так, что в одном селении живут две народности, и каждая на своем языке говорит! Встречаются языки, о которых, кроме специалистов, никто и не слыхал. Наша страна — клад для ученых-языковедов. Древние путешественники неспроста называли ее «горой языков»…

Рассказал историю десяти открыток и спохватился, что забыл назвать столичный город, где беседовал с учителями. А надо ли его называть? Наверное, все знают, а кто не знает, тот спросит товарища.

Самое, самое…

Кое-кто убежден, что Захар Загадкин всегда попадает впросак. Это неверно, и, чтобы рассеять обидное для меня, а главное, глубоко ошибочное мнение, расскажу о фотографе, с которым встретился в городе Махачкале.

Вы ничего не слышали о дагестанском селении Куруш? И я узнал о его существовании совершенно случайно. Многие великие путешественники любили в нашем возрасте мысленно странствовать по карте. Я тоже этим увлекаюсь. Зажмурю глаза, наугад ткну карандашом в карту, потом исследую, как удобнее к тому месту добраться. Так я натолкнулся и на Куруш. Увидел, что селение горное, однако дорог к нему не отыскал: на карте их не было.

Как же туда ездят? Не найдя ответа на этот вопрос, решил справиться на городской автобусной станции. Но разве скажешь работникам станции, что пришел ради обыкновенного географического любопытства? И я спросил кассиршу, можно ли купить билет в селение Куруш.

— Наши махачкалинские автобусы туда не ходят, — ответила кассирша. — Поезжайте поездом до Дербента, там пересядете на местный автобус и большую часть дороги проедете…

— А меньшую?

— Меньшую верхом. В Куруш только горная тропа ведет. Тропа крутая, опасная, но другой нет — селение высоко в горах. А кто у вас в Куруше, знакомые?

— Нет, просто хочу посмотреть, как люди живут.

— Что ж, счастливого пути, посмотрите, как люди живут. Не пожалеете, — добавила кассирша и почему-то хитро улыбнулась.

Загадочная улыбка мне не понравилась, интерес к Курушу остыл. Скакать на диком коне по краю бездонных пропастей? Нет, до таких путешествий я не охотник. На корабле ничего не боюсь: корабль — создание человеческого ума. А лошадь… Кто знает, как она поведет себя в ответственную минуту: вдруг оступится на крутой тропе и я вместе с ней сорвусь в пропасть?

Вернувшись в гостиницу, где я остановился, застал в своей комнате с двумя кроватями какого-то щуплого мужчину, который раскладывал по столу фотоснимки. На подоконнике лежали два фотоаппарата. Догадавшись, что передо мной человек, с которым

мы будем жить в комнате, я познакомился с ним и попросил показать фотоснимки.

— Пожалуйста, — ответил фотограф. — Такие снимки редко увидите: я — специалист по самому, самому… Не совсем понятно? Сейчас поймете. К примеру, вот — Оймякон; этот снимок называется «Как живут люди в самом холодном месте нашей страны». А вот — Термез; подпись под фотографией: «Как живут люди в самом жарком месте нашей страны». Вот самое восточное место — остров Ратманова, самое южное — аул Чильдухтер, самое северное — остров Рудольфа. Могу показать самое западное, самое низкое, самое дождливое, самое сухое… А это мой последний снимок — самое высокогорное селение Дагестана да и всей Европы, если согласиться с теми учеными, которые считают, что южная географическая граница между Европой и Азией проходит по Главному Кавказскому хребту.

— Что же это за селение?

— Куруш.

— Как, вы были в Куруше?

— Только что оттуда. Ну и путешествие! По здешним горным дорогам в машине едешь, и то дух захватывает — петляешь над пропастями, один поворот опаснее другого. А в Куруш и такой дороги нет — вьючная тропа до того узка, что двоим не разминуться. Под ногами — облака, над головой — каменные кручи, а твой конь жмется к скале где-то между небом и землей! Много страху натерпелся, но очень хотелось пополнить свою коллекцию снимков.

Позавидовал этому человеку — с виду щуплый, а какая могучая сила воли!

— На узкую тропу я не в обиде, — продолжал фотограф. —

Досадно, что попал впросак с этой поездкой: людей не заснял. Не оказалось населения в Куруше!

— Не может быть! В каждом селении есть население…

— А в Куруше нет!

— Неужели землетрясение было? И все погибли?

— Понятия не имею. Не у кого было спросить: на улочках ни души. Сакли полуразрушены, между ними облака висят. В селении — сакля над саклей лепится, а жителей нет. Снимок неплохой, да что проку? Его не назовешь «Как живут люди в самом высокогорном селении»!

Тут я сообразил, почему кассирша хитро улыбалась. Ведь я сказал, что хочу посмотреть, как в Куруше люди живут. Она думала, что я туда поеду и попаду впросак! А я не поехал, впросак попался фотограф!

Сами понимаете, я не мог успокоиться, пока не разгадал тайну Куруша. Что же выяснилось? Самое высокогорное селение находится в одном месте, его жители — в другом! И не так чтобы близко от селения — в четырехстах километрах!

Махачкалинский «водяной»

В жаркий солнечный день я лежал на городском пляже в Махачкале и наблюдал за морем. Каспий усердно гнал ко мне прибойные волны. Ударяясь о камни близ берега, каждая волна разбивалась на тысячи брызг. Солнечные лучи преломлялись в брызгах, и над камнями вспыхивала бледная радуга. Затем волна перекатывалась через камни, радуга гасла в кипящей белой пене, но другая волна вновь озаряла их прозрачным сиянием. Это было удивительно красиво.

— Любуешься? — раздался мальчишеский голос.

Я обернулся и увидел паренька моих лет.

— Конечно, любуюсь…

— И правильно делаешь! Хотя, откровенно говоря, в игре волн нет ничего особенного — прибой везде одинаков. Если хочешь повидать особенное, не поленись и проводи меня домой. Покажу, чем Махачкала славится.

Я согласился, и мы зашагали по улицам города.

Перевалило уже за полдень. Солнце пекло вовсю, вдобавок задул знаменитый махачкалинский ветер. Город хороший, но ветер в нем неприятный — сухой и пыльный: насыпал столько мелкого мусора за шиворот, что опять захотелось купаться. Паренек словно угадал мои мысли и, когда мы проходили мимо павильона-душа, предложил:

— Зайдем?

Зашли. Разделись и прыгаем в струях горячей воды.

— Ты и есть Загадкин? — сказал паренек. — Я о тебе слышал… А отгадывать тоже умеешь? Осилишь мою загадку?

— Попробую.

— Нравится тебе этот душ?

— Душ как душ, самый обыкновенный…

— Ну, если обыкновенный, идем дальше.

Вышли из душевого павильона, пересекли площадь. У невысокого здания остановились купить мороженое.

— Это наша баня, — показывает паренек на матовые стекла в окнах. — Жаль, в душе были, не успели вторично запылиться… А то зайдем? И здесь вода горячая.

— Нашел чем хвастать — горячей водой! Не вижу в ней ничего особенного.

— Если не видишь, пойдем еще дальше. Ты не унывай, теперь близко: за углом моя квартира.

А на углу — девушка с ведром у водоразборной колонки. Над ведром пар клубится.

— Это у вас ловко придумано, — говорю пареньку. — Из уличной колонки кипяток течет!

— Не совсем кипяток, но придумано неплохо…

Добрались к дому паренька. В сенях — корыто с бельем, рядом — женщина в платочке. Отвернула она водопроводный кран, оттуда горячая вода полилась, из корыта пар повалил.

— Хороша вода, тетя Клаша?

— Хороша.

— То-то, — обращается ко мне паренек. — Наша горячая вода даже в дома проведена…

— Что ты о воде да о воде? Где же обещанная загадка?

— Я ее давно загадываю, а тебе и невдомек…

— Это о горячей воде? Да что ж в ней особенного?

— Особенное и есть загадка… Ты какой-то несообразительный, Захар! Под душем прыгал? Мимо бани проходил? Уличную колонку видел? На тетю Клашу смотришь? Но ведь воду-то никто не подогревал! Честное слово, не вру! Нука, открой этот секрет! А не откроешь, скажи: «Твоя загадка мне не по догадке!» Тогда я сам все объясню. Тебе здорово повезло, Захар, что ты со мной встретился. Знаешь, кто я? Я — махачкалинский «водяной»: прозван так в школе за мой интерес к нашей особенной горячей воде… Кончу учиться, непременно пойду работать по водяной части. У нашего кипятка — большое будущее.

Спорный архипелаг

Я приехал в большой портовый город. Город существует давно, путешественники посещают его с незапамятной поры, хорошо изучено и море, на берегу которого он лежит. И все же неподалеку от этого древнего города мне удалось открыть в прибрежных водах архипелаг больших и малых островов.

Впервые заметив архипелаг, я чутьем географа заподозрил неладное. Достал походный атлас и ахнул: там был указан всего один островок; на месте остальных было чистое море нежнейшей голубизны! От неожиданности у меня перехватило дыхание: архипелаг, которого нет на карте!

Вы спросите, почему по праву первооткрывателя я не назвал найденные мною острова архипелагом Захара Загадкина?

Сознаюсь, не из ложной скромности. Наоборот, я мечтал, что находка навсегда прославит меня в учебниках географии. Но в научных вопросах нужна осторожность; я задумался над своим открытием, и оно показалось мне… спорным.

Конечно, если б я отыскал архипелаг во времена парусных плаваний по неведомым морям, к примеру в XV или XVI веках, когда великие географические открытия делались одно за другим, на всех картах земного шара стояло бы имя Захара Загадкина. Но я увидел новый архипелаг в наши дни, да еще с моторной лодки, которую взял напрокат в городском порту.

Что смутило меня в собственном открытии? Никто не станет отрицать, что встреченные мной острова — суша. Несомненно и то, что это — архипелаг, то есть группа островов-соседей. Расскажу о нем подробней, и вы поймете, почему я задумался.

Я пришвартовал моторную лодку к островку покрупней и тщательно его осмотрел. На нем были двухэтажные жилые дома, промышленные постройки, склады. Между зданиями росли цветы и кое-какие деревья, на недлинных улицах и нешироких площадях чирикали воробьи, похаживали голуби. Странно, что на островке не оказалось детей, — я не заметил ни одного мальчишки или девчонки. Не было там и стариков-пенсионеров.

Потолковав с островитянами, я узнал, что архипелаг продолжает расти. С каждым годом он вытягивается дальше в море — над водой встают новые острова, а некоторые старые острова увеличиваются в размере.

Один островитянин согласился присмотреть за моей моторной лодкой, и я пошел по узкой дороге, проложенной между островами. Но всю дорогу пройти пешком не мог — она тянулась на десятки километров, исчезая в морской дали. К счастью, попадались попутные машины, и шоферы охотно подвозили меня.

Дорога вилась от острова к острову, делая зигзаги и повороты. Она шла на высоте нескольких метров над уровнем моря, и в бурю прогулка по такому шоссе была бы не особенно приятной. Шоферы рассказывали, что в непогоду разъяренные штормовые волны иногда перехлестывают через дорогу, грозя смыть в море неосторожных пешеходов.

В конце пути я видел, как с барж выгружали песок, гравий, щебенку, камень, — там готовились строить многоэтажные дома с площадками для вертолетов на плоских крышах.

Я пробыл на островах до вечера и выяснил, что открыл самый молодой из всех архипелагов Земли. Не прошло и пятнадцати лет с тех пор, когда первые его острова стали появляться над пеной морских вод. И не только самый молодой, но самый

необыкновенный. Его острова и островки не были рождены ни извержениями подводных вулканов, ни поднятием морского дна. Никогда не были они и частью материка. По своему происхождению они отдаленно напоминали коралловые острова, но архипелаг находился в море, слишком холодном для жизни коралловых полипов. Не был он и скоплением ледяных гор — для айсбергов в этом море слишком тепло, да и материковые льды нигде не сползают к его берегам.

Что же спорного в моем открытии? С точки зрения физической географии у всех островов, за исключением одного, оказался серьезнейший недостаток: они располагались не среди морских вод, а над ними! Как ни маловероятно, — над ними! Под островами свободно проплывали рыбы и прочая морская живность…

Я неспроста рассказал о своем открытии. Ум — хорошо, два — лучше, тысячи умов — совсем замечательно! Мне нужен товарищеский совет: настаивать ли на своем открытии или признать спорным не нанесенный на карту архипелаг? Как посоветует большинство, так я и поступлю.

По пути знаменитых ученых

Знаменитые русские ученые и путешественники В. А. Обручев и В. Л. Комаров рассказывают в своих воспоминаниях, что начинали знакомство со Средней Азией на восточном берегу Каспийского моря.

Я хорошо знаю, почему именно там. В конце прошлого века, когда оба ученых отправлялись в Среднюю Азию, еще не было железных дорог, которые ныне соединяют ее с Уралом и Сибирью. А от Каспия прокладывали железную дорогу в глубь Средней Азии, и по этой дороге уже шли поезда.

Ученые высаживались с пароходов в Узун-Аде — небольшой пристани и начальной станции новой железной дороги. Азия встречала приезжих высокими барханами, окружавшими заливчики, где была пристань. Среди барханов вилась железная дорога, которую то и дело приходилось откапывать из-под песка, засыпавшего полотно при малейшем ветре. Так рассказывают воспоминания.

Я был в Баку, собирался плыть на восточный берег Каспия и, по примеру обоих ученых, решил высадиться в Узун-Аде. Во-первых, кому не лестно повторить путь великих людей? Во-вторых, хотелось посмотреть, что произошло за три четверти века с Узун-Адой. Наверное, на месте небольшой пристани вырос огромный порт с причалами и складами, а железнодорожных подметал, убиравших песок с полотна, заменили мощные пескодувные машины.

Но то, что удалось ученым, оказалось невозможным для меня: в Бакинском порту отказались продать билет в Узун-Аду!

— Такой пристани нет, — ответила кассирша.

— Как — нет? — расхохотался я и, ссылаясь на знаменитых ученых, стал доказывать кассирше существование пристани Узун-Ада. Я говорил о заливчиках, о высоких барханах, обо всем прочем, что вычитал в книгах и мечтал увидеть.

— Отойдите от кассы, товарищ пассажир! — рассердилась кассирша, оборвав меня на полуслове. — Такую очередь собрали…

Я обернулся. Позади толпились люди. Они хмуро поглядывали на меня, ожидая, когда я отойду от кассы. Какой-то седобородый дед из самого конца очереди потрясал суковатой

палкой. Испытывать чужое терпение я не рискнул, от кассы немедленно отошел, но от Узун-Ады не отказался.

«Карта — великий подсказчик» — учит важнейшее правило путешествий. Примостившись у окна, я раскрыл карманный атлас и углубился в розыски Узун-Ады. Тщательно обследовал все восточное побережье Каспия — от Гурьева до Гасан-Кули у нашей границы с Ираном. Проверяя себя, на всякий случай пробежал глазами по северному и западному побережьям, даже по южному, — уже иранскому берегу Каспия. Узун-Ады нигде не было!

Что это могло значить? Морские пристани — не иголки, чтобы исчезать бесследно. Железнодорожные станции — тоже. Что будет с пассажирами, если они соберутся в незнакомый город, а его и след простыл?

Как бы там ни было, но я оказался в серьезном затруднении. Не переименована ли пристань, где высаживались мои предшественники — знаменитые ученые? Но тогда кассирша знала бы о переименовании и продала билет, хотя бы Узун-Ада называлась иначе.

Потом я подумал, что пристань могли затопить морские волны. Именно так они поступили с караван-сараем, по-нашему гостиницей, построенной в Баку семь столетий назад; развалины этого караван-сарая до сих пор виднеются из-под воды в Бакинской бухте. Но в то время уровень Каспия поднимался, и море, увеличиваясь в размерах, наступало на сушу. А за последние три четверти века уровень воды в Каспии снизился на два метра, и море отступило от суши…

Тут все словно бы прояснилось. Конечно, Каспий отступил от Узун-Ады, заливчики пересохли, и пароходы перестали туда заходить. Но тезка пристани, железнодорожная станция Узун-Ада, должна быть на старом месте, пусть далековато от моря, но по-прежнему среди высоких барханов. А раз так, до нее можно добраться хотя бы посуху. И я достал из сундучка «Расписание пассажирских поездов», купленное еще в Мурманске. Увы, в списке железнодорожных станций Узун-Ады тоже не было! И пристань и станция бесследно пропали…

Пришлось взять билет до Красноводска. Повторить путь знаменитых ученых мне не удалось.

Я был огорчен, но не сдался. «Захар Загадкин непременно раскроет тайну Узун-Ады», — так утешал я себя, поднимаясь по трапу на палубу теплохода. А на судне меня ждал седобородый дед, которого я приметил еще в очереди у кассы.

— Опоздали, молодой человек! — сказал он.

— Где ж опоздал, дедушка? До отплытия еще пять минут…

— Не на теплоход, а в Узун-Аду! Теперь туда не попадете: поздно хватились, молодой человек…

Где были плотники?

На корабле, который доставил меня в Красноводск, я познакомился с двумя плотниками-стариками. Почти весь переход просидел на палубе и не отрываясь слушал их неторопливые рассказы. Одного плотника звали Петром Ивановичем, второго — Иваном Петровичем. У обоих была забавная присказка. Петр Иванович что-нибудь скажет и тут же спросит: «Ясно-понятно?» А Иван Петрович кивнет головой и поддакнет: «Понятно-ясно».

Старички полвека работали на различных строительствах и о чем только не вспоминали: о горах и степях, о тайге и пустыне! Вот один из их рассказов, по-моему, интересный, хотя и загадочный.

— Давным-давно, лет тридцать пять назад, плотничал я где-то неподалеку на большом

острове, — начал Петр Иванович. — Ну и местечко попалось, труднее не встречал! С четырех сторон море, посредине — горячая пустыня. Куда ни пойдешь — голый песок, ни деревца, ни травинки. Настоящей воды и то не было, вместо нее опресненные морские волны пили. А у опресненной морской воды никакого вкуса нет: захотел побаловаться чайком, беги в лавку, бери две бутылки «Нарзана», лей в котелок и кипяти чай. Когда из-за моря приходили шаланды с речной водой, так за ней очередь выстраивалась… Ясно-понятно, Иван Петрович, как жилось на

пустынном острове?

— Понятно-ясно, Петр Иванович, — отвечает Иван Петрович. — А что ты делал на том острове?

— Десятка три домов выстроил. Ну работенка была, доложу тебе! На острове вечный сквозняк, да не простой, а песчаный. Положишь под рукой рубанок, чуток недоглядел, и нет рубанка — песком засыпало! Островные люди горный воск из руды добывали, так им совсем туго приходилось. Кругом пекло, с тебя семь потов льется, а по песку большие черные котлы расставлены, под ними огонь пылает, к небу густой дым валит. И полуголые закопченные люди чугунными ложками руду в котлах помешивают! Когда их увидел, подумал, что в преисподнюю попал, — с малолетства я в церковноприходской школе учился, и эту преисподнюю поп показывал нам на божественных картинках. Так и островные люди, словно черти в аду, горный воск варили, разве что рогов и хвостов у них не было… Ясно-понятно, Иван Петрович?

— Понятно-ясно, Петр Иванович. Куда только судьба не заносит нашего брата-плотника… Лет десять назад был и я в похожем месте. Тоже пекло, песчаный сквозняк из горячей пустыни. И тоже ни деревца, ни травинки. Но есть разница: адских котлов да безрогих и бесхвостых чертей не видал. Стоит трехэтажный дом-завод без стен и руду в горный воск превращает. А рабочих на заводе нет — кое-где техника заметишь, который за аппаратами присматривает. И еще разница: вода не с четырех сторон, а с трех — я был не на пустынном острове, а на пустынном полуострове. Кстати, как назывался твой остров, Петр Иванович?

— Не обессудь, Иван Петрович, забыл… Память слаба стала, ясно-понятно?

— Понятно-ясно, Петр Иванович.

— А полуостров, на котором ты тогда работал, как назывался, Иван Петрович?

— Да ведь мы с тобой ровесники, Петр Иванович. И у меня память ослабла: забыл, как мой полуостров назывался…

Вот и весь рассказ плотников. Вы скажете, что ж в нем загадочного, все ясно-понятно. Нет, не ясно и не понятно! Ведь оба старичка были в одном месте, занимались одним делом: строили дома для людей, которые добывают горный воск. И память плотникам не до конца изменила: Петр Иванович впрямь работал на острове, а Иван Петрович — на полуострове. Вот тебе и ясно-понятно!

О красной воде и городе с косой

Не найдя ни пристани, ни железнодорожной станции Узун-Ада, я был вынужден въехать в Среднюю Азию через ее «морские ворота» — портовый город Красноводск.

Красноводск — один из немногих городов, имеющих собственную косу. Эта коса так велика, что хорошо заметна на географических картах; там ее рисуют по соседству с черным кружком, обозначающим Красноводск. Город — приморский, и коса свободно лежит в море, омывается солеными волнами.

За последние три десятилетия Красноводск очень вырос. Вместе с ним росла и его коса; удлинялась и утолщалась. Попав в Красноводск, я решил обязательно побывать на диковинной косе и выяснить, нужна ли она этому городу на восточном берегу Каспия. Занимала мои мысли и красная вода, в честь которой названы «морские ворота» Средней Азии. Такая вода встречается еще реже, чем города с косой; я рассчитывал, что где-где, а в Красноводске обязательно ее разыщу и попробую, если она пригодна для питья.

Красную воду я увидел сразу после того, как сошел на берег. Люди жадно пили ее, стоя возле киоска на уличном перекрестке. Но, подбежав к ним, я убедился в своей ошибке — в киоске торговали газированной водой с клубничным сиропом! Неудача мало смутила меня: природная красная вода — редкость, я понимал, что отыскать ее не так-то легко.

В заливе, на берегу которого расположен город, была обыкновенная морская вода. Утром — зеленоватая, под полуденным солнцем — серебристая, сверкающая, словно зеркало, на закате — тоже сверкающая, но уже оранжево-золотая, ночью — просто черная.

Осматривая Красноводск, я не забывал о воде красного цвета. Искал ее сам, обращался к знакомым и незнакомым. Из бесед я узнал, что длительное время в городе вообще не хватало воды, самой обычной воды для питья. Ее привозили из-за моря. Иному покажется странным, даже смешным, что люди жили в Средней Азии, а пили воду, привезенную кораблями из Закавказья! Жителям Красноводска было не до смеха: с доставкой закавказской воды случались перебои, и горожанам приходилось глотать опресненную морскую воду.

Усердные, но напрасные поиски доказали мне, что красной воды в городе нет. Почему ж он назван Красноводском? Неужели потому, что слово «Безводск» менее благозвучно? Я догадался, что тут скрыто какое-то географическое недоразумение и моя обязанность его разъяснить. Совершенно недопустимо, чтобы неточное имя города сбивало с толку и взрослых граждан и особенно школьников, изучающих географию своей родной страны.

Красноводск величают «морскими воротами» Средней Азии. Против этого не возражаю: сам проверил, что делается в его порту. В танкеры, то есть в наливные суда, течет нефть, в корабельные трюмы опускают кипы хлопка, ящики с компотами в банках, насыпают минеральное сырье. Все это добыто, выращено или сделано в республиках Средней Азии. С кораблей, прибывших из-за моря, выгружают лес, машины…

Наблюдая за работой портовиков, я совершил открытие, которым горжусь. В Большой Советской Энциклопедии напечатано, что через Красноводский порт в Среднюю Азию привозят пшеницу. Это — ошибка! Пшеницу не привозят, а, наоборот, вывозят! Собственными глазами видел, как ее грузят на корабли, и, по своей дурной привычке, даже щелкнул себя по носу — хотел удостовериться, не снится ли, что прав я, а не энциклопедия.

«Морские ворота» — название правильное, Красноводск — неправильное. Я бы назвал город Красногорском, потому что он построен у подножия красновато-бурых гор. Не заметить эти горы нельзя — они с трех сторон обступают бухту. Их отроги, точно каменные горбы, кое-где торчат и между улицами. Допустим, соберешься к друзьям, чей дом стоит метрах в двухстах-трехстах — антенны на его крыше и то сосчитать можно, — а идешь километра полтора. Сперва вниз по одной улице, потом огибаешь конец горного отрога, после этого поднимаешься по другой улице.

С каждым часом становилось все обидней, что городу дали неточное имя. Недолго раздумывая, я пошел в Красноводский Совет депутатов трудящихся и предложил изменить название города. Секретарь Совета внимательно выслушал меня и любезно ответил, что название не такое уж неточное: город находится на берегу Красноводского залива.

— Что же вы раньше не приходили, товарищ Загадкин? — спросил на прощание секретарь. — Зашли бы ко мне в то лето, когда основывали город, пожалуй, принял бы ваше предложение: в нем есть доля истины…

Конечно, это была шутка. Красноводск основан в 1869 году,

когда ни Совета депутатов трудящихся, ни его любезного секретаря, ни, самое главное, Захара Загадкина еще не было на свете.

Поисками красной воды так увлекся, что совсем забыл о косе. Спохватился за день до отъезда, взял в порту лодку и поплыл вдоль берега Красноводского залива. Знаменитая коса оказалась в положенном ей месте. На картах она окрашена в зеленый цвет — цвет низменностей; наяву она светло-желтая, песчаная.

Греб не торопясь и не напрягаясь — помнил, что длина косы около сорока километров; каспийские капитаны не зря сложили поговорку: «Близок город, да долга коса».

И вдруг полная неожиданность: не проплыл и половину пути, коса кончилась! Впереди открылся широкий канал, по нему двигался морской корабль…

К счастью, неподалеку встретил рыбаков и, потолковав с ними, узнал важную географическую новость: коса уменьшилась вдвое!

Как известно, длинные косы отращивают многие школьницы. Когда девочки подрастают, коса то ли надоедает им, то ли начинает мешать, но они ее отрезают. Так поступили и в Красноводске. Длинная коса стала мешать городу, и летом 1957 года ее укоротили.

Выкупавшись в канале, я достал из кармана походный атлас и тут же внес в него поправку — пересек косу черной полоской, у краев полоски нарисовал маленькие кораблики: атлас не должен отставать от жизни.

А с красной водой получилось так. Вернулся в порт, причаливаю лодку, а рядом швартуется катер. На берег спрыгнул

человек с бутылью красной воды и устремился в город.

Я его нагнал и спросил?

— Клубничный сироп?

— Нет.

— Неужели настоящая природная вода красного цвета?

— Настоящая! Но скорее розовая, чем красная.

— Где вы ее отыскали?

— Поблизости… — Человек с бутылью обернулся и показал рукой в сторону моря.

Каракумские чудеса

Каспийское море в последний раз мелькнуло за окном вагона и, простившись со мной, уступило место пескам.

— Начались! — воскликнул я и захлопал в ладоши. Тому, кто мечтает о путешествиях, надеюсь, не надо объяснять охватившее меня чувство. Я ехал в Каракумы и был взволнован первым свиданием с великой пустыней.

«Кара» — черный, «кум» — песок. Однако я хорошо знал, что на самом деле пески Каракумов вовсе не черные, а желтые. Слово «кара» в названии пустыни многие географы толкуют в переносном смысле, как «злой» или «страшный». И, по-моему, правильно. Неспроста же была сложена поговорка: «Когда птица летит через Каракумы, она теряет перья; когда человек идет через Каракумы, он теряет ноги».

Меня Каракумы не страшили: я помнил, что поезд Красноводск — Ташкент уже семь десятилетий благополучно пересекает огромную пустыню.

Я помнил не только это. Я так много знал о Каракумах, что мне не терпелось поделиться своими знаниями со всеми желающими. Но где найти желающих? Ходить по вагонам, напрашиваться, чтобы тебя слушали? Нет, я поступил лучше: разыскал поездного радиотехника и предложил сделать для пассажиров краткий доклад о Каракумах.

Мне повезло: хозяин поездного радио оказался любителем географии. Поговорив со мной, он взял микрофон:

— Товарищи пассажиры, среди нас находится небезызвестный путешественник Захар Загадкин. От души советую послушать его доклад о чудесах пустыни Каракумы.

Я был польщен такой рекомендацией и тут же стал делиться знаниями.

Сперва я с уважением рассказал о величине Каракумов. С уважением потому, что эта пустыня занимает обширнейшую территорию, на которой могли бы уместиться ни много ни мало пять советских республик: три закавказские, Эстония и Латвия. Лет полтораста назад один путешественник-иностранец, испугавшись бескрайней пустыни, назвал Каракумы океаном песков. На всем необъятном пространстве от Каспия до Аму-Дарьи он видел пески, пески и опять пески. Тут и там, словно

застывшие волны, высились барханы — песчаные бугры с рогами, обращенными в ту сторону, куда дует ветер. Двугорбые верблюды шагали по каракумским просторам, уныло звеня бубенцами. Несколько дней пути разделяло редкие колодцы с полусоленой, горьковатой водой, и на караванных тропах белели кости погибших от жажды.

Немного помолчав, чтобы пассажиры отчетливей представили себе страшное величие пустыни, через которую их везут со всеми поездными удобствами, я сообщил, что советские люди успешно работают в океане песков: добывают серу и нефть, разведали природный горючий газ.

Мне очень хотелось оживить доклад наглядным примером. И это удалось, когда поезд остановился у красивого вокзала. Невдалеке лежал большой город.

— Обратите внимание, товарищи пассажиры, треть века назад тут был безымянный разъезд. Сыпучие пески подступали к одинокому домику — в нем жили стрелочники. В тупичке стояла платформа с деревянной бочкой, в которой привозили воду для питья. Теперь пески отодвинуты; на их месте — город с десятками тысяч жителей, с садами и бульварами. Не ищите и тупичок, его сменила железнодорожная ветка к нефтяным промыслам, где трудятся горожане. Чудом в пустыне назвал этот город другой иностранец, побывавший здесь совсем недавно. В нашей стране таких чудес сколько угодно: новые большие города встретишь в глухой тайге, в заоблачных горных высях, среди болот заполярной тундры. Поэтому расскажу о «чудесах», менее известных…

Мой сосед по купе, — продолжал я, — коренной каракумец. Он возвращается из отпуска и везет с собой весла, резиновую лодку и удочки. Зачем? Разгребать веслами песок, удить рыбу свесив ноги с гребня бархана? Нет, возле его дома потекла новая река; уже не «корабли пустыни» — двугорбые верблюды, а настоящие речные суда плывут среди барханов.

Вы скажете, что в географии чудес не бывает. Согласен, и не только в географии. Поэтому все, о чем я говорю, — истинная правда. Знаете ли вы, товарищи пассажиры, что в Каракумах найдено… море? Не знаете? Судоходства по этому морю, к сожалению, нет и никогда не будет: для плавания судов оно не пригодно. Зато у нового моря есть ценная особенность — вода в нем пресная, ее можно пить! А это крайне важно в пустыне.

Наверное, вы ничего не слышали и о каракумских крокодилах? Несмотря на то что найдено море и потекла новая река, крокодилы — сухопутные, обитают не в воде, а в песке. Почему? По-моему, потому, что завелись в пустыне с незапамятной поры, когда пресное море еще не было открыто, а менять привычный образ жизни крокодилу нелегко, да и нет особенной нужды.

Напоследок расскажу еще об одном чуде. Водоросли, если вы не забыли, растения водяные. Откуда бы им взяться в Каракумах? А они появились, и в таком количестве, что стали досаждать людям. Конечно, это удивительно, но еще удивительней, что уничтожить непрошеных гостей поручили не местным жителям, а знаменитым борцам с водорослями, привезенным издалека по воздуху. Пятьдесят тысяч борцов привезли! Самое любопытное, что их ни поить, ни кормить не надо.

Есть вопросы? — спросил я по окончании доклада. Прошу в письменном виде передать их проводникам вагонов. Я обойду вагоны и отвечу на все вопросы.

То же спрошу и у тебя, читатель. Если вопросов нет — очень хорошо, жму руку. Если вопросы есть, загляни на стр. 359. Как ни тяжко придется моему другу Фоме Отгадкину, надеюсь, он сумеет все объяснить.

Три неудачи и одна удача

На маленькой станции, неподалеку от Ашхабада, я вышел из вагона, чтобы купить дыню.

Дыню выбрал хорошую, и все обошлось бы без приключений, да, расплачиваясь со старой туркменкой, увидел на ней длинное монисто из серебряных монет с аккуратно просверленными круглыми дырочками. Необычное ожерелье привлекло мое внимание, я стал разглядывать монеты. Среди них оказались рубли и полтинники царской чеканки, иранские, турецкие, индийские, китайские деньги. Ожерелье-коллекция так меня заинтересовало, что, рассматривая монеты, не заметил, как тронулся поезд. Оборачиваюсь — хвостовой вагон уже далеко за станцией!

Это была первая неудача. Вторая подстерегала у дежурного по станции: следующий поезд Красноводск — Ташкент приходил только через сутки!

Конечно, я был огорчен обеими неудачами, но решил использовать случайную задержку в пути для более близкого знакомства с Каракумами — пустыня почти вплотную подступала к железной дороге. Однако едва остались за спиной привокзальные строения и я выбрался на песчаный простор, как задул ветер. И такой сильный, что от похода в Каракумы пришлось отказаться: воздух заполнился песком, солнце заволокло пылью, видимость исчезла.

Это была третья неудача.

Песок хрустел на зубах, забивался в нос и уши, больно колол глаза. Я вернулся на станцию.

— Надолго ли приехали? — послышался громкий голос. — И есть ли у вас пропуск?

Протирая слезящиеся от песка глаза, я увидел лейтенанта в фуражке с зеленым околышем.

— Какой про…

В эту секунду память подсказала, что где-то по соседним горам проходит наша государственная граница с Ираном. Я отстал от поезда в самом неподходящем месте!

— Пропуска нет, — признался я. — Но я вовсе не хотел вылезать на вашей станции. Во всем виновато серебряное монисто…

И я рассказал лейтенанту-пограничнику о постигших меня

неудачах. Объяснил, кто я, куда еду, на всякий случай добавив, что выступал с докладом о Каракумах по поездному радио. Успел сообщить ему о пресном море пустыни, сухопутных крокодилах, даже о сухом дожде, о котором нечаянно забыл упомянуть в докладе пассажирам.

— Все это чудесно, но как быть с вами? — сочувственно произнес лейтенант. — Пожалуй, возьму на сутки под личное наблюдение…

Я понял, что полоса неудач кончается, и сразу повеселел.

— Вы, наверное, помыться хотите? — продолжал лейтенант. — Жаль, нет времени отвести вас в баню… Впрочем, выкупаетесь немного погодя: вчера я здорово ссадил руку, и придется съездить на здешнее озеро.

— Вы убеждены, что здесь есть озеро?

— Убежден, — усмехнулся лейтенант, — я не раз в нем купался. И довольно большое: его площадь превышает три тысячи квадратных метров.

— Почему ж оно не показано на картах? Судя по атласу, в вашем районе нет озер: ни природных, ни искусственных. Может быть, оно недавно найдено или такое же, как пресное море Каракумов? Но тогда в нем не выкупаешься…

— Не беспокойтесь, отлично выкупаетесь. А найдено оно давно, о нем еще средневековым географам было известно. В любой энциклопедии говорится об этом озере. Кстати, на вашем теле нет ссадин или царапин?

— Нет.

— Тоже жаль! После купания они немедленно зажили бы… Мы сели в «газик»-вездеход, ожидавший лейтенанта возле станции, и помчались по направлению к горам. Мне предстояло

увидеть озеро, которого нет на картах, и я запоминал дорогу: с одной ее стороны тянулась пустынная степь, с другой темнели скалы.

У невысокой мрачной скалы машина остановилась. Мы вылезли из вездехода, прошли пешком еще полтораста-двести метров. Затем передо мной открылось озеро, и я сразу понял, почему оно не показано на картах.

Берега озера были усыпаны камнями. Сквозь прозрачную воду на дне виднелись мельчайшие камешки.

Мой спутник разделся и бросился в озеро. Я последовал его примеру. Вода оказалась теплой, почти горячей и очень приятной на ощупь. Правда, вкус у нее был горько-соленый.

Вдоволь накупавшись, мы вернулись к вездеходу. Лейтенант достал из машины хлеб, банку мясных консервов. На сладкое пригодилась моя дыня.

Тем временем солнце скользнуло за горы. Начало темнеть, и в воздухе раздался шум, похожий на хлопанье крыльев. Я поднял голову: одна за другой над нами проносились летучие мыши.

Я было стал считать мышей, но сбился со счета: они пролетали десятками, сотнями…

— Не трудитесь, дорогой, — сказал мой спутник, — все равно не сосчитаете. Их здесь свыше сорока тысяч! Есть озера, которые славятся обилием гусей или уток. Наше озеро славится летучими мышами: нигде в Европе и Азии нет такого огромного поселения этих рукокрылых млекопитающих. Они тут на химической фабрике работают…

Непрерывный шелест крыльев продолжался около часа. Потом мы отправились к железнодорожной станции.

Я благополучно переночевал на скамье у кассы, а утром снова сел в поезд.

Знакомство с озером летучих мышей считаю редкостной удачей, потому что, сколько ни ищите, его не найти ни на одной географической карте, даже самой подробной. А я видел это озеро, купался в нем.

Разговор с рекой

Еще десятилетним мальчишкой я горевал, да порой и теперь жалею, что человеку непонятен язык рек, а наша речь недоступна рекам. Слушаешь их шум, изволь догадываться, что за ним скрыто. А как было бы здорово побеседовать с рекой, выяснить ее прошлое в исторические и даже доисторические времена! Правда, ученые и без такой беседы выведывают это прошлое, но до чего заманчиво было бы узнать о нем от самой реки!

Не стану зря хвалиться, мне не удалось совершить невозможное и потолковать с рекой. Однако фантазией я не обижен, на выдумку горазд и легко представил себе подобный разговор.

— Здравствуй, красавица, как тебя зовут? — спросил я при встрече.

— По-разному, — ответила река. — Кто как хотел, так и называл. Зови и ты, как нравится, мне безразлично…

— Не очень ты любезная, — заметил я. — Ну, тогда скажи, как живешь?

— Неплохо живу. Работа не пыльная: знай кати воду…

— А куда ее катишь?

— Куда положено: в свое море.

— Всегда в одно и то же?

— Было время, катила и в другое море, соседнее. Да теперь оно исчезло, на его месте сухая впадина осталась…

— А в третье море не впадала?

— Впадать не впадала, но иногда посылала воду. Доходила ли вода, не знаю — не близко то море. Может быть, опять буду посылать, хотя это не от меня зависит.

— А от кого?

— От хозяев. Жадны они на мою воду, забирают, что в их силах. Несколько притоков отняли, не так давно отвели от меня реку не реку, а все же родное мое детище. И не маленькое, длиной 800 километров! Теперь отводят еще одно детище.

— Значит, жалуешься на хозяев?

— Нет, не жалуюсь, я река сознательная. Это они жалуются.

— И есть за что?

— Случается, за дело. Характер у меня неважный: иной раз напорется моторный катер на мель, я его за два-три часа так

упрячу, что ищут, ищут, найти не могут. Другой раз идет судно по фарватеру, хочет знакомый остров обогнуть, ан острова нет, — я его с собой прихватила! Зато где-нибудь поодаль новый остров насыплю. Было и так, что стала я берег подмывать, а там столичный город стоял. Столица отодвигается, я ее настигаю, улицу за улицей уношу, пока не сбежала столица. И грех и смех…

Река глухо засмеялась — пенистая волна ударила о берег и откатилась обратно, подхватив плохо привязанную лодчонку.

— Э, да ты проказница! Скучаешь, что ли?

— Скучать некогда, летом и зимой работаю, всего на два месяца замерзаю, да и то в дельте. Поверишь ли, за год сто миллионов тонн песку и прочего добра перетаскиваю. Бывает, надоест течь по старому руслу, я новое проложу. Или мелями и перекатами начну играть, передвигаю их туда-сюда, готовлю ловушки для капитанов. Застрянет судно на перекате, я под него песку подсыплю, судно словно на острове окажется, будет вызывать на выручку землечерпалки, плавучие краны, взрывников…

— Да, — вздохнул я, — немало людям с тобой хлопот.

— Многовато, — согласилась река. — Мели и перекаты это еще пустяк. Совсем недавно я убежала от одного города. Корабли везут к нему горючее и минеральные удобрения, на городских причалах скопились грузы для отправки, а подойти к причалам кораблям нельзя — отрезала я порт от себя полуторакилометровой топкой мелью… Вот такие дела-делишки, Захар… Ты с моста на меня смотришь?

— С моста.

— Видишь, какой он длинный? Догадываешься почему? Потому, что я река блуждающая. Русло у меня неустойчивое, мечусь из стороны в сторону, то к левому берегу придвинусь, то к правому. Вот и построили такой мостище, чтобы я его обогнуть не смогла…

— А почему ты шоколадного цвета? Где шоколад берешь?

— Это не шоколад, дурной… Это ил, он у меня лучший в мире, самый плодородный. Из-за него и урожай высок на поливных полях в моей округе. Я им и воду даю, и удобрение…

— А велика ли твоя округа?

— Суди сам: мой бассейн — почти полмиллиона квадратных километров!

— И отовсюду воду собираешь?

— Нет, только пока по горам теку. Но мне хватает: шестьдесят миллиардов кубических метров воды проношу ежегодно.

— А сколько на орошение даешь?

— Шестую часть, десять миллиардов.

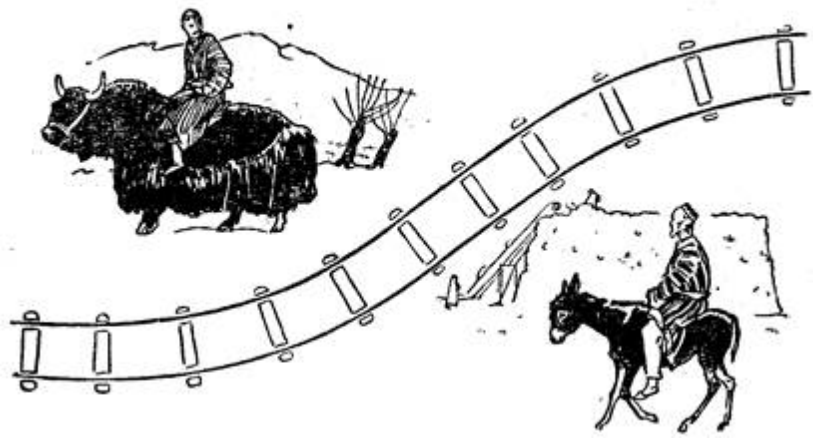
— Скуповато! Придется хозяевам с тобой еще повозиться… Ну спасибо за беседу, река, — сказал я на прощание, — кати свои воды дальше, а мне с ними не по пути…

На этом наш разговор закончился. Я передал его довольно подробно, кажется, ничего не упустил. А если кое-что запамятовал, извините…

40 X 30 = 250

Сколько народу ездит по железным дорогам, и ни с кем ничего не случается, а Захар Загадкин соберется в такую поездку, и происшествия не миновать!

Скажем, большое ли дело провести в поезде сорок часов? Сущий пустяк — миллионы советских людей постоянно совершают и не такие путешествия. Родина наша обширна, и есть поезда, которые находятся в пути не то что сорок часов, а семь с половиной суток, как, к примеру, поезд Москва — Владивосток.



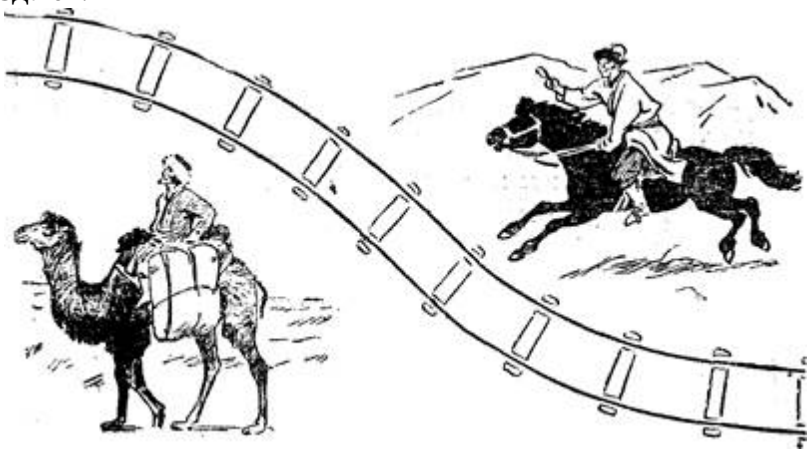
А стоило мне сесть в обыкновенный пассажирский поезд, направлявшийся из столицы одной советской республики в районный город той же республики, как пошло такое, что стану рассказывать — мало кто верит. Поэтому должен предупредить: какими бы странными ни показались мои слова, но все в них доподлинная правда, хотя кое-что на первый взгляд и противоречит законам арифметики.

С виду поезд ничем особым не отличался: пассажирские вагоны, почтовый, багажный. И локомотив выглядел заурядным. А только тронулись, началось необыкновенное и длилось более сорока часов — до конца поездки.

Судите сами: по пути из столицы в районный город той же республики мы девять (!) раз пересекали границы этой и соседних

с ней советских республик.

В четырех братских республиках удалось побывать за эту поездку, а в одной даже ее столицу навестить! На что я с географией отлично знаком, и то не всегда мог сказать, по какой стране мы едем, — так часто менялись страны. На станциях выйдешь размять ноги, а там опять на другом языке говорят. Языки немного похожие, а все же разные. В станционных киосках газеты и книги тоже на разных языках продают — в каждой республике на своем. За сорок часов собрал коллекцию газет на четырех языках, причем каждую газету покупал в той стране, где ее издают!



Шел наш поезд сорок часов, двигался со средней скоростью 30 километров в час, на станциях стоял недолго, сколько полагалось по расписанию, а отвез меня всего за… 250 километров! Да, да, именно такое расстояние, как мне сказали, отделяет районный город от столицы республики.

Ну и задачку задал поезд: 40 X 30 = 250!

А ответ, как ни поразительно, точен. Не верите? Сам не верил, да карта убедила. Разложил ее перед собой, масштабной линейкой измерил расстояние между столицей и районным городом и собственными глазами увидел, что оно равно 250 километрам. Оказывается, иные поезда в нашей стране не считаются с одним из важнейших законов арифметики, на котором вся эта наука держится, — законом умножения!

Откуда же и куда шел мой обыкновенный и вместе с тем такой необычный поезд? Добавлю, что проезжали мы вдоль подножий огромных гор, видели нескончаемые поля хлопчатника и множество больших и малых каналов.

Во сне и наяву

Обычно я сплю крепко и без сновидений. Но, если допоздна зачитаюсь увлекательной книгой, бывает, что вижу сны.

Однажды мне приснилось, что все реки земного шара потекли в обратную сторону — от устьев к верховьям, а я будто бы смотрю на это необыкновенное явление с высокой-высокой горы!

Дело было во сне, со спящего спрос невелик, и реки повернули вспять без всякой причины. Льды на полюсах не таяли, фонтаны из-под дна океанов не били, лава оттуда не извергалась, не происходило и ничего другого в этом роде. Я спал, а мало ли что не привидится во сне!

С огромной горы, на которую вознес меня сон, я наблюдал, как моря ринулись в речные устья и реки выступали из берегов, затопляя города, поля, леса… Устремляясь дальше и дальше, вода добралась к речным притокам, метнулась в их верховья. Верховья тоже вышли из берегов — возникали и всё ширились гигантские озера.

На моих глазах происходила мировая катастрофа: вода заливала сушу и вот-вот должна была захлестнуть гору, на которой я стоял. Но в ту минуту, когда вода подступила к моим ногам, я успел проснуться и, утирая со лба холодный пот, обрадованно прошептал: «Какое счастье, что реки текут не в обе стороны, а только в одну!»

«Чепуха!» — скажет тот, кто никогда не видел нелепых снов. Согласен, не стал бы рассказывать о своем сне, не окажись он в руку, то есть почти пророческим.

Вскоре после этого сна я ехал в поезде, который не считается с законами арифметики, — кому еще неизвестно о нем, пусть прочитает три предыдущие страницы. Ехал и, как всегда в пути, смотрел в окно, держа на коленях походный атлас и сверяя с картой увиденное за окном. Тогда-то меня и заинтересовала одна река, не очень широкая, но и не особенно узкая.

Поезд пересек по мосту эту реку, и на быстром ходу нельзя было определить, куда она течет: к северу или к югу.

Судя по атласу, она несла свои воды с юга. Там синели тонкие извилистые линии ее истоков, которые, постепенно соединяясь, сливались в линию потолще. До сих пор все казалось простым: истоки сошлись, образовав главное русло реки. Но

дальше начиналось непонятное: толстая линия неожиданно расщеплялась — на севере, как и на юге, тоже синели тонкие линии. Что такое: с обоих концов реки верховья? Тогда где ее низовья?

Есть надежный способ различать на карте верховья от низовьев. Все «нормальные» реки куда-либо впадают; место их впадения — устье, в противоположном конце — истоки. Однако встреченная мною река никуда не впадала: ни в море, ни в озеро, ни в другую реку.

Все это было на редкость странно. Мое удивление возросло, когда несколько часов спустя поезд пересек вторую такую же реку, потом третью. Если б не спешил, непременно вылез бы из вагона и занялся исследованиями. Но я торопился, и мне оставалось теряться в догадках: текут ли реки с перепутанными «верховьями-низовьями» в каком-нибудь одном направлении или попеременно устремляются то вперед, то назад?

В позапрошлом году я любовался в цирке семейкой веселых акробатов, исполнявших свой номер вниз головой. В таком неестественном положении эти люди катались на велосипедах, пили чай, боксировали, даже плясали. Руками они пользовались как ногами, а ногами как руками. В цирке это было забавно, но разве допустимо что-либо подобное в географии?

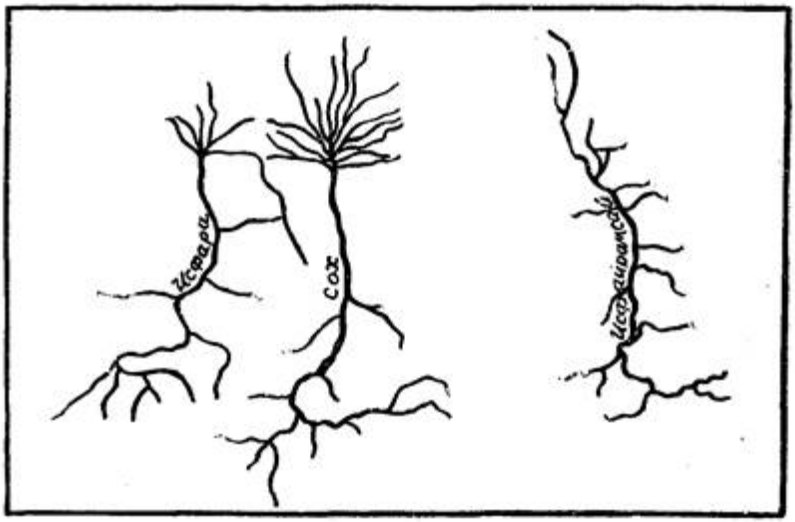
Тут я вспомнил о своем сне. Картины водной катастрофы, одна ужасней другой, стали возникать в моем воображении: реки внезапно изменили течение, ринулись в обратную сторону. Потоки воды, вырываясь из берегов, затопляли посевы, города, губили животных, людей…

Огорченный и напуганный, я перестал смотреть в окно и снова углубился в атлас. И, представьте, знание географии не подвело!

Разобравшись в рельефе местности, я понял, что все три реки текут на север: их южные «верховья-низовья» находились в горах, северные — в долине. Никакая река не способна преодолеть закон земного притяжения; во сне я забыл о нем — спящий за свои поступки не отвечает, — наяву забыть об этом законе нельзя. И я громко рассмеялся над собственными опасениями за судьбу жителей долины.

Вы тоже хотите посмеяться надо мной? Потерпите. Во-первых, нехорошо требовать, чтобы Захар Загадкин знал все — даже ученые признают, что им известны далеко не все тайны природы. Во-вторых, смейтесь сколько угодно, но докажите свое право на смех — объясните загадочную историю с «верховьями-низовьями». Я пошел вам навстречу и старательно перерисовал из атласа схемы всех трех рек. Даже назову эти реки: Исфара, Сох,

Исфайрамсай. Попробуйте объясните секрет «верховий-низовий».



Имя, которое дважды брали взаймы

Впервые я узнал об этом городе в 1959 году и совершенно случайно: из старого-старого путеводителя. Там говорилось о древнем, но захолустном городе у берега полноводной реки, в десятке километров от железнодорожной магистрали. Книжка сообщала, что в нем полтораста мечетей, четыре религиозных училища и две школы: одноклассная и двухклассная. Обучались в обеих школах полсотни ребятишек.

Меня заинтересовало описание кривых узких улочек, местами шириной меньше метра, застроенных глинобитными домами без окон на улицу, заинтересовали лавочки оружейников, лодочников, кузнецов, ткачей, шапочников, литейщиков. Путеводитель рассказывал о кварталах мотальщиков шелка, теребильщиков ваты, золотых дел мастеров, и мне захотелось побывать в этом городе, поглядеть, что стало с ним в наши дни.

В географии я разбираюсь неплохо, в атласах чувствую себя словно рыба в воде, однако долгое время никак не мог найти город: на картах он точно сквозь землю провалился! Его не было ни в одном атласе. А город не маленький: в нем еще до революции жило тридцать тысяч человек.

Не сомневаясь, что старинный город продолжает существовать, я не прекращал поиски. И, просматривая напечатанный в 1962 году «Атлас СССР», нежданно-негаданно встретил этот город в указателе географических названий! Тут же раскрыл карту: ага, голубчик, вернулся на место! Приметы полностью сходятся: полноводная река течет возле него, до ближайшей станции на магистрали от силы десяток километров.

И летом 1963 года я собрался в дальнюю дорогу. Путь мой лежал к плодородной долине, с севера, востока и юга окруженной цепями высоких гор. На западе были естественные ворота долины, через которые некогда прошел со своими солдатами знаменитый в истории полководец. Я же проехал эти ворота в поезде, где надо вылез из вагона и пересел в автобус.

Спешу на свидание с городом. Вот и он, желанный, раскинулся за холмами. Привет, старик, где пропадал столько лет?..

Но что ни шаг, что ни беседа с местными жителями, то неожиданность, одна удивительней другой!

Прежде всего выяснилось, что я приехал не в древний город, а к его… бывшему тезке, недавно мало кому известному селению, ныне выросшему в город. Тезкой он был около двух лет, а потом отказался от взятого взаймы названия! Ну, и дорожное приключение, сам бы над ним потешался, не окажись его невольным героем!

Я осмотрел бывшего тезку. Морской ветерок обдувал улицы, обсаженные тополями и акациями. Ветерок, я сказал, морской, однако море было ненастоящее: улицы спускались к берегу обширного водохранилища. У бетонной плотины кипела вода, но здания гидроэлектрической станции я не обнаружил, — ее машинный зал был упрятан в тело плотины.

— Да, да, к сожалению, вы опоздали, — посочувствовали мне в городском Совете. — Наш город вернул себе то имя, что носил, когда еще был селением. К чему нам чужая, пусть многовековая слава? У нас есть своя, сегодняшняя: водохранилище и электростанция. А город, который вы ищете, наш сосед.

Очень довольный, что получил надежный адрес и наверняка встречусь с древним городом, я сел в попутную машину и вскоре был у его стен. Но меня снова ждало обидное разочарование: я опять опоздал, попал к еще одному бывшему тезке!

— Поздновато приехали, — и тут посочувствовали мне горожане, — что бы вам явиться немного раньше!.. Верно, верно, перестав быть селением, мы позаимствовали имя у древнего города, благо оно было свободным, и свыше года считались тезкой старика. Но его слава и нам ни к чему, у нас тоже есть собственная, заработанная нашими делами. Теперь и мы называемся так, как назывались, когда были селением…

— Ну, а где же древний город? Надеюсь, он существует?

— Конечно, но теперь у него более почетное название.

— А как добраться к старику?

— Совсем просто: идите на станцию и через полчаса будете у него в гостях.

Так я и поступил. Древний город по-прежнему лежал у берега полноводной реки, хотя выше и ниже по ее течению разлились два водохранилища. Об одном я рассказал, второе найти нетрудно.

Новое название древнего города несравненно лучше старого. Да и сам он стал иным: обзавелся крупнейшим шелковым комбинатом, десятками заводов и фабрик, дает родине хлопковое волокно и масло, красивые ткани, вкусные консервы, кожу, обувь, вино и многое другое.

Бывший захолустный город превратился не только в промышленный центр. Тысячи ребят обучаются в его средних

школах, техникумах, училищах, институте. Некогда кривые узкие улочки распрямлены и расширены, на них стоят новые дома с окнами на улицу, а через полноводную реку перекинут длинный мост. По численности населения, по промышленному и культурному значению город считается вторым в своей республике.

Эти перемены велики, но все же обычны для наших городов. А история с дважды взятым взаймы именем необычна. По-моему, это единственный случай в отечественной географии.

Неожиданное испытание

В последних числах августа выдался у меня свободный денек, я я с утра отправился в лес. К полудню устал, решил отдохнуть на полянке. Только прилег на траву, слышу голоса. Смотрю, за кустами двое парнишек; перед ними — раскрытый «Атлас СССР», у ног — ведро с грибами.

— Здравствуйте, ребята! Чем заняты? Географию учите или грибы собираете?

— Не учим и не собираем: ведро — полным-полно. Мы сейчас мысленно странствуем…

— Мысленно? Почему не взаправду?

— Взаправду не успеем, с той недели в школу пойдем… А ты кто такой?

— Я Захар Загадкин.

— Ой, врешь… Захару в лесу делать нечего, он моряк.

— Чудаки вы, ребята! По-вашему, морякам дорога в лес заказана? Моряки — народ бывалый, их и в горах можно встретить, и в пустынях. Тельняшку видите?..

— Тельняшку любой наденет, у нас ее комбайнеры носят…

Парнишки оглядели меня с головы до ног и недоверчиво сказали:

— Коли не врешь, докажи, что ты — Захар Загадкин.

— Как же я докажу? Со мной документов нет…

— А мы тебя испытаем: ткнем карандашом в карту, а ты опиши места, куда карандаш попадет. И не просто опиши, а, во-первых, интересно, во-вторых, загадочно. Проверим, какой ты Захар Загадкин: настоящий или фальшивый?..

— А если присочиню то, чего на самом деле нет?

— Мы опустим карандаш не наугад, а туда, где уже почти всё обследовали. Что молчишь, испугался?

Я и правда замолчал. Испугаться не испугался, но думаю: ишь хитрюги, какое испытание изобрели! Конечно, в географии я не новичок, да кто знает, куда их карандаш попадает и где они уже почти всё обследовали? Юные географы тоже народ непростой, кому-кому, а мне это хорошо известно.

Присел возле ребят. Атлас был раскрыт на карте одной из союзных советских республик. Парнишки шепотком посовещались и опустили острие карандаша где-то среди скопища заоблачных

гор. Вместе с карандашом приземлился на карту и я. Не торопясь осматриваюсь. Местность, видимо, труднодоступная: дорог нет. Поодаль с вершин ползут голубые ледники. Поближе, у подошвы огромного хребта, черной змейкой вьется по долине горная река.

«Эге, — прикидываю, — для начала повезло: долина мне знакома». И предупреждаю ребят:

— Уберите карандаш с горы! И немедленно, не то он сгорит!

— Почему сгорит?

— Потому, что вы его в самый очаг пожара нацелили! Вершина этой горы — груда буро-рыжих скальных обломков. На карте они незаметны, а наяву сквозь них пробиваются струйки дыма и газа. Камни так накалены, что кинешь лист бумаги — и он мгновенно затлеет. Окрестные пастухи на этом даровом тепле кипятят чай, жарят мясо, пекут лепешки…

— Карандаш на вулкан попал? Извержение будет? — спрашивают парнишки, испытующе глядя на меня.

— Какой вулкан, какое извержение? Я же сказал: пожар! Правда, необыкновенный: он начался то ли тысячу, то ли три тысячи лет назад, и с той поры не затухает. Да и погасить огонь вряд ли возможно: горят гигантские пласты каменного угля.

— И такое богатство пропадает без пользы?

— Пропадало, ребята. Теперь ученые выяснили, что пожаром не затронуты восемнадцать пластов мощностью до десяти метров каждый! Залегают пласты неглубоко, и ценное месторождение станет добычей наших горняков.

Мальчишки переглянулись и подтвердили:

— Правильно, это мы тоже знаем. И даже больше знаем: шахт у пожарища строить не будут, уголь хотят добывать открытым способом — из карьеров…

Карандаш сполз с дымящейся горы, перебрался через высоченный перевал, затем долиной другой горной реки спустился к городу у скрещения железных дорог.

— Расскажи про город, и опять загадочно, — потребовали мои экзаменаторы.

— Ну что ж, в переводе на русский язык его название означает один из дней недели. Какой? Понедельник! В тысяча девятьсот двадцать пятом году на месте города были три селения с узкими немощеными улочками и сотней глинобитных домишек… — Мысленные странники с уважением посмотрели на меня. Я понял, что победа близка, и продолжал: — Теперь в городе около четверти миллиона жителей. В нем много заводов и фабрик, высших и средних учебных заведений, театров, научных институтов. Вдоль асфальтовых магистралей стоят красивые каменные здания. Есть и река, но в ней не купаются: вода

слишком холодна даже в разгар лета. И последнее: называется город так же, как треть века назад, но две буквы в названии изменились. На слух это почти незаметно, но писать надо осторожно, чтобы не ошибиться… Ну как, ребята, верите, что я настоящий Захар Загадкин?

— Верим! Неплохо говоришь: интересно и загадочно… Рады, что встретились и познакомились…

Мне польстили эти слова, но еще приятнее было, что выдержал неожиданное и не совсем простое испытание.

Как стать знатоком географии

В нашем мореходном училище есть кружок любителей географии. Думаю, для вас не будет неожиданностью, что члены кружка считают меня лучшим знатоком этой науки.

И не потому, что с Захаром Загадкиным случались необыкновенные географические происшествия, — они бывали со многими. Секрет моего превосходства в ином. Таить этот секрет не собираюсь, я не какой-нибудь жалкий честолюбец.

Стать знатоком географии под силу любому желающему. Поясню на примере.

Не так давно в нашем кружке беседовали о Казахстане. Вступительное слово доверили мне, и я начал с общеизвестного. Сказал, что Казахская Советская Социалистическая Республика существует с 1920 года, что сперва она называлась Киргизской АССР, в 1925 году была переименована в Казахскую АССР, а в 1936 году преобразована в Казахскую ССР.

Конечно, кружковцы знали об этом и до моего выступления. Правда, кое-кто про себя удивился, что некоторое время

Казахскую республику называли Киргизской, но задать вопрос постеснялся. Мне же хотелось удивить не кое-кого, а всех. Поэтому я рассказал старинную казахскую легенду. Когда бог якобы создавал землю, второпях он забыл о Казахстане. Спохватился в последнюю минуту, да поздно: весь заготовленный географический материал уже был распределен. Тогда бог будто бы отобрал у ранее созданных стран по куску лесостепи, степи, полупустыни, пустыни, добавил немного гор и, слепив всё вместе, отдал казахам.

Признаться, я надеялся поразить ребят. Оказалось, что они слышали о легенде и даже упрекнули меня. Легенда, мол, интересная, правильно говорит о разнообразии природных зон Казахстана, но умалчивает о главном — о том, что страна казахов необыкновенно богата полезными ископаемыми.

— От легенды нельзя требовать научной точности, — сказал один из кружковцев. — Древние казахи, возможно, не подозревали о сокровищах недр: геологов у них не было. Но ты, Захар, мог бы дополнить старинное предание. А ты не догадался!..

Обиженный таким обвинением, я решил, что надо ошарашить

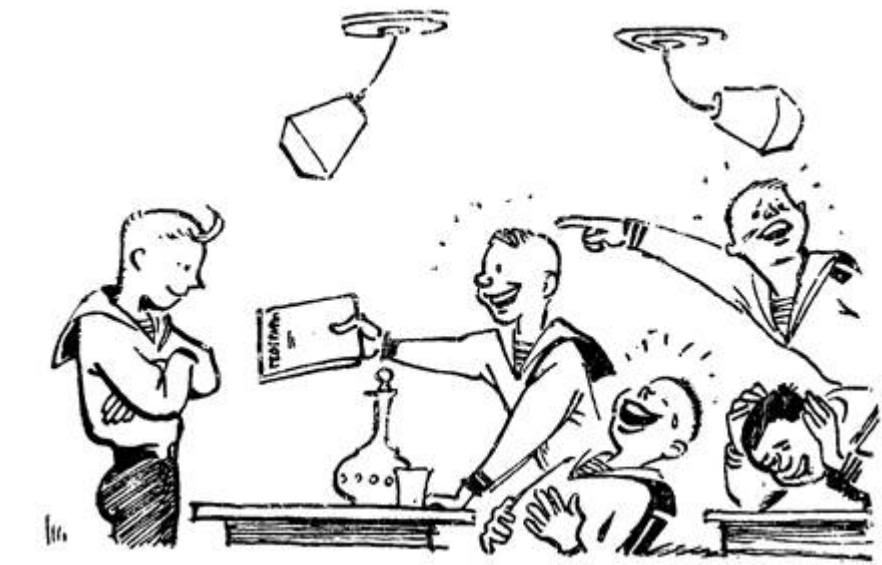
слушателей чрезвычайной географической новостью. Порылся в памяти и небрежно заявил, что первой столицей Казахстана был… Оренбург!

— Вот и заврался, Захар! — обрадованно крикнул тот же кружковец. — От Оренбурга недалеко до Казахстана, но это город российский и казахам не принадлежит.

Как по сигналу, зашумели и остальные кружковцы. Кто вопил, что столица республики не может быть на территории другой республики, кто издевательски советовал заглянуть в атлас, кто попросту протягивал учебник географии. Словом, меня подняли на смех.

Я оставался невозмутимо спокоен: истина была на моей стороне. Помня пословицу: хорошо смеется тот, кто смеется последним, я подлил масла в огонь.

— Над кем смеетесь, друзья? — хладнокровно спросил я. — А известно ли вам, что в 1924 году, когда обсуждали, где быть областным городам Казахстана, то среди кандидатов в эти города называли… Ташкент, Омск и опять Оренбург?



Смех разразился с новой силой. Давясь от хохота, кружковцы наперебой кричали:

— Да что с тобой, Захар? Неужели ты начисто забыл, что Омск находится в Западной Сибири, Оренбург — на юге Урала, а Ташкент — столица Узбекистана? Только круглый невежда мог предлагать эти города кандидатами в областные центры Казахстана!

— Ничего подобного! — с торжеством заявил я. — Предлагали ученые! По-вашему, и они не знали географии?

Необузданный хохот, волнами перекатываясь по комнате из

угла в угол, походил на раскаты грома. Тогда я тоже от души расхохотался: ведь ребята смеялись сами над собой!

Вдоволь насмеявшись, я объяснил кружковцам словно бы невероятную историю с Оренбургом, Омском и Ташкентом.

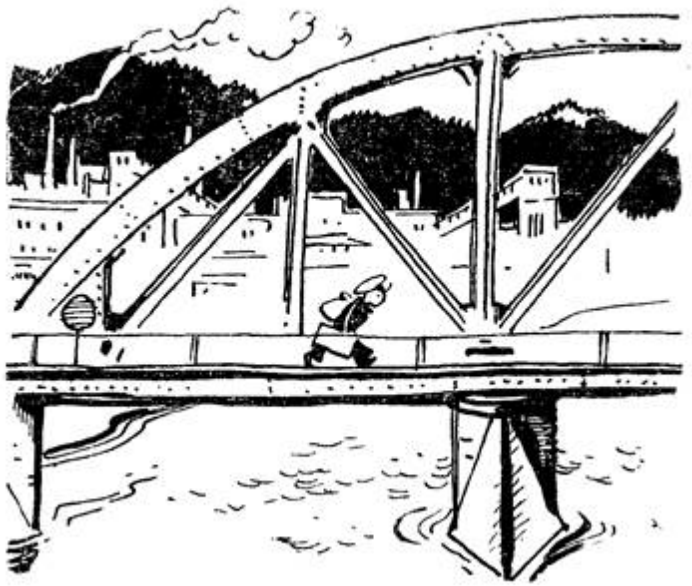
Объяснение так удивило ребят, что тут же они признали меня лучшим знатоком географии.

— Откуда тебе все известно, Захар? — спросили кружковцы.

— Из мелкого шрифта, — скромно ответил я, выдавая тот секрет, с которым обещал познакомить любого желающего.

Два шрифта — крупный и мелкий — встречаются в самых различных книгах: в учебниках, научных сочинениях, даже в романах и повестях, где мелкими буквами пользуются для примечаний и пояснений. Крупным шрифтом печатают главное, мелким — менее существенное, хотя не менее интересное. Некоторые находят это очень удобным: ленивый или нелюбопытный с первого взгляда безошибочно определяет, что обязательно для чтения, а что можно пропустить.

Я тоже нахожу это удобным, но поступаю как раз наоборот: никогда не пропущу напечатанного мелким шрифтом. Вот и весь секрет. Как видите, он прост: любой желающий может стать знатоком географии.



Евразия и ее соседки

У каждого человека есть какая-нибудь слабость. Один не в силах устоять перед сладким, другой — перед книжкой о сыщиках, третий боится грома, четвертый привык думать только о футболе — все слабости не перечислишь.

Есть маленькая слабость и у меня: люблю провожать и встречать дальние поезда.

Выйдешь на платформу, посмотришь на прикрепленные к вагонам таблички с названиями городов — мечта унесет тебя к этим городам, и мысленно ты уже мчишься к ним то степью, то туннелем в горах, то таежными лесами или вдоль берега моря. Дорожная пыль на вагонах и та нравится: ведь это пыль путешествий! Иной раз до того размечтаешься, что уходить с вокзала не хочется…

Как-то, стоя на платформе, я услышал такой разговор.

— Не забывайте меня, шлите письма в Евразию, — сказала девушка в синей косынке, прощаясь из окна вагона с провожавшими ее подругами.

— В Евразию? — переспросила одна из подруг.

— Да, да, именно туда. Евразия невелика, меня легко найдут…

Удивился этим словам, как снегу в июльский день. Ведь Евразия — материк, на котором расположены две части света:

Европа и Азия. На этот материк приходится свыше трети земной суши, и живут на нем почти два с половиной миллиарда человек! Разве найдут уезжающую девушку на таком обширном пространстве и среди такого множества людей, если она не дала подробного адреса? Не станут же почтальоны разыскивать ее по всем странам, городам и селениям Европы и Азии!

От души пожалел незнакомку в синей косынке и раскрыл рот, чтобы вмешаться в чужой разговор. Но поезд тронулся — выполнить доброе намерение не удалось. А подруги девушки, как назло, затерялись в толпе провожающих.

Весь вечер думал о словах незнакомки. И решил с утра забежать на почту, предупредить почтовых работников: если увидят письмо в Евразию, пусть вернут отправительницам для уточнения адреса.

Но прежде чем пойти к почтовым работникам, следовало

проверить собственные знания — такая проверка еще никому не мешала. Взял «Атлас СССР» и по указателю географических названий без труда отыскал Евразию. И, представьте себе, не материк, а ту Евразию, куда ехала незнакомая девушка. Оказалось, что ее Евразия — небольшая станция на одной из наших железных дорог. Совпадение имен чуть-чуть не подвело меня. Беспокоиться о судьбе писем перестал, но неожиданно обнаружил близ станции Евразия еще две станции с любопытными названиями. К западу — станцию Европейская, к востоку — станцию Азиатская.

Почему станциям-соседкам дали такие названия? Принялся внимательней изучать карту и вскоре убедился, что соседки получили свои имена неспроста. Станции были на условной географической границе между Европой и Азией. Попутно выяснил еще одно интересное обстоятельство. В том же атласе встретил реку — географическую границу между Европой и Азией.

Река как река, на ней плотины и водохранилища построены, а для начинающих путешественников очень привлекательная. Если по ней плыть, высаживаясь то на левом берегу, то на правом, за день успеешь много раз перебраться из Европы в Азию и обратно! Вернешься домой и скажешь: «Ну и устал же, двадцать раз был в Европе и столько же в Азии — до чего похожие части света!»

Это — шутка, но жителям больших городов, стоящих на берегах европейско-азиатской реки, то и дело приходится переправляться из одной части света в другую. Конечно, не из страсти к путешествиям, а по обыкновенным будничным надобностям: кому на работу или с работы, кому в магазин или на рынок за продуктами, кому просто в гости к знакомым.

Продолжая научные изыскания, нашел у реки-границы вторую особенность. Как известно, люди нередко меняют

названия своих городов. Реки не принято переименовывать. Но эта водная граница между Европой и Азией — единственная в нашей стране река, которую переименовали. Прежде у нее было одно название, а уже почти два века она носит другое.

Своей научно-исследовательской работой остался очень Доволен. Улучил время и поделился собранными знаниями с тремя приятелями по училищу — уроженцами того края, где я отыскал железнодорожную Евразию и европейско-азиатскую реку. И тут произошел у нас занятный разговор.

Первый приятель говорит:

— Места наши холодные, но красивые. Куда ни глянь, всюду высокие горы. У подножий — густая тайга, повыше — кривые, низенькие, будто кустарник, карликовые березки или ивы, еще выше — мхи и лишайники.

Второй приятель возражает:

— Верно, места наши красивые, но вовсе не такие холодные. Гор мало, и те невысоки, больше похожи на холмы с пологими склонами. Леса есть, однако тайгой их никак не назовешь. Карликовых ив или березок тоже нигде не увидишь…

Третий приятель не соглашается ни с первым, ни со вторым:

— Места наши красивые, спорить не стану, но ни гор, ни лесов нет, только степь да степь кругом, как поется в песне…

Смотрят на меня приятели, улыбаются. Все трое — земляки, одинаковым словом называют край, где родились, а рассказывают о нем по-разному. Мне их насмешливые улыбки ясны: «Попробуй, Захар, объясни наше разногласие. Пожалуй, опять займешься научными изысканиями…»

Конечно, я объяснил причину разногласия. Не зря ведь путешествовал по карте, разыскивая станцию Евразию и реку-границу. Карта все скажет тому, кто понимает ее язык.

Таинственная история с картами Урала

Эта таинственная история произошла в те годы, когда я учился в средней школе.

Однажды вечером я спокойно готовился к очередному уроку географии. Да и чего было волноваться? Учитель предупредил, что будет спрашивать о полезных ископаемых нашей страны, о них подробно говорилось в учебнике, а учебник лежал передо мной на столе.

Усердно читал страницу за страницей и вскоре, уже не заглядывая в книгу, мог без запинки повторить, чем богаты недра Русской равнины и Сибири, Дальнего Востока и Казахстана, Кавказа, Средней Азии или Кольского полуострова. Казалось, еще немного усилий, и урок будет полностью выучен. И вдруг с удивлением обнаруживаю, что на столе вовсе не мой учебник, а учебник соседа по парте… Вот так неприятная неожиданность!

Вы можете возразить: «Почему неприятная? Все учебники одинаковы, словно близнецы. Не все ли равно, по какому заниматься?» Нет, не все равно — из чужого учебника были выдраны странички о недрах Урала.

Время около полуночи, бежать за своим учебником поздно, дома у соседа по парте, наверное, все спят. Принимаю единственно возможное решение: утром обменяться учебниками и перед уроком прочесть странички об Урале.

А утром случилось непредвиденное. Кто-то сказал, что люди вот-вот начнут путешествовать по Вселенной, и, забыв все на свете, мы до хрипоты заспорили о том, что надо сделать, чтобы безошибочно попасть в число межпланетных путешественников.

Конечно, я спорил не меньше, чем другие, и спохватился, что ничего не знаю о недрах Урала, когда увидел в дверях класса нашего географа.

Положение отчаянное, хуже быть не может… Правда, где-то в глубине души теплились две надежды. Во-первых, полезные ископаемые есть во всех районах нашей страны, и учитель не обязательно будет спрашивать об Урале. Во-вторых, нас тридцать человек, почему должны вызвать именно меня?

Учитель развернул карты, стал прикреплять их к классной доске. Нетерпеливо слежу за его работой и с огорчением убеждаюсь: первая надежда безвозвратно угасла. Четыре карты, и

все уральские! Рядом с картой Свердловской области — карты Пермской, Челябинской, Оренбургской…

Вслед за первой угасла и вторая надежда:

— Загадкин, прошу к доске. Соберись с мыслями, расскажи о полезных ископаемых Урала.

Вышел к доске. Делаю вид, будто собираю мысли. Но где их возьмешь, если не раскрывал учебника?.. Смотрю на притихших товарищей, подаю глазами сигнал бедствия: авось кто-нибудь придет на помощь и ухитрится подсказать. Нет, тут и там на партах обе руки к груди прижимают. А это был условный знак: подсказка невозможна из-за атмосферных помех, попросту говоря, учитель сел так, что ему видно отвечающего и всех остальных.

Не повезло! Стою спиной к классу, невесело разглядываю карты. Но внезапно соображаю: спасен! Пришла помощь, и, самое важное, вовремя!

Беру указку, уверенно начинаю рассказывать:

Недра Урала богаты многими полезными ископаемыми: железными и медными рудами, нефтью, углем, солью, бокситами — сырьем для получения алюминия. Имеется на Урале золото, платина, никель, асбест, хрусталь, различные камни-самоцветы: изумруды, хризолиты и другие… Есть мрамор, гипс, иридий…

— Даже об иридии слышал? Хвалю, Загадкин, хвалю. В учебнике об уральском месторождении иридия не сказано. Наверное, еще где-нибудь прочитал? Это хорошо.

Люблю, когда меня хвалят, но от такой похвалы стало совестно: ничем она не заслужена. Нигде об иридии не читал, впервые догадался о том, что он есть на Урале, всего несколько минут назад…

— А на карте покажешь месторождения полезных ископаемых? — спрашивает учитель.

— Конечно, покажу…

По-прежнему медленно, но так же уверенно отмечаю указкой десятка полтора-два месторождений.

Словом, нежданно-негаданно ответил на четверку с плюсом. Получил бы пять, да сболтнул, что в Свердловской области добывают серебро, и смело показал, где находится его месторождение. Но выяснилось, что серебра на Урале вообще нет. Ошибся и с одним месторождением золота: в том месте, куда ткнул указкой, добычу золота не ведут.

Не подумайте, что, стоя у доски, я увидел на картах карандашные или чернильные пометки-подсказки. Карты были новехонькие, а на них только названия рек, гор, городов, поселков и железнодорожных станций. Не было на картах и пояснительных значков — кубиков, треугольников, ромбиков или

прописных букв, которыми картографы обозначают месторождения полезных ископаемых.

Кто же выручил меня, помог мне ответить на четверку с плюсом?

Не скажу, сами догадайтесь. Открою секрет — какая же тогда будет таинственная история? Впрочем, вы легко найдете этот секрет, если внимательно посмотрите на карты уральских областей, о которых я говорил.

Уже нашли? Что ж, таить секрет карты не в силах. Не правда ли, очень интересные карты-подсказки?

Город-путешественник

Могут ли путешествовать города?

Странный вопрос! Конечно, нет! Где построен город, там он и остается — растет вширь, но с места не сходит.

Что стало бы с географией, если б города меняли свой адрес? Сегодня, скажем, город стоит в устье одной реки, завтра переберется к устью другой, послезавтра вовсе уйдет в безводную степь! Ясно, что такой беспорядок недопустим: начни города двигаться по стране, так и географию никогда не выучишь! Город обязан стоять на месте!

Правда, из каждого правила есть исключения, но они только подтверждают правило. Я слышал о таких исключениях. И расскажу о них, потому что это важно для географов.

Один знакомый моряк явился на побывку в родной город, а города нет!

Моряк не растерялся, спрашивает:

— Где мой город?

— Переехал, — отвечают моряку.

— По какой причине?

— Новая местность больше по душе пришлась…

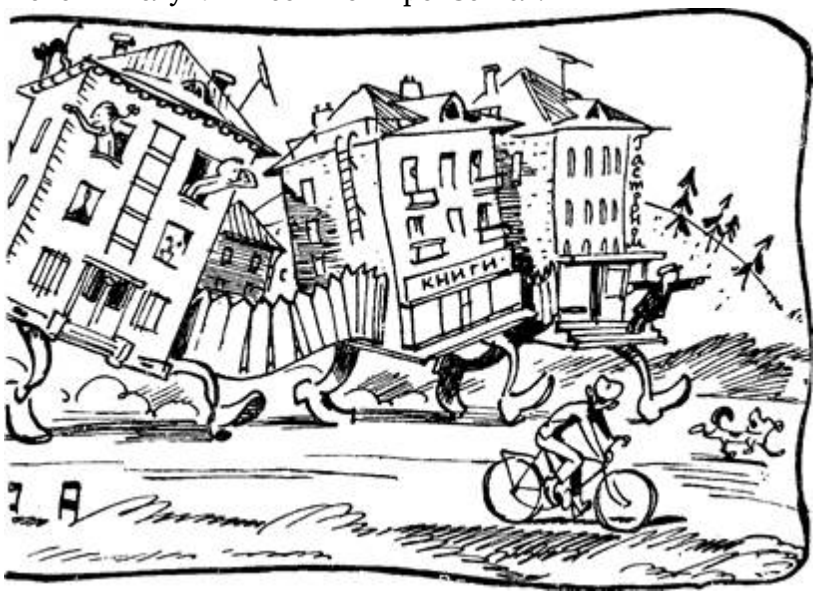
Такая же история была с другим знакомым моряком. Он тоже

поехал в родной городок и тоже не увидел ни домов, ни улиц.

— Где городок? — встревожился моряк. — У меня там невеста живет…

— О невесте не знаем, а городок недалеко, — любезно успокаивают моряка. — Идите прямо, никуда не сворачивая, вот этой дорогой и за сосновым бором найдете свой городок.

Похожий случай и со мной произошел.



Приехал я в большой областной город. По обыкновению, достаю карманный атлас из куртки, пририсовываю к кружку на карте флажок с буквами «ЗЗ»: это значит, здесь побывал Захар Загадкин.

Рисую флажок и вдруг замечаю, что назван город по имени одной речки, но, если верить карте, расположен совсем на другой. Неужели географы могли ошибиться? И неужели я первый, кто обнаружил ошибку?

Побежал к речке, что течет близ города, спрашиваю, как она называется. Действительно, ошиблись географы: не там где надо стоит город! За карту огорчился, а за себя порадовался: в наше время найти ошибку в атласе сумеет не всякий!

Отложил все дела, стал расследовать таинственное происшествие.

И что же выяснил? Напрасной была моя радость — город оказался известным путешественником: не раз менял свой адрес, то есть географическую долготу, а заодно и широту. Теперь-то он постарел, остепенился, а в молодые годы далеко хаживал, верст за 250 тогда еще на версты вели счет.

Основали этого путешественника в устье одной речки и имя по ней дали. Потом речка ему разонравилась, он перебрался В

сторону, немного там побыл, ушел к устью другой речки. Ну и привереда! А самое смешное: забыл имя изменить!

Съеденная гора

Один из моих приятелей, будущий историк, толковый паренек и отчаянный любитель пошутить, как-то сообщил мне о высокой и белой как снег горе. Над уровнем моря она поднялась всего на 170 метров, но стоит в степях и хорошо заметна издалека. Макушка ее напоминает сахарную голову и при восходе солнца кажется розовой, днем ослепительно сверкает, на закате становится багряной. А рядом с меняющей окраску макушкой будто бы высится гора пониже, не такая красивая, но не менее примечательная.

Приятель-шутник добавил, что о горах-соседках писали известные путешественники и он просто не понимает, почему я до сих пор не взбирался на эти вершины, не познакомил с ними юных географов.

— Исправь свою оплошность, Захар, — посоветовал приятель, — отправляйся к обеим вершинам, осмотри их со свойственными тебе наблюдательностью и умением видеть то, чего не видят другие…

— Где находятся и как называются горы-соседки? — оборвал я хотя и льстивые, но в общем-то верные слова.

— Одна называется Туз-Тюбе, имени второй не знаю, но обе расположены близ восточной границы Европы с Азией. Извини, уточнить адрес не могу, — я не географ, натолкнулся на Туз-Тюбе, когда изучал историю Пугачевского восстания. Не сомневаюсь, что искать горы надо в местах, где бывал сам Пугачев или кто-то из его соратников, по-моему, Хлопуша.

И вот случаю было угодно, чтобы я оказался неподалеку от тех мест. О вершинах я помнил и приступил к их розыску.

К моему огорчению, Туз-Тюбе на картах не было, показать дорогу к ней никто не брался, и с каждым днем я все яснее сознавал, что, пожалуй, не сумею увидеть ни эту гору, ни тем более ее безымянную для меня соседку. Но я не отчаивался, надеясь на удачу, которая обычно выручает Захара Загадкина.

И она выручила! В маленьком степном городке я разговорился с семиклассником-краеведом из школьного кружка, Этот семиклассник частенько слушал меня по радио, обрадовался нашей встрече и предложил быть моим проводником.

Вышли мы за город, и в степи сразу открылось нечто похожее на сахарную голову. Почему нечто? Потому, что голова была

сильно повреждена, будто побывала в боях: с одного бока полностью разрушена, с другого — сплошь изрыта.

— Кто ее так изуродовал?

Краевед-проводник пояснил:

— Так ведь она гипсовая. А гипс — ценное минеральное сырье; после обжига он становится алебастром и необходим строителям, в размолотом виде его применяют как удобрение. Голову давно взяли в работу…

— А Туз-Тюбе? Где она?

— У тебя под ногами!

Гляжу под ноги, потом немного в сторону отошел, — нет никакой горы!

— Не отвечай загадками, — попросил я. — Они не всегда хороши. Где Туз-Тюбе?

— Наберись мужества, Захар: ее съели!

— Как — съели?

— Очень просто: с рыбой, с мясом, с лепешками… Я не вру: перед тобой место, где была Туз-Тюбе.

— И от нее ничего не осталось?

— Подошва осталась, между прочим, толстенная, да озеро, которое ты видишь. Будешь купаться?

У сине-зеленого озера с поблескивавшими на солнце берегами было много людей. Я скинул одежду, ступил в воду, собираясь окунуться, но вода упрямо выталкивала меня обратно. Все же я поплавал, хотя пришлось поработать: руки и ноги едва преодолевали сопротивление воды.

— Наше озеро зимой не замерзает, — сказал мой провожатый, — однако не думай, что оно теплое. Жаль, не прихватил из города бутылку кваса; если б опустили ее метров на восемь, квас замерз бы через четверть часа.

— Озеро глубокое?

— Метров восемнадцать… Хочешь опуститься ниже дна?

— Зачем?

— Там, в подошве Туз-Тюбе, устроен подземный дворец. Если ты удачливый и мой братишка сегодня дежурит, он разрешит осмотреть дворец, пропустит в его залы.

— А спуск не опасен? Вода из озера не прорвется?

— Не беспокойся, от озерного дна до залов метров восемьдесят, да и дворцовые своды крепки.

Братишка краеведа был дежурным. Он включил нас в экскурсию, которая отправлялась под землю, и принес ватники. Дворец никогда не отапливали, и без ватников мы бы закоченели.

Я осмотрел более десяти залов и был настолько поражен их величиной, что решил ее измерить. Вот результаты моих

измерений: некоторые залы шириной 40–60 шагов тянулись в длину на 200–800 шагов! А расстояние от пола до сводов-куполов превышало высоту восьмиэтажного дома! Стены залов были украшены кристаллами и, отражая огни, поблескивали так же, как берега озера, где я купался. Около дворца в подземном городе с залитыми электричеством улицами и переулками трудились люди.

Вернувшись на поверхность, я кинул прощальный взгляд на полуразрушенную голову и простился со степным городком. Приятель-шутник, конечно, подвел меня, но я на него не в обиде.

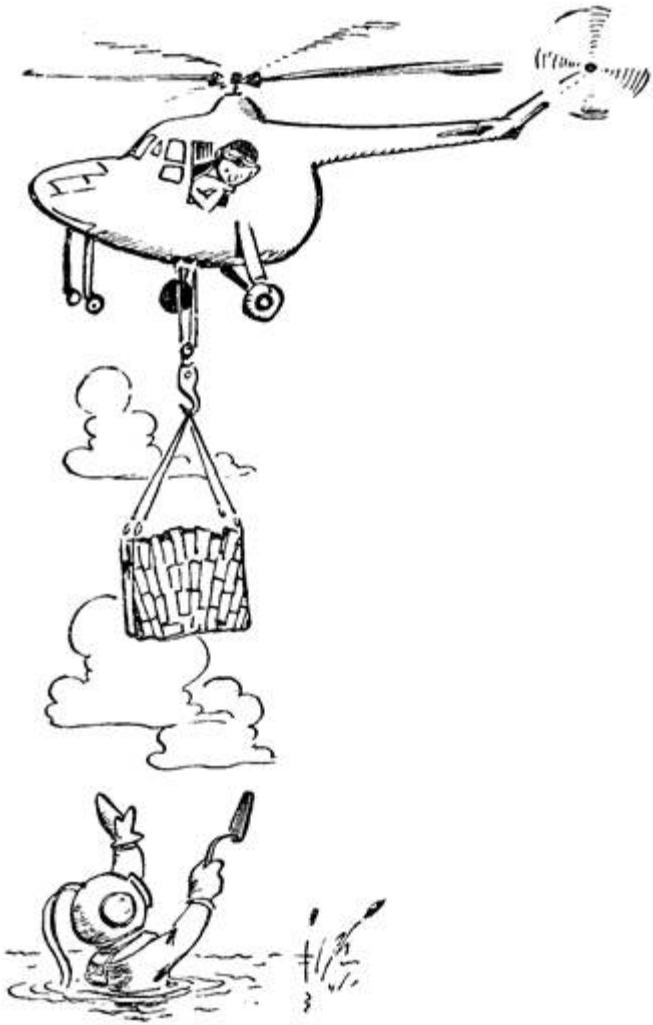
Стройка-невидимка

В одном из больших сибирских городов есть сад, в саду — кафе на открытом воздухе. Жарким летним днем я заглянул туда и увидел, что там едят мороженое. Кафе было полным-полно, и мне пришлось подсесть к столику, занятому двумя мужчинами; обоим как раз подали яичницу и кофе.

Уничтожая свои три порции мороженого, я невольно слушал чужую беседу. И наконец, глубоко пораженный, заговорил с соседями по столику.

Из услышанного я понял, что они давнишние друзья и что один был водолазом, второй — летчиком-вертолетчиком. Поразился не дружбе представителей разных стихий — водной и воздушной. И не тому, что друзья работали на одной стройке, хотя, казалось бы, какому строительству одновременно нужны водолазы и летчики! Меня смутило, что их стройка была… невидимкой! Точнее говоря, пока строители трудились, она оставалась видимой, как все стройки. Но, едва ее заканчивали, она делалась невидимкой, исчезала с лица земли!

Конечно, мне захотелось посмотреть необыкновенную стройку. Я намекнул об этом соседям по столику, когда они допивали кофе, а я колебался, не заказать ли четвертую порцию мороженого, чтобы побольше услышать о странном строительстве.



Водолаз и летчик, наверное, почувствовали, что перед ними любознательный, вдобавок симпатичный человек. Они ответили, что нет ничего легче, чем исполнить мое желание: сегодня у обоих выходной день. Но предупредили, что всю стройку показать невозможно, удастся осмотреть лишь кое-что.

Прихватив в дорогу бутерброды, мы покинули кафе. У входа в сад стояли мотороллеры моих новых знакомых. Я взобрался на сиденье позади водолаза, и машины тронулись.

Сперва мы ехали улицами огромного города, который на много километров раскинулся по берегу широкой и многоводной реки, потом мчались по шоссе. В ушах свистел ветер, направо и налево мелькали березовые перелески и леса.

У одной просеки мотороллеры остановились. Мои спутники завели машины в лесную чащу и пошли вдоль просеки.

— Знакомьтесь, вот наша стройка, — сказал водолаз. — Но тут она закончена, вы мало что увидите. Многое я не рассчитывал увидеть: помнил, что стройка — невидимка. Но, озираясь по сторонам, не увидел ровно ничего! Ближе к опушкам торчали пеньки, на просеке кое-где желтели горки глинистого грунта. И всюду было обилие земляники; крупные красные ягоды, словно огоньки, так и горели в траве возле пеньков.

Что такое строительная площадка, известно всем. Это участок земной поверхности, на котором строители занимаются порученным им делом. После ухода строителей на такой площадке остается новенький завод, а то и целый город.

Здесь было по-иному.

— В этом лесу работали не мы, — пояснил летчик. — Тут были другие товарищи. После них осталась просека, после нас не увидите и просеки. Наша работа еще незаметней. К примеру, по ту сторону шоссе — болото: ни пеший, ни конный не проберется — засосет! В той непроходимой местности мой вертолет понадобился. Лично мне тяжело пришлось: все, над чем трудился, как положено, в болоте сгинуло, но задание выполнил. Понятно, от стройки следа не осталось…

— И вы болотами занимаетесь? — спрашиваю у водолаза.

— Нет, болота — не моя стихия. Эта просека ведет к реке, где я работал. Мне тоже нелегко досталось: река широкая, течение быстрое, глубина порядочная. Все, над чем трудился, как положено, в воду кануло, но и я задание выполнил. Опять-таки, следа от стройки не найдете…

Вскоре просека вывела нас к реке, о которой говорил водолаз. На противоположном берегу двигались землеройные машины — экскаваторы и бульдозеры, к воде съезжали грузовики-самосвалы.

— Там стройка еще не закончена, поэтому хорошо видна, — сказали летчик и водолаз. — Но в недалеком будущем и от нее следа не сыщете…

— Значит, в недалеком будущем вас на другую стройку командируют?

— Отчего на другую? На этой хватит болот и рек. Наша строительная площадка — передвижная. Мы путешествуем с ней из Башкирии. Перевалили через Урал, теперь идем к Ангаре.

Тут некоторые торопливые умы скажут: «Эко диво! Нашел чем хвастаться Захар! Наверное, наблюдал, как прокладывали новую железную или шоссейную дорогу!»

Этим торопыгам я разъясню: «Новую железную или шоссейную дорогу запросто увидишь, — у них есть полотно. На железной дороге по нему кладут шпалы и рельсы, на шоссе его заливают асфальтом или бетоном. Я же был рядом о уже

построенным, даже над ним, и ничего не замечал. А постройка не мала: в длину почти на четыре тысячи километров тянется. Правда, ширина у нее в миллион раз меньше, зато высоты вовсе нет. Честное слово, ни сантиметра высоты!»

Яблоки на открытке

Под Новый год почта принесла мне около двухсот поздравительных открыток с пожеланием попутного ветра и новых приключений на суше и на море. Я с гордостью показывал открытки товарищам по мореходному училищу, и все, как один, дивились числу моих друзей — юных географов в разных концах нашей Родины.

Особенно привлекла общее внимание красивая самодельная картинка. На ней были нарисованы ярко-желтое солнце с острыми лучами, упирающимися в сугробы снега, а перед сугробами — поднос с румяными яблоками. Через всю картинку тянулась надпись: «С Новым годом, Захар! Помнишь мои яблоки?»

— Что это за яблоки? — пристали ко мне товарищи. — Расскажи, почему ты должен их помнить?

И я рассказал о происшествии, связанном с яблоками на подносе.

Три года назад самый конец декабря застал меня в маленьком сибирском городе. Дни стояли солнечные, хотя морозные: ртуть в термометре опускалась к сорока градусам ниже нуля. Под ногами похрустывал сухой снег, но, как обычно в Сибири, было безветренно. Во всех домах усиленно топили, и толстые канаты дыма поднимались над каждой трубой, почти недвижимо висели в воздухе.

Невесело встречать Новый год в одиночку, и я обрадовался приглашению семиклассника Вити Семенцова, который жил в этом городе и давно со мной переписывался.

Был солнечный полдень, но в семье Виктора уже готовились к приходу вечерних гостей. На кухне мать моего дружка пекла пироги, сестра нарезала тесто для пельменей, а на столе в большой комнате стоял поднос с яблоками, румяными, как на подбор.

Виктор усердно угощал меня. Я съел одно яблоко, второе, затем третье. Хозяин не отставал, и вскоре поднос был наполовину пуст. Я почувствовал себя неловко: пришел к малознакомым людям и за один присест уничтожил столько фруктов!

— Слушай, Витька, — сказал я, — тебе не попадет? Наверно, мать приготовила яблоки для гостей, а мы запросто расправились с половиной подноса!

— Не смущайся, Захар, ешь вволю! У нас этого добра много. Пойдем, сам убедишься…

Виктор провел меня в сени, распахнул дверь в кладовку. На фанерных полках я увидел множество вкусно пахнущих крупных яблок.

— Откуда такая уйма яблок?..

— Из собственного сада, — ответил Витя. — Он у нас показательный. Отец бухгалтер, а не садовод, но о его садовом мастерстве не раз в газетах писали. Летом десятки людей приезжают к отцу, и он каждому показывает, как надо выращивать яблоки в наших местах… Накинь шинель, своими глазами убедишься, какой у нас сад.

Мы вышли на крыльцо. Передо мной был обширный двор, с трех сторон огороженный забором. У забора росли густо осыпанные снегом ветвистые ели. Все остальное пространство между забором и крыльцом покрывали небольшие снежные холмики, похожие на сугробы, но не такие высокие.

— Где же сад? Не вижу ни деревца…

— Протри глаза, Захар, тут с полсотни яблонь!

— Разве это яблони? Это ели, на них растут не яблоки, а шишки!

— Ели с шишками у забора, а яблони во дворе! Неужели и теперь не видишь?

Передо мной по-прежнему ничего не было, если не считать невысоких сугробов-холмиков да призаборных елей…

— Брось шутить, Виктор, — взмолился я. — Всему свое время, сейчас шутки неуместны…

— Честное слово, я не шучу, — засмеялся Виктор. — Я не виноват, что у тебя невежественное зрение. Может быть, снег ослепил твои глаза? Ну, если не обучен видеть зимой, тогда приезжай летом, а еще лучше осенью: будешь сам снимать яблоки с деревьев! Думаешь, ты один способен задавать загадки? Спускайся с крыльца, погуляем по саду, чудак-простак…

Вот и вся история яблок на новогодней открытке. Я раскрыл секрет сибирских яблонь товарищам по мореходному училищу, и они признали, что, окажись на моем месте, тоже вряд ли сумели бы отыскать яблони во дворе, обсаженном елями.

О чем шепчут звезды?

Со звездами я знаком давно. Еще в четвертом классе допытывался у учителя географии, как называются особенно яркие и приметные звезды. В ясные ночи даже прибегал к нему за подзорной трубой.

Заметив мой интерес к далеким светилам, учитель решил, что я собираюсь стать астрономом, и одолжил мне карту звездного неба.

Я был крайне изумлен, неожиданно оказавшись среди густонаселенного небесного зверинца. На карте были Жираф и Лев, Змея и Единорог, Кит и Дельфин, Заяц и Ящерица, Орел, Скорпион и многие другие представители мира животных.

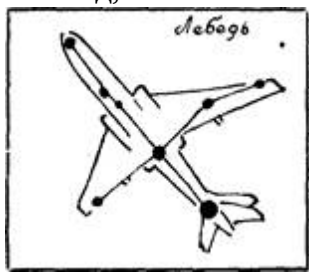
Сперва я недоумевал, почему созвездиям присвоены зоологические названия: сами созвездия ничуть не похожи на своих тезок — зверей, птиц или рыб. Потом выяснилось, что эти названия придуманы в далеком прошлом. Наблюдая за небом, древние астрономы поделили его на участки, в которых произвольно сгруппировали звезды в различные фигуры — созвездия, после чего дали этим фигурам фантастические имена, сохранившиеся до наших дней. На старинных картах неба изображали и животных, чьими именами названы созвездия.

Фигуры были нарисованы древними тоже произвольно: любое созвездие можно оконтурить, то есть обвести по-иному. Если есть желание, попробуйте этим заняться. К примеру, я нарисовал бы экскаватор вместо хвостатой Большой Медведицы, реактивный самолет — вместо Лебедя, трактор — вместо Большого Пса и так далее. Все эти машины и механизмы еще не были изобретены в ту пору, когда древние астрономы давали имена звездам. На следующих страницах я начертил свой проект изображения созвездий и очень огорчен, что переименовывать их уже поздно, да и нет надобности.

Астрономом я не стал, но умею пользоваться звездами для определения курса и положения корабля в море. При случае покажу многие известные мне созвездия и, если хотите, научу находить Полярную звезду — ее точный адрес необходим каждому юному географу. Словом, в звездах я разбираюсь неплохо и думал, что у них нет тайн от Захара Загадкина.

Но вот года четыре назад с удивлением узнал, что звезды будто бы шепчутся, причем их шепот может слышать любой

человек. И даже без особо чувствительных слуховых аппаратов, а невооруженным ухом, так же, как мы видим звезды невооруженным глазом — без телескопа или подзорной трубы! В некоторых местностях нашей страны якобы до того часто слышен шепот звезд, что там не обращают на него никакого внимания.



Поначалу я решил, что это выдумки. Звезды удалены от Земли на триллионы и сотни триллионов километров. Не то что шепот — самый громкий крик исчезнет на таком чудовищно большом расстоянии, Но вскоре о шепоте звезд прочитал в одной книге, затем в другой, в третьей. Тогда я принялся искать людей, слышавших звездный шепот. Длительное время поиски оставались напрасными: к кому б ни обращался, никто не мог ответить на мои вопросы. А те, кто не заглядывает в научные книги, открыто подшучивали над Захаром Загадкиным.

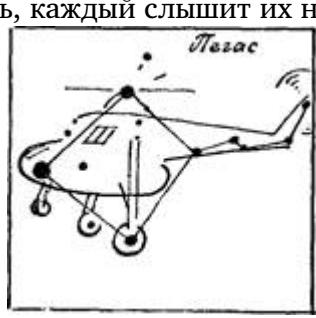
Наконец мне посчастливилось встретить молодого геолога, и тот сказал:

— Да, слышал! Любопытнейшее явление природы…

— А на каком языке шепчут звезды? На русском?

— Иностранными языками не владею, — ответил геолог.

— Но знаком с французом, который рассказывал, о чем шепчут звезды, хотя по-русски он мало что понимал. Должно быть, каждый слышит их на своем родном языке.



— О чем же они шепчут?

Геолог сообщил мне, что несколько лет назад его отряд

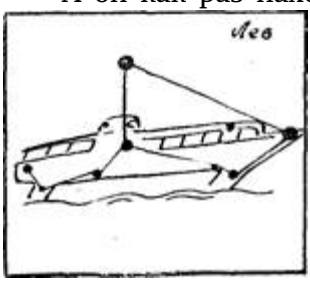
работал далеко на севере Якутии, в верховьях горной реки. В зимние дни температура падала там до 70 градусов ниже нуля, в остальное время года тоже было нежарко.

— Знаю, знаю! — воскликнул я, — Вы были на полюсе холода!

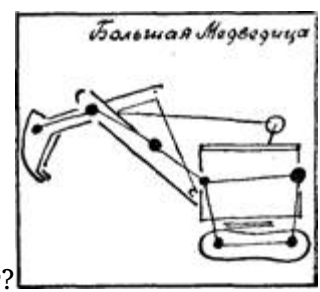
— Совершенно верно, — обрадовался геолог, — Как это вы угадали?

— По тайному смыслу ваших слов. До семидесяти градусов температура падает в северном полушарии только на полюсе холода.

А он как раз находится у верховий горной реки Индигирки.



— Правильно, — подтвердил геолог. — Именно там я слушал шепот звезд. Правда, его слышат и в других, менее холодных районах Якутии, но в тех районах я не бывал. А на Индигирке был, и, откровенно скажу, места не очень пригодные для жизни человека.



— Наверное, там никто и не живет?

Еще как живут! Тысячи молодых парней и девушек приехали туда, выстроили близ полюса холода город с десятками улиц и множеством домов, проложили дороги. Теперь к полюсу холода можно добраться и на автобусе.

А зачем явились туда эти парни и девушки?

Однажды им задали такой вопрос. Знаете, что они ответили? «Мы приехали на полюс холода, чтобы сделать его теплей!» И ведь сделают, но вовсе не потому, что они построили электростанцию и ее теплом обогревают дома, выращивают овощи в оранжереях. Поняли, о чем шепчут звезды?

Соперник великих объедал

Сказочную повесть французского писателя Рабле о добром великане Гаргантюа и его сыне Пантагрюэле я прочитал в раннем детстве и до сих пор ее люблю. Тому, кто забыл эту сказку, напомню: великан и его сын были большими любителями покушать. К завтраку Гаргантюа подавали несколько дюжин окороков и колбас, за обедом он уничтожал вдоволь мяса и похлебок, запивая съеденное бочонком вина. Таким же великим объедалой был и Пантагрюэль.

Как ни странно, но на вокзале в городе Красноярске мне довелось познакомиться с человеком, чей аппетит не уступит аппетиту сказочных великанов Рабле.

Знакомство произошло в вокзальном ресторане. Я обедал рядом с упитанным рослым мужчиной и с удивлением заметил, что мой сосед почти ничего не ест. Хлебнув ложку борща, он тут же отодвинул тарелку. Принесли отбивные котлеты, сосед отрезал небольшой кусок и тоже отставил тарелку. Такая же судьба постигла компот.

— Не нравится или к еде равнодушны? — спросил я.

— Нравится, да аппетита нет: утром на пароходе плотно позавтракал, — ответил сосед. — Меня в равнодушии к еде никак не упрекнешь. Наоборот, люблю покушать. Бывает, до того разыграется аппетит, что удержу не знаю. Поверите ли, как-то за

одну ночь съел полторы сотни булочек, полсотни тарелок супа, столько же бифштексов, рамштексов и шницелей, закусил дюжиной банок компота. О разной мелочи, вроде десятков килограммов печенья, конфет, фруктов, и говорить не буду — всего не упомнишь. И не скажу, что переел: съел ровно столько, чтобы быть сытым.

— И со всей пищей этой за одну ночь управились?

— Представьте, за одну! Думаете, только и делал, что ел? Нет, и работал. Очень даже неплохо работал. За ту ночь мне почетную грамоту дали. Хотите посмотреть? Она у меня в чемодане лежит.

Любитель покушать раскрыл чемодан и достал почетную грамоту. Он оказался металлургом, плавил медь на большом комбинате, построенном в годы Отечественной войны. В ту ночь он действительно хорошо поработал: почти вдвое перевыполнил план выплавки!

Мы расплатились за обед и пошли к поезду, который уже стоял у перрона. Надо ли пояснять, где жил и работал этот соперник великих объедал, как я стал называть нового знакомого, узнав, сколько он ухитрился съесть за одну ночь?

Две неразгаданные загадки

Политическая карта СССР — давнишняя спутница моей жизни; мне подарили эту карту, едва я начал ходить в школу. Географом я еще не был, но, разглядывая подарок, неожиданно открыл, что в одной из автономных советских республик нет железных дорог. Причем не в какой-нибудь небольшой, а в самой обширной — в Якутии.

Я не сразу поверил этому, решил, что карта бракованная: на ней забыли нарисовать якутские железные дороги или в типографии не хватило краски для всех путей сообщения нашей Родины. Но через некоторое время я узнал, что в Якутии действительно нет железных дорог.

Оказалось, что до Великой Октябрьской революции ни в

Якутию, ни из Якутии почти не ездили, ничего не возили. Царь ссылал туда революционеров, их гнали пешком или доставляли в повозках под конвоем жандармов. В ту пору никто не предполагал, что якутская земля богата полезными ископаемыми.

А почему после революции не построили железных дорог?

По-моему, я нашел ответ и на этот вопрос. Месторождения алмазов, природного горючего газа, нефти, угля, железных и других руд разведали в Якутии не так давно, а в наши дни людей и грузы перевозят не только поезда. Стремительные самолеты за немного часов пересекают страну якутов в любом направлении, на ее реках появились скоростные теплоходы и электроходы, по ее новым шоссе круглые сутки бегут автомашины, у причалов ее заполярных портов швартуются корабли, пришедшие Северным морским путем. К тому же прокладывать железные дороги но Якутии крайне трудно: страна огромная, расстояния большие и всюду топкие болота, горы, вечная мерзлота. Впрочем, я не сомневаюсь, что в недалеком будущем Якутия тоже обзаведется рельсовыми путями, и даже наметил в своем атласе, где надо провести ее первую железную дорогу.

Но вот осенью 1960 года услышал по радио, что в якутский поселок Мухтую пришли… поезда из Брянска.

Сначала я подумал, что диктор оговорился и поезда пришли не в Мухтую, а в Мухтолово — мало кому известную станцию на железной дороге из Москвы в Казань. Я помнил об этой станции потому, что однажды проезжал мимо нее и попутчики купили там

знаменитого арзамасского гуся.

Оговорка диктора меня огорчила: она могла вызвать страшную путаницу. В 230 километрах от Мухтуи находится город алмазников — Мирный. В его окрестностях сооружают рудники, поселки, туда едет множество народа. И все, кто слышал диктора, будут приставать к вокзальным кассирам: дайте билет до Мухтуи! А поездом в Мухтую не проедешь — железных дорог в Якутии нет.

Месяца через полтора опять передавали по радио о поездах, прибывших в Мухтую, На этот раз диктор не поскупился на слова, и я услышал, что пришли не товарные или пассажирские составы, а энергопоезда — электростанции на колесах. Передвижным фабрикам электричества поручили давать ток Мирному, пока на реке Вилюй не построят гидростанцию.

Не спорю, главное в энергопоезде — машины, вырабатывающие электричество. Вместе с тем нельзя забывать, что он — поезд и для того, чтобы он двигался, нужны рельсы.

«Как же так? — размышлял я. — Если проложили первую якутскую железную дорогу, то почему ее нет на картах, отпечатанных в нынешнем году? От ближайшей, наверняка существующей железнодорожной станции до Мухтуи не меньше 700 километров, такую длиннющую дорогу обязательно должны были нарисовать на картах!»

Я терялся в догадках и предположениях. Конечно, поезда из Брянска могли дойти своим ходом до Усть-Кута — есть такой географически интересный городок в Иркутской области. Он примечателен тем, что у него три имени: сам городок — Усть-Кут, его железнодорожная станция называется Лена, а речная пристань — Осетрово. От этого Осетрово к Мухтуе и дальше вниз по Лене ходят речные суда. Однако на их палубах или в трюмах энергопоезд не уместишь: хотя он и короче обычного поезда, а все же состоит из нескольких вагонов-цехов и вагона-общежития. Как ни тяжело сознаться, но происшествие с поездами осталось для меня загадкой.

Вскоре, будто назло, услышал по радио еще об одном странном происшествии в Якутии. Какая-то девушка рассказывала, что плыла по реке Лене на «Ракете» — теплоходе с подводными крыльями. Как попал такой теплоход на Лену? Строят «Ракеты» в Горьком, на Сормовском заводе. Правда, у них есть крылья, но подводные, по воздуху сормовская «Ракета» не летает; в железнодорожном вагоне ее тоже не привезешь — слишком велика. Вряд ли она пришла на Лену и Северным морским путем: «Ракеты» — теплоходы речные, заполярные ледовые моря не для них.

Словом, две загадки, и обе не разгаданы!

Немыслимые грибы

Ходить по грибы большое удовольствие. Последние годы оно редко выпадает на мою долю: в морях и океанах по грибы, как известно, не пойдешь. Зато, если окажусь в лесу, со мной мало кто сравнится — знаю все грибные повадки! Иду лесной тропой и замечаю: «Тут должны быть боровики, там — маслята, а там — березовики или лисички». И, как правило, не ошибаюсь. Секрет в том, что каждому грибу нужна особая природная обстановка, а я в этой обстановке разобрался и потому знаю, где и какие грибы искать. Иногда сам поражаюсь своему мастерству в грибном деле.

В нашем мореходном училище учатся ребята из разных областей Советского Союза. Те, кто из степных районов, с грибами плохо знакомы: лесов на их родине нет. И недавно я увлекательно рассказывал этим степнякам о своем грибном умении.

Слушали меня, не пропуская ни слова, лишь самые недоверчивые время от времени покачивали головой.

Но один товарищ неожиданно сказал:

— Чем гордишься, Захар? Грибным умением? Так ведь твое умение жалкое! Ты грибы собираешь или ищешь?

— Сперва ищу, потом собираю.

— То-то и оно! А я никогда не ищу, сразу начинаю собирать! И не я один: у нас все так по грибы ходят.

— Никто не ищет, а все собирают? Вот это ловко!

— Ловкость тут ни при чем. Для чего искать, если гриб издалека заметен, метров за пятьдесят, а то и за сто! Подходи Да клади в лукошко…

— А грибы какие?..

— Березовики, словно на подбор…

— И большие?

— Не маленькие.

— С палец, например?

— Нет, бери крупнее масштаб…

— С два пальца?

— Что ты на пальцы меряешь? Наши грибы выше дерева!

Тут я понял, что товарищ шутит, и рассмеялся:

Я думал, ты всерьез говоришь. Гриб-гигант в лукошко не положишь, домой не отнесешь… Да и кому он нужен? Такой гриб надо есть всей деревней…

— Зачем — всей деревней? Я один съедаю десятка три…

Вы бы посмотрели на этого хвастунишку! Конечно, он не заморыш, а паренек что надо: и ростом вышел, и в плечах широк. Но три десятка грибов выше дерева в него никак не влезут!

И я спокойно ответил:

Ври, да не завирайся! Это физически невозможно. Три десятка грибов-гигантов в тебя не вместятся.

— Речь не о том, вместятся или не вместятся. Ты, Захар, лучше спроси, почему искать не надо? А потому, что в наших местах грибы особенные, очень высокие. Шагаешь по лесу, обрати внимание: по лесу, а они, как зонты, над деревьями высятся…

— Извини, таких чудес не бывает.

— Чудес? Хочешь, покажу фотоснимок? — И хвастунишка протянул мне фотографию размером с открытку.

Действительно, гриб раза в полтора выше дерева! Дерево у него под шляпкой свободно растет. И гриб, и дерево я признал: дерево — береза, гриб — березовик!

— Это фотофокус, — не смутившись, говорю хвастунишке. — Отдельно сняли гриб, отдельно березу, потом оба снимка отпечатали на одной фотокарточке. Если б такие грибы существовали, о них бы в научных книгах говорилось…

— И говорится! — крикнул товарищ. — Сейчас принесу

книгу.

Спустя минуту-две книга лежала передо мной. Как я ни упрямился, а должен был поверить, Оказывается, грибы выше дерева вовсе не такая диковина — они растут во многие районах нашей страны. Пойдете по лесу, высматривайте, не встретятся ли такие грибы. Только надо знать, в каких лесах они попадаются…

Часы моего друга

Еще в то время, когда я плавал юнгой на торговом корабле, в одном из заграничных портовых городов мой друг корабельный кок повел меня в музей часов.

Каких только часов там не было! Я видел часы наручные, карманные, нагрудные, видел часы каминные, настенные и башенные, песочные и водяные. Я, узнал, что есть часы величиной с булавочную головку — их надо рассматривать в микроскоп; старинные часы высотой в четыре этажа; часы-глобус, показывающие время на разных меридианах земного шара.

Осмотрев весь музей, я решил, что хорошо познакомился с часами, и никак не ожидал, что именно с ними у меня будет связано малоприятное приключение. Произошло оно в Подмосковье, но могло случиться в любой из областей средней полосы нашей страны.

Должен признаться, что той весной у меня были нелады с алгеброй, точнее, с многостепенными уравнениями и корнями. У моего дружка Пети, которого я навестил в Подмосковье, где его отец работает садоводом в совхозе, тоже были неприятности, но уже с геометрией. Встретившись, мы решили несколько дней с утра до вечера пополнять свои математические знания. А чтобы не слишком уставать от занятий, договорились каждый час устраивать перерыв и играть в шахматы.

Еще не было семи часов утра, когда мы позавтракали и, прихватив учебники, тетрадки, шахматную доску и кое-какую еду, побежали за совхозные огороды. Там рос еловый лесок, на самой его опушке стояла деревянная банька.

Расположились в баньке у распахнутого настежь окошка. В баньке — приятная прохлада и полная тишина. Я самоотверженно штурмую алгебру, Петя — геометрию.

Решил несколько труднейших задач и вдруг соображаю, что забыл дома часы. Гляжу на Петину руку: вот не повезло, он тоже без часов! И я высказал мучившее меня сомнение:

— Не пора ли, Петя, отдохнуть?

Петя посмотрел в окно и обрадованно заявил:

— Самая пора, девятый час…

— Ты уверен? — спросил я. — Ты смотрел на часы за окном?

— Часов там нет, да мне они и не нужны, — усмехнулся

Петя, — я хорошо определяю время без них.

— А достаточно точно?

— За минуты не поручусь, но с точностью до часа определю.

— По солнцу, что ли?

— Могу и по солнцу, но от нас солнца не видно…

Петя был прав: единственное окно баньки выходило прямо на север.

— Как же ты узнал время?

— Посмотрел и определил.

Я подумал, что возле баньки есть солнечные часы, и высунулся из окна, — нигде и намека на такие часы! Слева — большое картофельное поле, справа — льняное, а перед глазами — залитая солнечными лучами продолговатая клумба. За ней обширный, недавно скошенный луг. Ни деревца, ни столбца, ни строений или других предметов, от которых падала бы тень, позволяя опытному человеку определить время. Может быть, Петя наблюдал за движением тени от нашей баньки? Нет, тени от баньки не было: с южной стороны баньку прикрывали от солнца густые ветвистые ели.

Примерно с час мы сражались в шахматы. Потом Петя поглядел за окно и, обернувшись ко мне, нехотя сказал:

— Около десяти, Захар, давай математику учить…

Мы вернулись к учебникам и усердно работали, пока Петя, снова выглянув в окно, не воскликнул:

— Ура, Захар, время полдничать, двенадцатый час! Закрывай алгебру!

Достали молоко, яйца, хлеб. Поели и принялись за отложенную партию.

Так провели почти весь день. Час играли, час занимались. Высовываясь за окно и называя время, Петя подавал команду браться за книги или отдыхать.

Петино умение определять время без часов крайне заинтересовало меня. И я не то что об алгебре думать не мог, даже в шахматных фигурах начал путаться. Во второй половине дня я не выдержал:

— Знаешь, Петя, заело меня любопытство. Не могу ни корни извлекать, ни с уравнениями возиться. Другую задачу решаю — о твоих часах, а ответа никак не найду. Будь другом, открой секрет…

Петя засмеялся:

— Давно бы так, Захар. Ты гордый: мучаешься, а молчишь. Пойдем, покажу часы.

Мы вышли из баньки. Петя подвел меня к продолговатой клумбе и сказал:

— Вот они, мои часы! Отец каждый месяц их выверяет…

Разве это часы? Это — клумба. Где у нее циферблат и стрелки? Одни цветы, и те не ахти какие красивые… Будь я садоводом, подобрал бы растения покрасивей и понарядней, а тут много мелких полевых цветов…

На всякий случай я тщательно обследовал клумбу: не спрятаны ли среди цветов обыкновенные часы? Нет, подвоха не обнаружил. Пришлось сказать, что я не в силах раскрыть секрет.

И Петя объяснил мне механику часов-клумбы, хотя механики-то в часах и не было!

Драгоценный корень

Что такое корень? Обыкновенная, вросшая в землю часть растения, через которую оно всасывает соки из почвы. Я знал это с детства и потому не мог поверить, что среди корней попадаются драгоценные. Такие, что их ценят на вес золота!?

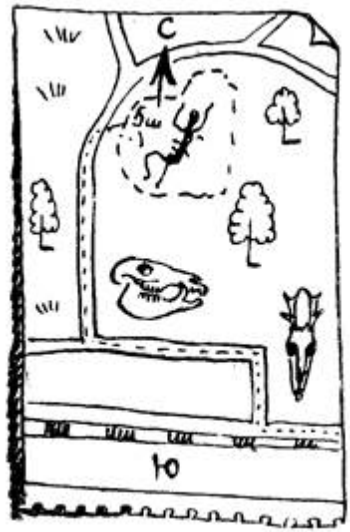
Впервые услышал о драгоценных корнях, когда плавал в дальневосточных морях, Услышал от корабельного кока и не Успокоился, пока не раздобыл книжку об этих корнях, Прочел ее, посмотрел картинки и только тогда поверил коку.

С виду редкостный корень похож на маленького человечка с руками, ногами и головой; китайцы даже называют его «человек-корень». Конечно, такую диковину в суп не кладут, как петрушку или сельдерей, а делают из нее лекарства. В старину считали, что подземный человечек излечивает любую болезнь. Но это преувеличение, хотя от некоторых болезней он отлично помогает.

Тем, кто заинтересовался корнем, скажу, что он принадлежит многолетнему травянистому растению-дикарю. А само растение водится в горной тайге, и найти его крайне трудно, особенно теперь, когда большинство корней уже выкопано. Стебель у растения невысокий, с несколькими листочками. Летом на нем появляются бледно-зеленые мелкие цветки, потом цветки опадают, остается красная головка-ягода. Эта ягода и выдает подземного человечка.

Однажды, когда наш корабль стоял во Владивостоке, а у меня выдался свободный денек, я отправился в окрестную уссурийскую тайгу. Километров сорок проехал на попутном грузовике, вылез из машины и углубился в лес.

Хороша уссурийская тайга! Толстые белокорые ильмы, высоченные кедры, красавцы грабы, различные вьющиеся растения… Иду, любуюсь природой, и вдруг — знакомый но



картинкам стебелек! Неужели «человек-корень»?

Он, и не один! Рядом второй, третий, пятый, десятый… Да что десятый, передо мной сотни или тысячи драгоценных растений! Целые заросли «человека-корня» расположились под деревьями. Вот это повезло Загадкину, такой клад в тайге нашел! И что удивительней всего, неподалеку от проезжей дороги! Наверное, потому и нашел, что собиратели корня ищут его в самой таежной глуши, а близ дороги даже под ноги не смотрят…

Не подумайте, что я начал выдирать корни. Нет, во-первых, все богатство не унести — очень уж много растений. Во-вторых, корни нужно выкапывать осторожно, чтобы не повредить тонкие отростки, а, кроме ножа, при себе ничего не было. В-третьих, на вес золота ценятся старые корни, а возраста найденных растений я не знал. Откопал один корешок, спрятал в карман, рассчитывая показать сведущим людям.

Место находки решил запомнить. Вырвал листок из записной книжки, промерил расстояние от дороги, пунктиром нанес свой путь со всеми поворотами. У одного поворота белел череп козули, у другого — череп кабана; оба черепа тоже нарисовал на плане. Сверился с компасом и жирной стрелой указал север. План получился, как в «Острове сокровищ»!

Вернулся на судно, рассказываю о находке коку. Поначалу он не верил, но, увидев корешок-образчик и узнав, где я отыскал заросли, принялся меня поздравлять. А потом как захохочет на весь камбуз. Минут пять хохотал кок. Остановится, посмотрит на меня, схватится за живот и опять хохочет! Трясутся, звенят миски и кастрюли, будто им тоже смешно.

Когда кок до слез насмеялся, взял он мой план, разорвал на части и сунул в горящую топку.

— Что ты делаешь? Как мы найдем это место?

— Не надо его находить, Захар. Хороший ты парень, но никому твой клад не нужен…

— Почему? Корни фальшивые?

— Нет, корни настоящие, каждый много денег стоит. А находка все-таки не нужна, потому не нужен и твой план. Гляди, как весело он горит в топке…

Необыкновенный человек

Этот необыкновенный человек — мой товарищ по мореходному училищу,

Внешне он такой, как все. Странности за ним тоже не водятся, разве что любит посмеяться над простачками, — что-нибудь придумает, ему поверят, а он приплясывает и кричит: «Поймал карася на удочку!» Но это не странность, при случае я сам не прочь пошутить. Словом, ничего особенного за ним не примечал, пока в канун Нового года мы откровенно не побеседовали.

— Знаешь, Захар, — грустно сказал он, — я не хуже других, а всего четыре раза праздновал день своего рождения.

— Сколько же тебе лет? — спросил я.

— Прикинь сам, это несложно: праздновал четыре раза, значит, идет пятый год…

— Не может быть! — удивился я, — На вид тебе никак не меньше шестнадцати лет,

— Вид обманчивый, я выгляжу много старше своего возраста. Это мое счастье, иначе бы в мореходное училище не приняли. Ты даже не представляешь, как обидно, что я только четыре раза справлял день рождения!

— А не забывал справлять?

— Что ты, память у меня отличная! И я очень люблю этот день: братья и сестры — а нас одиннадцать человек! — обязательно подарки присылают. Дело куда серьезней, Захар: вся моя семья не в ладах со временем. То отстаем от него, то забегаем вперед, никак не можем приноровиться. Понимаешь, какая история была со старшим братом, который работает летчиком на Крайнем Севере, Однажды отправился он в срочный полет, и произошло такое, что рассказывать совестно — мало кто верит: вылетел брат на восходе солнца, а прилетел за час до рассвета!

— Что ж тут совестного? Самая обычная история: многие начинают поездку на восходе солнца, а заканчивают ее перед рассветом — расстояния в нашей стране большие, их даже на самолете за сутки не всегда преодолеешь. Этому любой поверит.

— Конечно, поверит, если б мой брат прилетел за час до рассвета на другие, третьи, пятые или десятые сутки. А он прилетел на рассвете того дня, в который на восходе солнца

отправился в путь! Горько признаваться, но нелады со временем у нас семейная черта…

— Неужели семейная? И передается по наследству?

— Суди сам. Как-то под вечер отец решил покрасить шлюпку — он на Дальнем Востоке во флоте служит. Взял кисть, ведро с краской и две недели мазал кистью и мазал! Не ел, не спал, за тринадцать суток глотка воды не выпил. Шлюпку покрасил хорошо, но посмотрел на календарь и за голову схватился: батюшки, сколько времени проработал! Бывает с ним и другое. То

за ужином просидит двое суток, а съест миску каши да стаканом молока запьет, то за день дважды позавтракает, дважды пообедает, дважды поужинает. Случается наоборот: целый день ничего в рот не возьмет, а голода и жажды не испытывает. И с Новым годом у него неувязки: то дважды встретит, то соберется встречать, а Новый год уже прошел!

— А у тебя с Новым годом все в порядке?

— Какое в порядке! В прошлом году задумал в полночь всех братьев и сестер по телефону поздравить. Пошел на телефонную станцию и простоял в будке десять часов! Думаешь, ждал, пока соединят или пока родные к телефону подойдут? Нет, всех десятерых точно в полночь поздравил. А десять часов в будке простоял, даже ноги затекли…

— И завтра поздравишь по телефону?

— Хотелось бы, да боязно идти на телефонную станцию, наверняка опять какая-нибудь неприятность со временем произойдет. Оно со мной не в ладах, я — человек необыкновенный…

— А не тяжело быть необыкновенным?

— Было тяжело, теперь привык…

Как я посрамил корабельного кока

«Захар, непременно расскажи, как ты посрамил корабельного кока в научном споре», — сотни таких просьб прислали и до сих пор присылают мне читатели «Воспоминаний юнги Захара Загадкина». Корабельный кок — мой лучший друг и товарищ, но с ним будь настороже! Чуть оплошаешь в вопросах географии, он тут же уличит тебя в неточности и… высмеет! Правда, не зло, а добродушно, но кому приятно, когда над ним смеются?

В годы наших плаваний на торговом корабле я не раз попадал впросак, не заметив географической ловушки в словах кока. И заветной моей мечтой было отплатить ему той же монетой: поймать на географической ошибке и высмеять. Заветной, да не так-то легко осуществимой: кок — большой знаток географии. Но я верил в себя, не сомневался, что рано или поздно минута моего торжества наступит. И она наступила!

Это случилось вскоре после тех плаваний, когда корабельный кок показал мне Европу в Африке, Африку — в Азии, Америку — тоже в Азии, а заодно убедил в том, что на обыкновенном морском корабле можно обогнуть Азию за какие-нибудь час-полтора. Вспоминать об этих удивительных, но малоприятных для меня открытиях не хочется: тогда был посрамлен я, а не корабельный кок. Расскажу о другом открытии, которое и принесло мне долгожданное торжество.

В сундучке у кока хранилась картинка, которой он очень дорожил. Многие, наверное, встречали такую же картинку в книгах по истории и географии: на ней изображен средневековый путешественник с посохом, добравшийся до… Края Света! В старину представление о Вселенной было самое нелепое. И на рисунке показана холмистая поверхность нашей планеты, а над ней — твердый небосвод, похожий на полый стеклянный полушар, каким буфетчицы накрывают тарелки с сыром или колбасой.

На внутренней стороне небосвода нарисованы Солнце и Луна с человеческими лицами, крупные и мелкие звезды. Дойдя до Края Света, где небосвод соприкасается с Землей, средневековый путешественник не то отыскал, не то пробил дырку в небосводе и

сунул в нее голову. Опустившись на колени, он увидел по ту сторону дырки фантастические солнца и луны, круги и колеса непонятного назначения.

Признаться, я недолюбливал этот рисунок. Всякий раз, уличив меня в географической оплошности, корабельный кок вспоминал о нем:

— Ты, Захар, как тот путешественник на Краю Света: не знаешь простых вещей, известных даже судовому повару!

Но вот, плавая вдоль тихоокеанских берегов нашей Родины, я открыл, что Край Света существует! Будьте осторожны и не смейтесь над Захаром Загадкиным, как смеялся кок, когда я сообщил ему о своем открытии: не хочу нечаянно посрамить и вас.

В то памятное пасмурное утро наш корабль шел над Курило-Камчатской впадиной. Справа по борту из тумана возникали и снова уходили в туман Курильские острова. В море промышляли сайру рыбацкие суденышки, работали плавучие рыбоконсервные заводы.

С нами плыл во Владивосток ученый-вулкановед, возвращавшийся с Камчатки. Он часто бывал на Курилах и интересно рассказывал о природе этой островной окраины нашей страны.

— Вы что-нибудь слышали о Крае Света? — в то утро спросил ученый, показывая рукой на пустынный скалистый мыс. — Вот он перед нами…

Мы проходили восточнее большого острова, самого крупного

в Малой Курильской гряде. Гряда нанесена на карты, и я с опаской посмотрел на вулкановеда: неужели он знает о картинке в сундучке кока?

— Край Света — выдумка средневековых путешественников, — сердито ответил я. — На самом деле его не было и нет!

— Вы правы только частично, — возразил ученый… — Его не было, но он есть.

— Поклянитесь, что это правда!

— Клянусь! — улыбнулся вулкановед и рассказал, что он увидел на Краю Света, когда был там года два назад.

Новость оказалась исключительно важной, и я немедленно побежал к корабельному коку.

— Чепуха! рассмеялся кок. — Теперь не средние века, давным-давно доказано, что Край Света не существует! Пойдем полюбуемся на мою картинку…

— Полюбуемся! — крикнул я. — Но по пути справимся у человека науки.

Кок был потрясен тем, что услышал от ученого-вулкановеда, и не мог произнести ни слова. А я был так счастлив, наконец-то посрамив всезнающего повара, что даже не стал его высмеивать.

Вечером кок достал из сундучка картинку со средневековым путешественником на Краю Света и подарил мне с такой Драгоценной надписью: «Захару Загадкину на память о том, как он посрамил меня в научном споре».

Жду весточки от тебя

Кончилась последняя запись в дорожной тетради, и мы расстаемся, друг читатель.

Ты был моим верным спутником, порой посмеивался над Захаром Загадкиным, поучал меня, порой огорчался, когда я попадал впросак, или радовался, что я выходил из беды.

Мы побывали во многих местах нашей Родины.

Ты можешь спросить, почему не было приключений на Украине, в Белоруссии, Литве, Эстонии, Молдавии, да и там, где ты оказывался рядом со мной, мы видели далеко не все. Отвечу просто: пути-дороги выбирал не я, их прокладывала моя жизнь. А я записывал в тетрадь только то, что сам наблюдал, пережил, услышал.

Мне грустно расставаться. А тебе? И я пишу эти прощальные строки, втайне надеясь на встречу с тобой.

Кто знает, что будет завтра, где удастся побывать, что посчастливится увидеть? У меня свои мечты, у тебя — свои. Не объединить ли наши мечты, не отправиться ли в новые необыкновенные путешествия? Тогда посоветуй, куда поехать, что посмотреть.

А еще лучше — по хорошему географическому обычаю нанеси на контурную или самодельную карту маршруты наших будущих путешествий.

У моряков и путешественников вроде меня нет постоянного домашнего адреса. Поэтому пиши на конверте: Москва, А-47, улица Горького, 43. Дом детской книги. Захару Загадкину.

Жду весточки от тебя, любитель путешествий и таинственных историй.

С морским приветом Захар Загадкин

Научные примечания Фомы Отгадкина

Моя первая научная работа

***У** каждой научной работы бывает предисловие. Поэтому я тоже решил начать с предисловия.*

Дорожная тетрадь Захара Загадкина полна недомолвок. Как-то я упрекнул Захара за эту неприятную особенность его записей. И, представьте, что он ответил: «К чему лишние слова? Говорить надо так, „…чтобы словам было тесно, мыслям — просторно“». Ну и странно же он понял эти строки из стихотворения Н. А. Некрасова.

Неприятно и то, что Захар рассказывает о своих приключениях с хитринкой, лукавинкой, а то и сплошными загадками. Это доставило мне уйму хлопот.

Конечно, отгадывать много трудней, чем загадывать. Но я не побоялся трудностей и все непонятное объяснил.

Я старался быть кратким по двум причинам. Во-первых, как занимательно ни пиши примечания, все равно они будут скучнее путевых рассказов Захара. Во-вторых, я не настоящий ученый, а будущий, — для длинного примечания у меня просто-напросто не хватает знаний. Тому, кто заинтересуется темой рассказа, я часто указывал книги, где о ней говорится более подробно.

Мне кажется, я дополнил все бесчисленные недомолвки Захара, раскрыл все секреты его путевых записей, все тайны его приключений.

Примечания к «Необыкновенным путешествиям» — моя первая научная работа. Прошу за нее строго не судить.

Фома Отгадкин

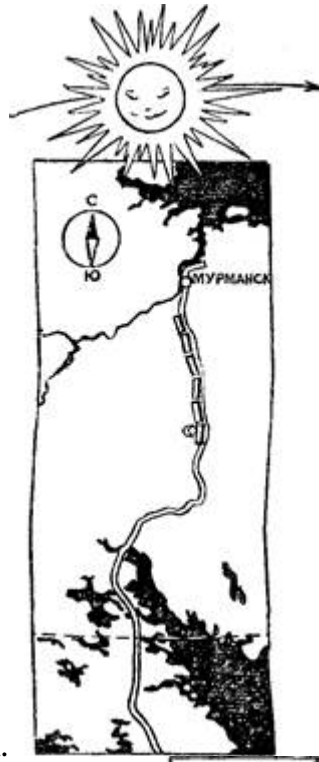
Солнце с севера!

Бегло прочитав рассказ о солнце, которое светило с северной стороны горизонта, я подумал, что мой друг Захар ошибся. Но, разобравшись, когда и где произошел этот исключительный случай, я понял: иначе быть не могло!

Всем нам известно, что в северном полушарии солнце ходит по южной стороне горизонта. Конечно, на самом деле движется не Солнце вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца, но так уж повелось говорить с младенческих лет человечества, когда люди еще не знали истинных отношений между нашей планетой и дневным светилом.

Земля вращается и вокруг своей оси. Это создает чередование дня и ночи. Если в полдень солнце видно в северном полушарии прямо на юге, то в полночь, невидимое нам из-за кривизны Земли, оно оказывается прямо на севере. Захар сел в поезд вечером 22 июня — в день летнего солнцестояния, сел в Мурманске, который находится за Северным полярным кругом, где в эту пору солнце не сходит с горизонта круглые сутки.

Наблюдай Захар и его спутники за небом в дневные часы, они увидели бы солнце на южной стороне горизонта. Но поезд ушел из Мурманска под вечер, и они наблюдали не дневное, а… ночное солнце, которое в то время двигалось по северной стороне



горизонта. Вот и весь нехитрый солнечный

секрет моего друга.

О какой особой «указательной» станции говорил Захар? О

железнодорожной станции Полярный Круг. Она расположена примерно там, где по земной поверхности проходит воображаемая линия Северного полярного круга. К вращению Земли вокруг Солнца станция Полярный Круг не имеет никакого отношения. Но после того как Захар и его спутники проедут эту станцию, они уже не смогут видеть солнце на северной стороне горизонта.

Железнодорожная станция Полярный Круг интересует многих юных географов. Некоторые даже думают, что близ нее по поверхности земли проведена пунктирная линия, такая же, как на географической карте. Могу заверить, что это не так: не все нарисованное на карте увидишь в действительности.

Желающим предлагаю посмотреть сделанные мною рисунки. Они показывают, как солнце освещает железную дорогу между Мурманском и Полярным кругом в полночь и в полдень 22 июня. В полночь оно находится на севере, в полдень — на юге.

Месть музыканта

«Дорогой Захар, постарайся разыскать книгу „Воспоминания о камне“ академика А, Е. Ферсмана, — написал корабельный кок в ответном письме Захару. — Помнится, этот ученый объяснял, почему даны обманчивые названия заинтересовавшим тебя железнодорожным станциям».

Я тоже воспользовался советом кока и взял в библиотеке «Воспоминания о камне». А. Е. Ферсман — один из первооткрывателей богатейших месторождений полезных ископаемых на Кольском полуострове. Вот что он рассказывает о происхождении удививших Захара названий:

«Заканчивается постройкой новая ветка железной дороги. Вместо старого захудалого разъезда Белый целая настоящая станция с девятью путями, а дальше, у входа в ущелье, разъезд, потом город Кировск — Хибиногорск, а в горах, у самого апатитового рудника, конечная станция всей ветки.

— Ну конечно, самая главная станция — это на магистрали, — говорит старый железнодорожник, — ее надо назвать Апатиты.

— Но ведь апатит не здесь, — пытаюсь я скромно вмешаться в разговор.

— Ничего, зато сюда его везут. Значит, решено: эта станция будет Апатиты. Там, на тринадцатом километре, разъезд, назовем его Титан.

— Но ведь там титана, как руды, нет и не было.

— Сейчас нет, так надо, чтобы вы, геологи, нашли бы там титан. Ясно?

Геохимики нашли около самого разъезда № 68 замечательное месторождение. Они говорят, что здесь открыты руды титана, сотни миллионов тонн на одной маленькой горушке. Ну, значит, будут строить завод, фабрику, поселок. Даже неловко: мировые руды, а разъезд просто № 68. Так думает старый железнодорожник. „Надо переименовать. Да опять эти минералоги будут смеяться, назовешь станцию их словом, а они тебя этим словом! Не знаю… Да и жарко сегодня… Пойти бы выкупаться в Имандре. А тут еще пристал диспетчер: поезжай в Охтоканду, принимай какой-то барак, — кляузное дело, и в такую жару! Ну, просто Африка, Африканда какая-то!“

Разъезд был назван Африкандой. Я верно все рассказал…

Правда, немного приукрасил, но, как говорят, ориентировочно все правильно».

Я выручаю из беды деда и его внучку

Многим читателям «Необыкновенных путешествий» не понадобится заглядывать на эту страницу. Приключение, о котором рассказал Захар, такое простое, что сперва я и за перо браться не хотел. Но потом подумал: если внучка ленинградца-пенсионера не вспомнила о водяном отоплении Кольского полуострова, то не окажутся ли в похожем затруднении другие школьники? И я взялся писать примечание.

Есть общее географическое правило: чем севернее расположена какая-нибудь местность Советского Союза, тем суровей ее климат. Птицы не изучают географию, но с этим правилом знакомы. И почти все они, улетая на зиму в теплые края, держат курс к югу. Почему же с юга Кольского полуострова многие пернатые отправляются зимовать на север?

Птицы давно подметили, что зимой в северной части Кольского полуострова теплее, чем в его южной части. Кольский климат особенный. В этом разгадка и другой кажущейся странности: Мурманский порт на севере полуострова открыт для кораблей круглый год, а Ленинградский и Рижский порты зимой замерзают, хотя Ленинград лежит на 1000 километров, Рига — на 1250 километров южнее Мурманска.

Особенность кольского климата объясняется тем, что к полуострову подходит одна из ветвей теплого Северо-Атлантического течения — Нордкапская. Как видите, водяное отопление полуострова действительно существует. Посмотрите на карту, и вы найдете в Баренцевом море красную стрелу, которая на языке картографов обозначает теплое течение.

Вдоль берегов Норвегии Северо-Атлантическое течение каждую секунду проносит 4 миллиона тонн нагретой в тропиках воды. За час оно отдает Скандинавии столько тепла, сколько получается от сжигания 6 миллионов тонн нефти. Поэтому на улицах Осло цветут абрикосовые и миндальные деревья, хотя столица Норвегии находится на широте Магадана.

По пути к Кольскому полуострову тропическое течение постепенно охлаждается. В Мурманске не цветут абрикосы и миндаль. И все же зима на северном побережье полуострова необычно теплая для таких высоких широт: средняя январская температура воздуха почти такая же, как в Астрахани.

Незамерзающее море и влечет птиц на северное побережье Кольского полуострова. Сильных морозов там не бывает, в море и на отмелях пернатые находят обильную пищу.

Секрет московского климата

Захар увлекся достопримечательностями Москвы и забыл разыскать сведущего человека, К счастью, мне кое-что известно о климате столицы, и я могу открыть его секрет: Москва сама себя согревает!

В столице СССР — сотни тысяч зданий, тысячи километров асфальтированных улиц, десятки тысяч автомашин, заводы и фабрики с бесчисленными станками и моторами. Все это хозяйство москвичей непрерывно «дышит».

«Дыхание» Москвы — мельчайшие частицы пыли, дыма, копоти. Они очень легки, и восходящие потоки воздуха поднимают такие частицы на высоту 500—1000 метров. С самолета, идущего к Москве, «дыхание» столицы хорошо видно: большим серым облаком оно висит над городом и колеблется при ветре.

Зимой эта облачная завеса, словно утепляющее Москву покрывало, снижает мороз на несколько градусов. Летом мельчайшие твердые частицы накаливаются лучами солнца, а затем, отдавая накопленное тепло окружающему воздуху, повышают температуру в городе. Отдают тепло и сильно нагретые солнцем камень, бетон, железо столичных зданий и улиц. Асфальт, к примеру, нагревается летом до 45–55 градусов! Все это сказывается на среднегодовой температуре: она на градус выше подмосковной.

Один ученый сравнил климат Москвы с теплым островком в море более холодного воздуха. Сравнение мне понравилось — оно остроумно и, главное, точно объясняет особенности московского климата. Теперь понятно, почему весенние заморозки в столице кончаются раньше, а осенние наступают поздней, чем в ближайших ее окрестностях. Ученые заметили и другое: по мере того как росла и ширилась Москва, в ней делалось все теплей.

Узнав об этом наблюдении ученых, я смутился: ведь Москва будет расти и дальше, неужели со временем ее климат станет таким же, как в субтропиках? Оказывается, не станет. Все более широкое применение электричества и горючего газа вместо угля, замена бесчисленных топок и котельных теплоцентралями, установка дымоуловителей уменьшают количество пыли и копоти

в воздухе столицы.

А почему в университетском музее свой климат, не похожий на московский или подмосковный? Здание университета очень высокое: от земли до верха звезды на его главной башне 240 метров! И в тихие летние дни на двадцать восьмом этаже, где помещается музей, значительно прохладнее, чем в первом этаже университета, теплый воздух, уже нагревшийся от земной поверхности, только поднимается до высоты музея. Ночью, наоборот, в первом этаже прохладнее, чем на двадцать восьмом этаже, — земная поверхность остывает, а наверху теплый воздух еще не успел охладиться.

У столичного климата есть и другие секреты, о которых

Захар умолчал. Тому, кто хочет их узнать, советую прочесть книгу Н. В. Колобкова «Климат Москвы и Подмосковья».

Стрелка на башенном термометре-циферблате и градусник, опущенный из окна музея, показывали различную температуру, хотя находились примерно на одинаковом уровне. К климату Москвы это не имеет отношения. Термометр-циферблат устроен для прохожих, которых мало интересует температура на высоте башни. Прохожим важна уличная температура. Эту температуру измеряют на уровне земли, на расположенной неподалеку метеорологической станции, откуда по проводам управляют движением стрелки на башне.

Дерево перед школой не скоростное. За последнее двадцатилетие на московских улицах высажено много деревьев, привезенных в столицу из Подмосковья. Такое дерево-переселенец и растет перед школой. Мальчонка не ошибся, сказав, что оно посажено в ту осень, когда он впервые пошел учиться.

Дом, в котором живет приятель Захара, более необычен: он стоит не там, где был построен. Таких домов в Москве немало. Если требуется расширить улицу, а этому мешает давно построенное здание, то его отвозят в сторону. Некоторые дома при переезде повертывают: прежде их фасад смотрел, скажем, на север, теперь он обращен на юг.

Я видел в столице дом, который после передвижки вырос на один этаж, причем добавочный этаж появился не вверху, а внизу здания! Площадка, куда передвигали этот дом, была на два метра ниже той, где он стоял. И здание перевезли на вновь построенный первый этаж! Не верится? Будете в Москве, посмотрите сами. Это — Глазная больница. К слову сказать, при переезде ее тоже повернули.

О любопытстве

В тот день, когда Захар уговорил меня писать примечания к «Необыкновенным путешествиям», он поклялся, что в его записях нет ничего вымышленного. Я помню о клятве, и только она придавала мне мужество в долгие часы безуспешных попыток разобраться в тайне мытья Москвы-реки. Теперь, узнай подробности этого происшествия, я нахожу его самым интересным из виденного Захаром.

Но сперва о семи холмах. Мне, да, наверное, и вам, казалось, что Захар просто не сумел нанести на план очертания московских холмов. Дело это нелегкое, а работал он без инструментов. И я начал с того, что принялся перелистывать в библиотеке книги о Москве. Надо было разыскать тех ученых середины прошлого века, на которых ссылается Захар.

Просмотрел много книг, пока на страницах двухтомника «Москва», написанного А. Мартыновым и И. Снегиревым в 1865 году, встретил перечень всех семи московских холмов и, что меня особенно порадовало, точные адреса всех холмов. Сделав выписку из книги, я подумал: дай-ка пройду по этим адресам, проверю наблюдения Захара.

Но посоветовался со знающими людьми и услышал потрясающую новость: древнее выражение «Москва стоит на семи холмах» — полностью неверно! Современные ученые считают, что холмов в Москве нет, есть лишь небольшие, разделенные долинами и долинками водоразделы притоков Москвы-реки. А такую изрезанную местность, если произвольно комбинировать ее высотки и низины, можно с одинаковым успехом разделить на большее или меньшее число возвышенностей.

Это — первая причина неудачи Захара. Есть и вторая причина. За восемь веков существования столицы, особенно за

последнее тридцатилетие, человек неузнаваемо изменил древний рельеф Москвы. Там, где некогда были моренные холмы, теперь расстилаются асфальтированные площади. Крутые подъемы на многие водоразделы сглажены, котловины и овраги засыпаны. Уровень одних мест искусственно снижен на несколько метров, других — поднят.

Слой земли, в котором попадаются остатки старинных укреплений, жилищ, деревянных или каменных мостовых, в центральной части города иногда превышает 10–12 метров.

На территории Москвы известны 120 рек, речек и ручьев. Захар искал их одновременно с холмами, и так же неудачно. Он не сообразил, что круглые отверстия-жерла в граните столичных набережных — «устья» притоков Москвы-реки. Самое крупное жерло принадлежит реке Неглинной, заключенной в трубы полтора века назад. Спрятаны под землю речки Пресня, Каменка, Рачка, Чечера, Лихоборка, Нищенка, Котловка, Таракановка, Ходынка, ручьи Сивка, Сара, Золотой Рожок, многие другие притоки Москвы-реки и Яузы. Во время весеннего таяния снегов и летних дождей они принимают воду через водостоки. Под улицами столицы заточены в трубы десятки речек и ручьев; лишь мелкие ручьи еще текут кое-где на окраинах Москвы, ожидая, пока подойдет их черед исчезнуть с поверхности земли.

Фальшивый мост с домами вместо перил — московская улица Кузнецкий мост, пересекающая сделанную подземной реку Неглинную. Некогда на месте пересечения стоял мост, память о нем и сохранило название улицы.

Захар действительно удачлив. Не потому, что Москва снова лежала на его пути; для такого «везения» понадобилось проехать по железным дорогам лишнюю тысячу километров. Захар наблюдал, как «моют» русло Москвы-реки; вот это настоящая

удача: промывку устраивают раз в несколько лет.

Обычная скорость течения Москвы-реки в черте города — десятые доли метра в секунду: выше и ниже столицы на реке построены плотины. Если открыть затворы этих плотин, то скорость течения увеличивается до двух метров в секунду и оно уносит со дна накопившийся там илистый слой грязи. Используя запасы паводковых вод, так и промывают русло Москвы-реки. Я узнал о подробностях мытья у работников канала имени Москвы.

Остается сказать об остальных неясностях в рассказе «О любопытстве».

Уличное движение в Москве очень оживленное, и на многих перекрестках устроены подземные переходы и переезды. Перед тем как наметить место для их сооружения, подсчитывают количество автомашин и пешеходов, пересекающих перекресток.

Как я был экскурсоводом

Моря, по которым плыл Захар, — большие водохранилища, построенные на Волге и за свою величину называемые морями. Первое море — Московское, второе — Рыбинское, третье — Горьковское, четвертое — Куйбышевское, пятое — Волгой градское. На водохранилищах нередки штормовые ветры силой в 10–12 баллов, когда высота волн превышает 3 метра. В такую непогоду суда отстаиваются в портах-убежищах.

Острова, кочующие по Рыбинскому морю, — торфяники, подмытые водой и всплывшие со дна водохранилища. Иногда они достигали 1–2 километров в длину и первое время мешали судоходству. Теперь их блуждание по морю прекращено.

Случай с пароходом, под которым всплыл торфяной остров, похож на анекдот, и я было не поверил Захару. Изучение первоисточников убедило, что такой случай был в 1946 году с колесным пароходом «Рульков». Из-за сильного ветра пароход стал на якорь в открытом море и был неожиданно приподнят поднявшимся со дна торфяником.

Кошки, как известно, боятся воды. Поэтому рассказ о ныряющей кошке тоже показался мне вымышленным. Как ни удивительно, правдив и он. В том же 1946 году на Рыбинском море работала экспедиция гидрологов. Вот что сообщали ее участники:

«На маленьком островке нам встретился полузатопленный дом. Приближаясь к нему, мы увидели, как в воду спрыгнуло какое-то животное. Спустя несколько секунд зверек появился снова, держа в зубах блестевшую на солнце рыбу. Мы стали наблюдать. Животное ныряло в воду и неизменно появлялось оттуда с рыбой во рту. Когда мы поймали диковинного зверя, он оказался кошкой, оставленной, видимо, своими хозяевами. Ей надо было чем-то питаться, и она занялась ловлей рыбы. Жила она в одиночестве довольно долго и приноровилась к новому ремеслу очень неплохо: бросалась на проплывавших мимо нее рыбешек не хуже, чем на мышей… Этот случай — не просто забавная история. Ученые давно заметили, что на изменение внешних условий животное отвечает изменением своего поведения и быстро приспосабливается к новым условиям».

Колокольня, торчащая из воды, некогда стояла на городской

площади в Калязине. Плотина в Угличе подняла уровень Волги от Калязина до Углича, и бывшая колокольня оказалась в воде.

На всех волжских водохранилищах построены гидроэлектрические станции. Их общая мощность — несколько миллионов киловатт. С помощью киловатт-часа электрической энергии можно сделать то, на что человек тратит два рабочих дня. Это значит, что каждые сутки Волга посылает нашему народу миллионы невидимых электрических помощников. Они приводят в движение поезда, троллейбусы, трамваи, добывают уголь, нефть, руды, плавят и обрабатывают металлы, шьют одежду и обувь, печатают книги, светят на улицах и в домах, служат нам в парикмахерских.

Дороги, по которым спешат на работу волжские богатыри-невидимки, — линии высоковольтных передач; по таким линиям электрическую энергию перебрасывают за сотни километров. На электромагистрали Куйбышев — Москва среднее расстояние между опорами — около полукилометра, высота опор — 30 метров, хотя есть опоры высотой с тридцатиэтажное здание — в 120 метров. И впрямь богатырская дорога!

Морской голос — метеорологическая станция-автомат, закрепленная на якоре в центре Рыбинского моря. Каждый час она сообщает кораблям скорость и направление ветра, температуру и влажность воздуха.

Обязанности бакенщика выполняет солнце. На многих бакенах стоят фотоэлементы и лампы. По утрам дневной свет выключает огни, в сумерках они вспыхивают снова. Есть бакены иного устройства: с часовым механизмом, и другие.

Большой город, «придвинутый» к воде, — Казань, столица Татарской АССР. До постройки плотины в Жигулях Казань находилась в 5–6 километрах от Волги. Куйбышевское море затопило земли между Казанью и Волгой, и теперь его волны плещутся у стен казанского кремля.

Ниже уровня искусственного моря живет население Заволжья — левобережного района Ульяновска. Этот район защищен от затопления восьмикилометровой дамбой высотой 12–16 метров.

Есть в рассказе и неточность. Захар говорит, что за одну ночь подготовился к беседам с ремесленниками. Этому я ни за что не поверю. Наверное, Захар и раньше многое слышал или читал о волжских водохранилищах.

Спор на Рыбинском море

Море — не гармошка, чтобы растягиваться или сжиматься. Это бесспорно. Но так же бесспорно, что Рыбинское море — водохранилище, которое только величают морем. А размеры любого водохранилища неодинаковы в разное время года.

В справочниках указана площадь Рыбинского моря. Она равна 4580 квадратным километрам. Это максимальная, то есть наибольшая, величина водохранилища. Таким оно бывает к началу лета после половодья на Волге и ее притоках.

Водохранилище создано для Рыбинской гидроэлектрической станции и круглый год отдает воду этой станции; приведя в движение лопасти станционных турбин, вода уходит вниз по Волге. Летом площадь Рыбинского моря постепенно сокращается, но осенние дожди снова пополняют водохранилище. С наступлением зимы размеры Рыбинского моря начинают быстро уменьшаться; к концу зимы его уровень падает на 4–5 метров, а площадь водного зеркала сокращается более чем вдвое — до 2000 квадратных километров!

Побывай Захар на других водохранилищах, его ждала бы такая же неожиданность. Признаюсь, я сам был крайне удивлен меняющимися размерами искусственных морей: летом они «распухают», зимой — «худеют».

Теперь понятно и происшествие с затонувшим якорем. Чугун тяжелее воды, и, конечно, якорь на поверхность не поднимется. Но он затонул в таком месте, где к концу зимы будет сухо. И к словам Толи не придерешься; действительно, якорь словно бы сам вылезет из воды!

О каких переменах в климате, растительном и животном мире на берегах Рыбинского водохранилища рассказывал Толя? Я не слышал его рассказов, но ответ на этот вопрос нашел в книге Б. Маковского «Моря, созданные человеком».

Вода, накопленная в водохранилище, собирает тепло солнечных лучей. Она нагревается медленней, чем суша, но медленней и остывает. Поэтому на берегах Рыбинского водохранилища теплые осенние дни длятся дольше, увеличилось число ясных дней, особенно весной.

Затопленные водой луговые и лесные растения отмерли, их место заняли другие растения. Сказалось и вмешательство

человека: он разводит полезные ему травы в подтапливаемых морем низинах, а там, где нерестится рыба, засевает растениями морское дно.

После исчезновения дубрав и затопления лугов изменился и животный мир. Сейчас на побережье редко встретишь коростелей, серых куропаток, чибисов, перепелов, меньше стало зайцев, лисиц, горностаев. Уровень грунтовых вод поднялся, и это вынудило барсуков и лисиц перенести свои норы подальше — на бугры. Даже грачам пришлось менять «местожительство» после того, как поредели от ветровала березовые рощи, где эти птицы вили гнезда. На побережье появились колонии серых цапель, крачек, на островках развелись в большом количестве кулики-мородунки.

В коллекции одного собирателя спичечных этикеток я видел этикетку с изображением чайки, летящей над морским простором. Это — редкая этикетка: она выпущена рыбинской спичечной фабрикой «Маяк» вскоре после создания водохранилища. До того как оно разлилось, морского простора в Рыбинске не было.

В гостях у дядюшек Петра и Павла

Дядюшки Захара живут в Ульяновске. Всем известно, что этот город стоит на Волге, но многие не знают, что в Ульяновске есть и другая река — Свияга, правый приток Волги.

Свияга примечательна тем, что на протяжении 400 километров течет рядом с Волгой, но в противоположном направлении: Волга — на юг, Свияга на север. По моим сведениям, второго такого географического курьеза нигде нет.

Захар спустился по Свияге до ее впадения в Волгу, а затем по Волге вернулся обратно в Ульяновск. Все плавание он проделал вниз по течению обеих рек.

Город с кремлем и старинными башнями — Казань. Почему Волга подступила к стенам столицы Татарии, объяснено на стр. 326, в моих примечаниях к рассказу «Как я был экскурсоводом».

На берегах Хмельной

Что за река скрыта в рассказе под именем Хмельной? Писателя, давшего ей такое прозвище, Захар назвал, и, прочитав книгу П. И. Мельникова-Печерского «На горах», я узнал, что речь шла о левом притоке Суры — Пьяне.

Тягаться с писателем-краеведом не берусь и уступлю ему слово для описания местностей, по которым течет Пьяна:

«Места ни дать ни взять окаменелые волны бурного моря: горки, пригорки, бугры, холмы, изволоки грядами и кряжами тянутся во все стороны меж долов, логов, оврагов и суходолов; реки и речки колесят во все стороны, пробираясь меж угорий и на каждом изгибе встречая возвышенности. По иным местам нашей Руси редко найдутся такие реки, как Пьяна… Еще первыми русскими насельниками Пьяной река прозвана за то, что шатается, мотается она во все стороны, ровно хмельная баба, и, пройдя верст 500 закрутасами да изворотами, подбегает к своему истоку и чуть ли не возле него в Суру вливается».

Путь Пьяны к Суре — огромная дуга-излучина, концами обращенная на восток. Неподалеку от середины дуги, на правом берегу реки, находится холмистая возвышенность Межпьянье. На возвышенности много трещин, провальных воронок-ям, пещер. Особенно интересен Ичалковский Бор, почти сплошь усеянный провальными ямами с ледяными, холодными и теплыми пещерами, светлыми и темными подземными залами — гротами.

Единственный город на Пьяне — Сергач. В старину десятки его жителей занимались особым видом отхожего промысла — вождением ручных медведей по базарам и ярмаркам, забредали даже в Польшу и Германию. Этот промысел принес Сергачу немалую известность, и медведь попал на городской герб.

Запасная Волга

Я не поверил своих глазам, когда прочитал, что существует запасная, притом никогда не замерзающая Волга. Но, вспомнив, что Захар любит говорить двусмысленно и потому не всегда понятно, я решил взглянуть на карту. Не прошло и четверти часа, как я увидел запасную Волгу и убедился, что просто-напросто не обращал на нее нужного внимания.

Запасной Волгой оказалась железная дорога, на протяжении тысячи километров идущая по правобережью Волги. Эта дорога начинается у города Зеленодольска близ Казани и, то приближаясь к Волге, то несколько отдаляясь от нее, заходит в Ульяновск, Сызрань, Саратов, Волгоград. Железнодорожного моста через Волгу у Волгограда не было: пассажиры перебирались на левый берег реки паромом, а там снова садились в поезд и ехали до Астрахани. Теперь по Волгоградской плотине проложены рельсы.

«Волга на колесах» — так иногда называют железную дорогу, кратчайшим путем соединяющую большие города Поволжья. По ней перевозят хлеб, топливо, лес, цемент и многие другие грузы. Особенно велико значение дороги в зимнее время, когда прекращается навигация по Волге.

«Волга на колесах» была построена к осени 1942 года и тогда же хорошо послужила нашему народу: по ней шли к городу-герою поезда с войсками и боеприпасами.

Гонки на озере

Захар видел автомобильные и мотоциклетные гонки на озере Баскунчак в Прикаспийской низменности.

Баскунчак — богатейший природный склад соли; ее в озере так много, что хватило бы всему человечеству на полтора тысячелетия! Чистая соль залегает под тонким слоем рапы — соляного раствора. К концу лета рапа обычно испаряется, и Баскунчак становится похожим на огромное поле, покрытое снегом. После осенних дождей и вешних талых вод рапа появляется снова.

Железнодорожные пути проложены с берега прямо в озеро. Локомотивы подают по ним порожние товарные вагоны к солекомбайнам, которые, тоже передвигаясь по рельсам, раздробляют, всасывают, промывают соль, а затем насыпают ее в вагоны. Площадь озера — 105 квадратных километров, и его по праву называют «всесоюзной солонкой».

Баскунчак облюбовали и спортсмены. Почему? В научных книгах я не нашел ответа на этот вопрос. Меня выручил один известный гонщик-рекордсмен. Он сказал, что в автомобильных и мотоциклетных соревнованиях успех зависит не только от гонщика и машины, но также от дороги — она должна быть исключительно гладкой. До недавнего времени лучшей считалась дорога, идущая по соленому озеру в штате Юта в Соединенных Штатах Америки. Летом 1960 года превосходная 17-километровая дорога была устроена и на озере Баскунчак. В августе 1960 года там состоялись первые гонки.

Истории о лыжниках в Англии, на полуострове Флорида, на экваторе географически правдивы. Сперва меня удивили спортивные знания Захара, но он признался, что вычитал эти истории в газете «Советский спорт». Добавлю, что песчаных лыжников можно встретить и в Перу, где в окрестностях порта Кальяо они спускаются со склонов стометровых дюн на берегу Тихого океана. Об этом рассказывают в книге «Через Кордильеры» известные чехословацкие путешественники И. Ганзелка и М. Зикмунд.

Горный массив Рувензори находится в Восточной Африке немного севернее экватора.

Пятеро братьев

Приглашая Захара в гости, капитан-речник сообщил ему несколько примет своего родного города. Этот город расположен где-то в устье реки, близ ее впадения в море, — из него уходят в плавание речные и морские суда. Город славится каналом, проложенным не по земле, а по реке или по морскому заливу, и потому невидимым. Наконец, в нем есть судоремонтный завод, а неподалеку находится «рыбное царство», где люди заботятся о ценных рыбах, путешествующих из рек в море и обратно.

В нашей стране десятки городов с морским и речным портом, с судоремонтным заводом, — только по этим приметам найти родной город капитана нельзя. Зато следующая примета — невидимый канал — сразу упрощает поиски. Такие каналы связывают Ленинградский и Калининградский порты с Балтийским морем, Астраханский речной порт с Каспием. В Астрахани и живет капитан-речник. «Рыбное царство», где работает его брат рыбовод-ученый, — дельта Волги: в русле реки и в протоках дельты встречается более 70 видов рыб.

Сходятся и остальные приметы: в Астрахани можно встретить лотос — ярко-розовый цветок диаметром четверть метра, увидеть в музее интересную коллекцию моделей морских и речных судов.

Закадычные приятели

Я без труда сообразил, что города Вити и Мити надо искать на границах союзных советских республик. И, обойдя по карте все такие границы, встретил в Латвии город Валка, а в Эстонии — город Валга. Именно они, примыкая друг к другу, по существу составляют один город.

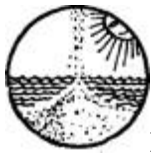
Валка и Валга разделены латвийско-эстонской границей — узкой извилистой речушкой Педелли, через которую перекинут неширокий мост. Переходя речушку по этому мосту, можно левой ногой стоять в Латвии, правой — в Эстонии. Перешел мост, и будто бы ничего не изменилось. Но таблички на углах улиц уже не на латышском, а на эстонском языке, вывески — тоже, газеты в киосках — тоже. В Валге — 14 тысяч жителей, в Валке — примерно втрое меньше, а вообще это один город. Раньше он и был одним городом, его называли — Валк. После первой мировой войны, когда в Прибалтике образовались буржуазные республики, Валк был разделен на две части: большая отошла к Эстонии, меньшая — к Латвии.

Отыскать Валгу-Валку было нехитро, труднее оказалось определить, на каком берегу канала имени Москвы расположен город Дмитров: на правом или на левом?

Раскрыл туристскую схему «По северо-западному Подмосковью» и в пояснениях к схеме прочитал, что Дмитров стоит на правом берегу канала. Прочитал и не поверил: на реке правый и левый берег различают по ее течению. Почему же на канале имени Москвы различать их по-иному?

Как известно, этот канал построен для снабжения нашей столицы водой из Волги. Поднимаемая насосными станциями волжская вода движется по каналу к Москве. Значит, считая по течению, город Дмитров расположен на левом, а не на правом берегу канала, как сказано в туристской схеме. «Правильно, не всегда верь написанному, Фома, умей находить истину и сам», — похвалил меня Захар, когда прочитал это научное примечание.

Майка неряхи



В происшествии на пляже нет ничего таинственного: над неряхой «подшутил» ветер, — это он засыпал песком майку. Ветер же нагромоздил гряды песчаных холмов — дюн, заставлял их двигаться, пока они не были остановлены людьми.

Дюны образуются на побережье морей, рек, озер — всюду, где на земной поверхности есть открытые массы песка. В нашей стране издавна известны дюны на побережье Балтики. Морские волны выбрасывают песок на берег, там он обсыхает и перевевается ветром. Встретив куст, бревно или камень, перевеваемые сухие песчинки задерживаются, образуют бугор, у которого скапливаются новые песчинки. Так постепенно возникает дюна.

Песчаные холмы могут перемещаться по направлению господствующих ветров со скоростью от одного до двадцати метров в год и способны засыпать поле, сад, селение. Если образование дюн принимает угрожающий характер, их закрепляют посадкой растений. Чаще всего сажают сосны, хорошо растущие на песке. Год от году деревья становятся выше, и на остановленных дюнах появляются сосновые боры.

Особенно славится таким лесом Рижское взморье, где прибрежная полоса чистого песка занимает от нескольких десятков до нескольких сотен метров. Вдоль этого отличного пляжа построены окруженные вековыми соснами дома отдыха, санатории, дачи.

Однако Захар и его товарищ были на практике не в Риге, а в Лиепае, портовом городе на западе Латвии.

— Как ты догадался об этом? — спросил Захар.

— Не догадался, а определил совершенно точно. Обычно высота дюн не превышает тридцать — сорок метров, а ты говорил о дюне в семьдесят метров. Это тебя и выдало. Семидесятиметровый песчаный вал расположен близ Лиепаи. Там, где он высится, триста лет назад было ровное место, занятое крестьянской усадьбой.

Мой компас и забытые магниты

Рассказ о летчике, получившем Ленинскую премию, не выдуман.

Мне удалось узнать и фамилию летчика — Михаил Сургутанов. Его наблюдения за компасной стрелкой помогли геологам открыть богатейшие залежи железной руды в Кустанайской области.

Захар Загадкин сделал свое «открытие» в Курской области, но, увы, опоздал: академик П. Б. Иноходцев опередил его почти на два века. В 1783 году этот ученый работал вблизи Курска и заметил резкие отклонения магнитной стрелки от ее обычного положения. Позднее другими отечественными учеными была высказана догадка, что стрелку отклоняют мощные магнитные тела, скрытые где-то в недрах Средне-Русской возвышенности.

После долгих и сложных поисков советские геологи разыскали эти гигантские, невидимые человеческому глазу магниты — две цепи подземных железорудных гор. Одна цепь тянется от Брянских лесов к Курску и далее за Белгород, вторая — от Орла к реке Оскол и городу Валуйки.

Взглянув на вычерченную мною карту, вы без труда увидите эти горы, но в действительности они находятся на глубине то десятков, то сотен метров и по-прежнему невидимы. В левом нижнем углу карты поставлены три буквы — КМА; та часть Средне-Русской возвышенности, под которой залегают подземные железорудные горы, получила название Курской магнитной аномалии.

Курской потому, что отклонения магнитной стрелки были впервые обнаружены около Курска (теперь они известны и во многих районах соседних Белгородской, Орловской и Брянской областей)

Аномалией потому, что это греческое слово означает отступление от нормы, от общего порядка. Аномалии бывают разные, например температурная, когда температура местности отклоняется от средней температуры, вычисленной для широты, где расположена местность. Однажды я назвал аномалией самого Захара. Он обиделся, но ведь это так; все люди говорят просто, а Захар загадками!

Мой друг рассказывает о раскопке подземных гор на Лебединском руднике, в Белгородской области. Он был там летом или осенью 1959 года. В конце того же года лебединцы добрались до руды разве — Захар умолчал бы о таком событии, будь он его свидетелем?

Теперь о таинственном происшествии с компасной стрелкой. Захар стоял у богатейших залежей железной руды, а магнитная стрелка почти не отклонялась в их сторону, Захар не привел объяснение инженера: догадайтесь, мол, сами! Знаете, почему не привел? Да потому, что слова инженера поймет не каждый читатель, а пересказать их проще не так-то легко. Попытаюсь это сделать за Захара.

Железные руды бывают магнитные и немагнитные. Очень заметно отклоняют компасную стрелку железистые кварциты. Они-то и привлекли внимание к Курской магнитной аномалии. Но кварциты бедны железом, а металлургам желательна более богатая руда.

По соседству с кварцитами советские геологи сумели найти и такую руду. Ею оказались «бывшие» железистые кварциты!

Некогда на территории Курской аномалии существовала горная страна. Потом горы разрушились и образовавшуюся равнину то заливали, то покидали воды древнейших и древних

морей. В тех местах, что дольше всего оставались сушей, выходившие на поверхность железистые кварциты выветривались, размывались, из них выносились нерудные части. Это естественное обогащение руды шло много миллионов лет. Руда обогатилась, но одновременно изменился ее химический состав и она стала немагнитной. Позднее железистые кварциты и богатые руды были покрыты пластами более молодых осадочных пород — рудные залежи «ушли» в недра.

Заметно ли отклоняется компасная стрелка на Лебединском руднике? Я там не был, но видел карту Курской магнитной аномалии с нанесенными на нее кривыми линиями — изодинамами. Эти линии соединяют точки с одинаковой величиной силы, отклоняющей стрелку. Самые богатые месторождения железа лежат на линии, где эта сила проявляется очень слабо!

Не правда ли, интересная история? Компасная стрелка указывала на скопления бедных железом руд, а советские геологи отыскали там и богатые руды, хотя стрелка не говорила об их присутствии! И не просто отыскали, но объяснили причину «молчания» стрелки.

В поезде по волнам

Корабельный кок и Захар ехали поездом Симферополь — Краснодар. Поезд этот идет не через Мелитополь, Донбасс и Ростов, а через Керченский пролив, соединяющий Черное и Азовское моря. У Захара была карта, напечатанная в 1957 году, а с 1958 года по проливу ходят морские паромы, перевозящие пассажирские и товарные поезда из Крыма на Кубань.

Железнодорожный морской паром — самоходное скоростное судно, на палубе которого уложены рельсовые пути, обычно два, три, иногда пять. На эти пути по сходням с берега подают поезда. Паромы избавляют пассажиров от пересадки, а грузы — от перевалки.

Морские паромы работают во многих странах. Через пролив Па-де-Кале перевозят поезда из Англии во Францию и Бельгию, по проливам Балтийского моря — поезда, идущие в Швецию. В Италии железнодорожный морской паром ходит между Апеннинским полуостровом и островом Сицилия. Есть такие паромы в Соединенных Штатах Америки, в Бразилии, Японии. У нас на Каспии в 1962 году начал работать железнодорожный морской паром, который перевозит поезда из Баку в Красноводск.

Маяк, чьи лучи видел Захар перед отплытием в море, стоит у мыса Сетной, в нескольких километрах от Керчи. Древнее Тмутараканокое княжество находилось на Таманском полуострове; его столица Тмутаракань была на месте нынешней Тамани.

«Внимание, идет Боря!»

Прежде всего исправлю описку в заголовке: надо читать не «Внимание, идет Боря!», а «Внимание, идет бора!»

Бора — общее название холодного ветра большой силы, низвергающегося с невысоких горных хребтов. В нашей стране такие «ветропады» известны на берегах Байкала, на Новой Земле, в Новороссийске.

Новороссийская бора хорошо изучена, и ее появление может быть предсказано. Она возникает при вторжении на Черноморское побережье холодного воздуха с обширного северокавказского плато. Горный хребет, идущий вдоль берега у Новороссийска, сравнительно невысок (500–600 метров), и накопившийся за хребтом холодный воздух начинает перетекать через горы, с особенной мощью прорываясь через низкий Маркотхский перевал (435. метров). Бора тем свирепей, чем больше разница между высоким давлением воздуха над сушей и низким давлением над морем.

У Новороссийска море глубоко вдается в сушу. Падающий с гор шквальный ветер обрушивается на бухту, вызывая в ней сильнейшее волнение; под его ударами над водой взлетают мириады брызг, и бухта становится похожей на кипящий котел. Зимой сходство с котлом дополняют клубы пара, образованного испарением влаги на ветру. Были случаи, когда чудовищной силы ветер срывал с якорей даже океанские пароходы и выбрасывал их на прибрежные скалы. Поэтому во время боры суда выходят в открытое море. В городе порывы ураганного ветра сдирают кровли с домов, вырывают столбы, опрокидывают груженые вагоны.

В течение года бора дует в Новороссийске в среднем 46 дней, чаще всего с ноября по март и обычно двое-трое суток кряду. Скорость ветра достигает 40 метров в секунду.

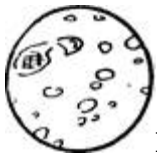
Оповещают о приближении боры работники метеорологической станции на Маркотхском перевале. Небо при боре ясное, только у гребня гор висит облачная гряда; местные жители узнают о начале урагана и по его вестникам — рваным клочьям облаков, появляющимся на вершине перевала. К югу от Новороссийска, где горы выше, бора наблюдается реже, а южнее Туапсе не бывает вовсе.

Увлекательное описание новороссийского «ветропада» есть в повести К. Г. Паустовского «Черное море».

Я читал, что некоторые инженеры предлагали избавить Новороссийск от боры. Одни намечали «распилить» Маркотхский перевал, другие — пробить в горах туннели, по которым холодный воздух спокойно стекал бы к морю. Расчеты показали, что при осуществлении этих проектов сила боры ослабеет незначительно, а стоимость работ будет очень высокой. Уничтожить бору пока невозможно.

Захар сообщил мне о своем плане обуздать бору, поставив на ее пути мощные ветродвигатели. Думаю, что еще неосуществимый такой план.

Кто украл пляж?



Писать примечания к рассказам Захара нелегко. И мне долго не удавалось сообразить, что за воры приходят с моря и средь бела дня крадут пляжи. К счастью, в Сочи работает инженером-строителем мой родной дядя. При первом же свидании я задал ему три вопроса:

— Кто такие морские воры, зачем им нужны пляжи и правда ли, что этих воров ловят бетонными гребешками?

— Какими гребешками? Каких морских воров? — удивился дядя. — У нас и сухопутных воров нет: милиция давно вывела…

Однако, познакомившись с рассказом Захара, дядя сказал!

— Ах, вот о чем речь! Ну и туманно изъясняется твой приятель! А все очень просто: морские воры — волны, гребешки — буны; так называют бетонные сооружения, выдвинутые в море и встречающие волну до ее подхода к берегу. Если смотреть на буны с высокого обрыва, то они действительно похожи на большие гребни. Но по некоторым причинам мне не хочется говорить о пляжах и пляжных ворах. Лучше возьми у меня блокнот с выписками из статей, посвященных защите берега от морских волн. Там есть интересные высказывания профессора В. П. Зенковича и других ученых.

Так я и сделал и вот что узнал.

Морские волны обрушиваются на берег с огромной силой. Они разрушают даже самые твердые горные породы. При разрушении горных пород на берегу скапливаются обломки, которые измельчаются, окатываются и превращаются в гальку. Скопление гальки и образует пляж. Набегая на пляж, разбиваясь о гальку, волны теряют большую часть своей энергии, и береговой обрыв становится недосягаемым для прибоя.

Галька постоянно истирается, переносится волнами вдоль берега. В то же время ее запасы беспрерывно пополняются. Она перемещается волнами со смежных участков пляжа, ее выносят к морю горные реки; частично продолжает разрушаться и берег. Когда пополнение запасов гальки превышает ее убыль, пляжи ширятся, все надежней защищая берег. Наоборот, когда запасы гальки уменьшаются, пляжи постепенно исчезают и морские волны все яростней обрушиваются на берег.

Так происходит в природе. Но человек не может оставаться равнодушным свидетелем борьбы моря с сушей. Он должен

оборонять побережье: там стоят его дома, тянутся проложенные им железные и шоссейные дороги.

Люди начали защищать берег волноотбойными стенами, облицованными прочным камнем. Такие стены воздвигнуты чуть ли не по всему Кавказскому побережью Черного моря. Но оказалось, что самые прочные стены быстро разрушаются под ударами моря. Они бессильны отстоять берег, если перед ними нет пляжа. А если есть пляж, на котором гасится энергия прибоя, то даже легкая стенка исправно служит долгие годы.

Тогда ученые решили перейти от обороны к наступлению.

Обычно волны подходят к берегу под острым углом и при этом переносят гальку вдоль побережья. Так возникают «каменные реки» огромной длины. Исследуя такие «реки», ученые вычислили их скорость, нашли районы, где потоки гальки замедляют свое «течение» или вовсе останавливаются, определили места накопления гальки. И, что особенно интересно, придумали способ управлять движением «каменных рек»!

Борьбу с волнами перенесли в море. Теперь перед берегом сооружают поперечные буны — небольшие бетонные ловушки, которые, удерживая гальку, создают пляжи достаточной ширины.

Буны размещены на определенном расстоянии одна от другой. Поток гальки задерживается у первой преграды. Накапливаясь, галька заполняет пространство между первой и второй буной. Мало-помалу все промежутки между бунами оказываются засыпанными и образуется широкий пляж.

Человек заставил волны работать по его воле. И, хотя в настоящее время на берегах Черного моря идет постепенное естественное сокращение объема и ширины пляжей, в силах людей надежно защищать берег.

Но у пляжей есть еще один «враг» — строители. Подсчитано, что запасы гальки между Туапсе и Адлером ежегодно уменьшаются на 150 тысяч кубических метров. Из них 100 тысяч кубических метров увозят на грузовиках строители!

Теперь понятно, почему моему дяде не хотелось говорить о пляжах: ведь и он — инженер-строитель

Пропавший холм

Я толковал со многими людьми, бывавшими в Сочи, и выяснил, что там довольно часто срезают холмы и горные откосы, если нужно расширить улицу или выровнять площадку для нового здания. Но о полях, устраиваемых взамен холмов, никто из моих собеседников не слыхал. Пришлось мне самому расследовать странные происшествия.

Догадку Захара о краже холмов я отбросил как совершенно нелепую — науке неизвестна перевозка холмов для защиты от ветра или для иной хозяйственной надобности. Мне пришла в голову другая догадка: может быть, в окрестностях Сочи не хватает земель, пригодных для сельского хозяйства? Заглянул в книги и убедился, что так и есть.

В районе Сочи горы почти впритык подступают к морю. Поля тамошних колхозов и совхозов увидишь только между холмами и на тех горных склонах, что более пологи. Нередко эти поля до того малы, что трактору с плугом или сеялкой трудно на них развернуться. К тому же они разбросаны по склонам порой на десяток километров, и машины теряют много времени, передвигаясь от поля к полю.

Пашни-лоскутки, неудобные для машинной обработки, — особенность земледелия в горах. Эта особенность считалась неизбежной, пока в районе Сочи не стали «приглаживать» горный рельеф, а для начала — убирать холмы, горбившиеся между полями.

За немного дней ножи бульдозеров слой за слоем срезают холм высотой 8—10 метров; там, где он высился, появляется ровная площадка. Сострогав холм, машины заваливают срытым грунтом соседний овраг — ровная площадка возникает и взамен оврага.

Все же в успехе сомневались. Не потому, что не верили в силу землеройных машин: нашими машинами можно срыть высокую гору и, если понадобится, насыпать ее в другом месте.

Опасались иного: не окажется ли бесплодной земля, отвоеванная у гор? Ведь природе требуется не одно столетие, чтобы создать почву, питающую корни растений.

Сомнения были напрасными. Не рассчитывая на медлительную работу природы, а умело применяя различные

удобрения, агрономы научились создавать плодородную почву за два-три года! В ближайших окрестностях Сочи новые поля и сады уже зеленеют там, где недавно были холмы.

Исчезновение холма-горбуна осталось тайной для Захара. Когда я раскрыл тайну, Захар огорчился и обрадовался. Огорчился потому, что прозевал интереснейшее географическое событие. Обрадовался потому, что понял: в «приглаживании» рельефа — будущее горного земледелия.

Остается сказать о самом замечательном дереве на земном шаре. Это — дикий лимон, на который работники Сочинской станции привили десятки сортов и видов лимонов, апельсинов, мандаринов, грейпфрутов.

Бывший дикий лимон стал «деревом-садом» — ежегодно с его ветвей снимают самые разнообразные плоды. Крона у дерева густая, раскидистая, и садоводы позаботились, чтобы оно получало из почвы достаточно питательных соков: рядом со стволом подсадили, а затем привили к нему несколько цитрусовых деревцев.

Более десяти лет назад один иностранный ученый тоже сделал прививку: к привитой им ветви подвесили памятный ярлычок.

С того времени прививки сделали приезжие из десятков стран. Среди листвы уже белеют сотни ярлычков; на них имена людей трех рас: белой, желтой, черной.

Студенты из Вьетнама предложили назвать необыкновенное растение Деревом дружбы. Так его теперь и называют. Все, кто приезжает в Сочи, стремятся повидать интереснейшее дерево.

Письма Неизвестного

Где живет Неизвестный? Думалось, нет ничего проще, чем ответить на этот вопрос, если найти на карте реку Пичори. Но я столкнулся с неожиданным затруднением: на обычных картах Пичори не было. И мне пришлось обратиться за помощью в географический «адресный стол» — к советскому «Атласу мира» с его 283 огромными картами. В этом замечательном атласе я и увидел Пичори: она течет по Колхидской низменности в Западной Грузии, южнее, но почти параллельно Риони, и впадает в озеро Палеостоми.

Колхидская низменность — влажнейший район нашей страны. Именно там часты обильные дожди и за год выпадает до 2500 миллиметров осадков. Прибрежные дюны мешают стоку атмосферной влаги в Черное море, поэтому тысячелетиями вода застаивалась, заболачивая низменность. Так возникли в Колхиде обширные топи. Они покрыты травой, но ступить на траву нельзя — трясина засосет неосторожного. По соседству с болотами достаточно топнуть ногой, и почва издаст глухой звук.

Пичори — маленькая река, текущая среди болот и поросшая тростником. Есть в Колхиде и совсем мелкие речки, о которых не скажешь, где у них исток, а где устье. Подчас они недвижно лежат в густой щетине тростника, но после дождей разливаются и затопляют округу.

Большие реки, пересекающие Колхиду, рождаются в горах и несут в своих водах много ила. Риони — самая крупная из этих рек — ежегодно притаскивает с гор 7 миллионов кубических метров грунта! Постепенно оседая на дно, ил поднимает русло рек, наращивает их берега, и горные потоки спускаются к морю словно по насыпи — метра на два выше окрестной местности. В дни паводка эти потоки нередко размывают «насыпь» и тоже затопляют низменность.

В 1932 году начались работы по осушению Колхиды. Землечерпалки двигались по рекам, насыпая заградительные валы на их берегах: огороженная высокими валами река уже не могла переливаться из русла. Одновременно строили каналы, собирающие подпочвенные и дождевые воды. Каналов проложили так много, они расположены один от другого так близко, что на подробных картах Колхиды некоторые ее районы кажутся

оплетенными паутиной.

Уничтожают топи и… искусственными наводнениями. Обильную илом речную воду выпускают на травянистое болото. Когда ил осядет, отстоявшуюся воду сбрасывают в каналы, а на болоте остается слой плодородной почвы.

Неизвестный был прав, когда писал о «живых насосах». Деревья, не дающие тени, — эвкалипты. Их листья обращены к солнцу не своей поверхностью, а ребром, поэтому солнечные лучи проскальзывают сквозь листву. Растут эвкалипты быстро, к пяти годам вытягиваясь на девять метров, к пятнадцати — на двадцать пять. Широко разветвленные корни деревьев круглые сутки тянут из земли влагу, которую затем испаряет вечнозеленая листва. За год гектар взрослого эвкалиптового леса «выкачивает» из почвы 12 миллионов литров воды!

В Колхиде уже осушены десятки тысяч гектаров болот. На их месте — поля, плантации чая, лавра, плодовые сады. Однако работы еще не закончены. Нужны новые каналы, новые заградительные валы на берегах рек, плотины, дамбы, насосные станции. Решено переустроить и озеро Палеостоми, в которое впадает Пичори. Оно отделено от Черного моря узким перешейком, и морская вода проникает в озеро, заболачивая соседние с ним низменные земли. Плотина закроет морю путь к озеру. Палеостоми станет пресноводным, и в нем будут разводить рыбу.

Диковинный мост

Странное сооружение, виденное Захаром на шоссе у города Боржоми, было не виадуком, а сельдуком. «Дуко», как вы уже знаете, — «веду». А «сель» внезапный паводок на горных реках, вместе с водой несущий очень много грязи и камней. Сельдуком называют широкий железобетонный лоток, по которому селевый паводок пропускают над шоссе или оросительным каналом.

Сель — грозное явление природы, возникающее в горах после продолжительных дождей или при быстром таянии снегов и ледников. Стремительно сбегая по горным склонам, вода увлекает с собой сперва частицы почвы, затем всё более крупные камни. И маловодное, а то и вовсе сухое русло горной реки заполняется грохочущим потоком, мчащимся по ущелью со скоростью до 10–15 километров в час!

Сели движутся не равномерно, а отдельными валами. Это объясняется заторами, вызываемыми скоплением камней на поворотах и в суженных местах русла. Преодолев очередной затор, вал из воды, камней и грязи мчится до следующего поворота или узкого места.

Вырываясь из речных берегов, смывая посевы, разрушая поселки, дороги, сели причиняют серьезный ущерб жителям горных и предгорных районов. В нашей стране такие паводки бывают на склонах Копет-Дага, в горах Памира, Тянь-Шаня, Кавказа.

Катастрофический сель обрушился летом 1921 года на город Верный (ныне Алма-Ата). Поток камней и грязи, ринувшийся по ущелью реки Малая Алмаатинка, уничтожил в Верном множество домов. Разрушительный паводок длился пять часов, причем высота валов достигала трех метров, ширина — 200 метров. В городе погибли десятки людей, а вес притащенных селем камней превысил 3 миллиона тонн!

В мае 1946 года сильнейший сель прошел по реке Гедар в Ереване. Выйдя из берегов реки, грязе-каменная лавина напала на городские кварталы. Сель сметал на своем пути здания или, врываясь в них с одной стороны, выходил с противоположной, унося с собой все, что было внутри зданий. Памятью об этом паводке остались причудливо исковерканные стальные рельсы и

балки мостов. Со всех улиц, по которым промчался сель, были начисто содраны булыжные и асфальтовые мостовые.

В горах Заилийского Ала-Тау еще недавно лежало озеро Иссык длиной примерно два километра, шириной с километр и глубиной до 50 метров. Это озеро возникло 8 тысяч лет назад после обвала скал, перегородившего естественной плотиной ущелье реки Иссык. В июле 1963 года могучий селевый поток ворвался в ущелье, затем в озеро, и три водно-грязевых вала, один сильнее другого, обрушившись на древнюю естественную плотину, пробили в ней шестидесятиметровую брешь! Вода устремилась вниз, и спустя несколько часов озеро Иссык перестало существовать.

Можно ли бороться с селями? Да!

На горных склонах высаживают леса, высевают травы, — скрепляя почву, растительность предохраняет ее от быстрого размыва. Для защиты селений и посевов сооружают заградительные дамбы-плотины, прокладывают селям искусственные русла, готовят селеуловители — котлованы, куда направляют грозные паводки. Строят для грязе-каменного потока и специальные «мосты» — сельдуки.

На юге Казахстана для борьбы с селями применяют… дым. В разгар лета, когда ледники начинают усиленно таять, над ними создают дымовую завесу. Под ее тенью температура воздуха снижается на несколько градусов, таяние льда идет медленней, и сель уже не возникает.

В разных горных районах грязе-каменные паводки называют по-разному: силь, сэйль, сэль и т. д. В основе всех этих названий — арабское слово «сель», означающее бурный горный поток, выходящий из берегов.

Рудник наоборот

Познакомившись с историей столиц автономных республик нашей страны, я узнал, какая из них выросла на месте русской крепости, основанной в 1882 году, и выяснил, что Захар был в столице Кабардино-Балкарии. Дальнейшие поиски заоблачного рудника оказались уже несложными.

Горняцкий город с необычным рудником — Тырныауз; он находится в верхнем течении реки Баксан, в 90 километрах от Нальчика. Город лежит на высоте 1300 метров над уровнем моря, рудник и в самом деле сооружен за облаками — внутри горы высотою 3200 метров.

Раньше рудник связывала с городом горная дорога; два часа над обрывами и кручами поднимались по ней автомашины с горняками. Теперь город и рудник соединены «воздушным шоссе» — подвесной канатной дорогой.

Вагон без колес — кабина этой дороги, вмещающая 40 пассажиров. Сидя в удобных креслах, горняки за шесть минут проносятся над ущельями. Конечная станция подвесной дороги устроена на высоте 2000 метров, у входа в рудник. Оттуда по горизонтальному туннелю электропоезд доставляет горняков к рудничному стволу, по которому лифт поднимает их наверх — к штольням и штрекам.

Добывают в Тырныаузе вольфрамо-молибденовую руду.

Гора языков

История десяти открыток весьма странна, но удивляться нечему: «Я рожден для географических приключений», — как-то сказал Захар, и это бесспорно так. А десять открыток я держал в руках и могу сообщить, что они подарены моему другу в Махачкале — столице Дагестана.

«Даг» — гора, «стан» — страна. Дагестан — это страна высоких хребтов с шапкой вечного снега на вершинах, глубоких межгорных долин и ущелий.

Средневековые арабские географы называли «Страну гор» и «Горой языков». Называли тоже не без основания: ее население говорит более чем на тридцати языках и наречиях, хотя не превышает миллиона человек.

Ученые еще не нашли объяснения загадочному многоязычию этой небольшой страны. Не в силах дать такое объяснение и я. Ограничусь тем, что расскажу дагестанскую легенду о всаднике, который некогда будто бы разъезжал по белу свету и раздавал языки его народам. Долгое путешествие утомило всадника и, попав в Дагестан, он опорожнил свой мешок с языками. Ветер разнес их по долинам, и жителям каждой долины достался особый язык. Легенда забавная, но совершенно ненаучная.

Самая большая народность Дагестана — аварцы; их свыше 270 тысяч человек. Затем идут лезгины, даргинцы, кумыки, лакцы, ногайцы, табасараны, агулы, рутульцы, цахуры… Есть совсем маленькие народности — годоберинцы, гунзебцы, гинухцы… У некоторых народностей даже нет точного названия.

Как разговаривает при встречах разноплеменное население «Страны гор»? Многие знают два-три языка, но общим языком служит русский. С его помощью даргинец понимает лакца, аварец — лезгина, кумык — табасарана и так далее.

Если б Захар побывал в «Стране гор» полвека назад, он не собрал бы коллекции открыток с надписями на разных языках. В то время большинство народностей Дагестана не имело письменности — она создана лишь после Великой Октябрьской революции. Раньше из ста горцев лишь один знал грамоту, теперь на многих языках Дагестана печатаются книги и газеты, дети обучаются в школах на родном языке.

Тому, кто заинтересовался народами «Горы языков», советую

прочитать книгу Д. Трунова «В горах Дагестана»,

Самое, самое…

Кто не устрашится путешествия на лошади по краю пропастей, пусть отправится в Куруш. На высоте 2465 метров над уровнем океана смельчак увидит сакли курушцев, прилепившиеся к одному из склонов огромной пирамидальной вершины Шалбуз-Даг. Но эти сакли пусты — население ушло из самого высокогорного аула Дагестана.

Люди жили в Куруше не одно столетие. Маленькие поля, усилиями многих поколений отвоеванные у голых скал, не могли прокормить горцев: скудного урожая едва хватало на два-три месяца в году. Курушцы уходили кочевать с отарами овец на далекие пастбища, искали заработка в рыбацких артелях на берегу Каспийского моря.

Возвращаясь в родной аул, чабаны и рыбаки говорили об обширных полях и садах в предгорьях и на равнине, о плодородной земле, которая богатым урожаем отвечает на труд человека. И все больше курушцев начинало думать о том, чтобы переселиться на такую землю, навсегда покинуть бесплодную заоблачную высоту.

Советское государство пошло навстречу горцам: отвело в степи пахотные угодья, ссудило деньги на переезд. И аул тронулся в путь.

На равнине, к северу от города Хасавъюрт, переселенцы основали новый Куруш. Он не похож на старый. Вдоль широких улиц стоят не сакли, а удобные дома с застекленными верандами, зеленеют тополя и акации. У курушцев появились свои пшеничные и кукурузные поля, сады и виноградники.

У меня есть две карты Дагестана. Более старая напечатана в 1950 году, та, что поновей, — в 1960 году. На старой карте — один Куруш, на новой — два: высокогорный, но оставленный населением, и степной, где теперь обосновались курушцы; второй Куруш находится в 400 километрах к северу от первого.

В Дагестане десятки новых селений, в которых живут люди, спустившиеся с высоких гор. И не только в Дагестане. С неудобных для жизни заоблачных высот переселились в плодородные предгорья многие горцы Северной Осетии, Азербайджана, Армении, Таджикистана, Узбекистана.

Такова «тайна» Куруша.

Тому, кто случайно не знает, где находится самое низкое, самое дождливое и самое сухое место в нашей стране, открою и этот нехитрый секрет.

Самое низкое — впадина высохшего озера Карагие у восточных берегов Каспийского моря.

Самое дождливое — Черноморское побережье Кавказа в районе Батуми. За год там выпадает столько осадков, что если б вода не стекала и не испарялась, то к концу года залила бы по крышу все одноэтажные дома.

Самое сухое — в восточном Памире, где в течение года выпадает всего 61 миллиметр осадков.

Будь я фотографом, который ездил в Куруш, непременно включил бы в собрание редкостных снимков фотографию Захара — самого загадочного путешественника. А на месте Захара я бы не рассказывал, почему не попался впросак. Ведь он просто струсил: испугался, что лошадь оступится на крутой тропе и вместе с седоком сорвется в пропасть.

Махачкалинский «водяной»

Захару повезло: встретившись с махачкалинским «водяным», он узнал секрет горячей воды, никем и ни в каких котлах не нагреваемой.

Повезло и мне — я отыскал этот секрет в книгах и теперь могу поделиться им со всеми желающими: необыкновенный кипяток — дар природы.

Под земной корой происходят еще не ясные для науки физико-химические явления. На глубине 100–200 километров они нагревают недра нашей планеты до тысячеградусных температур. Исследования убедили ученых, что температура возрастает в среднем на три градуса через каждые сто метров. В глубоких шахтах так жарко, что в них устанавливают холодильные машины — иначе горняки не смогли бы работать.

Высока температура и глубинных подземных вод. Там, где они выбиваются на поверхность в виде гейзеров или горячих источников, их можно применять для различных хозяйственных нужд.

Естественных выходов подземного кипятка немного. Но в силах человека добыть этот кипяток, пробуривая скважины к местам его скопления. Около Махачкалы из старых нефтяных скважин бьет горячая вода. На этой воде работают бани, души, прачечные, цехи некоторых промышленных предприятий, ею отапливают дома в одном из поселков. Есть в Махачкале и уличные колонки с водой, нагретой в недрах.

Подземный кипяток разведан во многих районах нашей страны.

Огромные запасы горячей воды и пара найдены под толщей вечной мерзлоты на Чукотке, в Магаданской области, в Западной Сибири, на севере Урала. К примеру, в Западной Сибири подземное «горячее море» раскинулось на миллион квадратных километров! Известны такие «моря» на Северном Кавказе, в Закавказье; в Средней Азии. Близится время, когда советский народ станет широко использовать подземное тепло. Махачкалинский «водяной» правильно сказал Захару, что у природной горячей воды большое будущее.

А ветер в Махачкале действительно неприятный. И даже не потому, что несет пыль. Летом он сушит воздух, зимой усиливает

стужу. И то и другое одинаково неприятно.

Спорный архипелаг

Я был первым, кто дал Захару товарищеский совет. И совет простой: не настаивай на своем «открытии» — ты видел островки на стальных сваях, построенные нефтяниками Баку.

Искусственные островки начали возникать в Каспийском море вскоре после Отечественной войны, когда советские геологи обнаружили под морским дном богатейшие нефтяные залежи.

Нефть разведали у выглядывавших из-под воды черных скал. Но на скалах, названных Нефтяными Камнями, было неудобно сооружать буровые вышки. И весной 1949 года туда привели и наполовину затопили семь старых, непригодных к плаванию судов. Так родился искусственный «Остров семи кораблей», где спустя полгода уже добывали нефть.

Теперь в Каспийском море высится множество островков на стальных сваях — это основания, на которых стоят вышки. Островки соединены с берегом эстакадой — помостом на стальных сваях. Длина надводного шоссе более полутораста километров; по обе его стороны — площадки с вышками.

У Нефтяных Камней вырос единственный в мире морской (не приморский, а морской!) город: под его свайными постройками и улицами плещутся волны Каспия. В необыкновенном городе есть жилые здания, магазины, парикмахерские, столовые, Дом культуры, почтовая контора и даже отделение вечернего нефтяного техникума. Но детей и стариков-пенсионеров нет: семьями в этом городе не живут. Рабочие, мастера, инженеры приезжают туда на двухнедельную вахту, а остальное время проводят дома, в Баку. С «Большой земли» в город на сваях можно попасть по надводной дороге-эстакаде, пассажирским катером или на вертолете. Мне подарили почтовую марку, которой я очень дорожу; на ней отчетливый штемпель: «Нефтяные Камни».

Непоседами Захар назвал стальные островки, передвигаемые на новое место, Мощные краны подходят к островку, поднимают вдавленные в морское дно опорные колонны и все сооружение вместе с вышками и оборудованием буксируют по воде. Правда, таких буровых установок еще мало.

Нефтяники уходят дальше и дальше в открытое море. Островки-вышки, уже не на стальных, а на железобетонных сваях, появятся и там, где глубина Каспия достигает 60–80 метров!

О нефтяниках-моряках интересно рассказано в книге И. Осипова «Сокровище черных скал». Печально, что Захар не прочитал эту книгу до того, как поспешил «открыть» ненанесенный на карту архипелаг.

По пути знаменитых ученых

Тайна Узун-Ады известна мне давным-давно.

В. А. Обручев впервые путешествовал по Средней Азии в 1886 году, В. Л. Комаров — в 1892 году. Я тоже читал воспоминания обоих ученых и, как обычно, прокладывал на карте маршрут их поездок. Озадаченный отсутствием Узун-Ады на моей карте, я попросил в библиотеке географический атлас, изданный в конце XIX века. В этом атласе я без труда отыскал пристань и железнодорожную станцию Узун-Ада. Однако в более позднем атласе, изданном в начале XX века, ее уже не было. Оказалось, что в 1895 году сильнейшее землетрясение полностью разрушило Узун-Аду.

После этого стихийного бедствия начальную станцию железной дороги в глубь Средней Азии перенесли в Красноводск. К слову сказать, так собирались сделать еще до катастрофы: к постройке железнодорожной ветки в Красноводск приступили примерно за год до землетрясения. Бухта в Узун-Аде была мелководной и потому недоступной для морских судов. Они останавливались в открытом море, и грузы приходилось доставлять на плоскодонных баржах. У Красноводска залив более шубок, к портовым причалам пристают суда с любой осадкой.

В Красноводск перебрались и уцелевшие жители Узун-Ады. Туда же перевезли маленькую бревенчатую школу. В то время своих школ в Красноводске не было.

Последние сваи разрушенной пристани в Узун-Аде много лет торчали из воды; их спилили на дрова четверть века назад.

Сыпучие пески занесли место, где стоял поселок, и от существовавшей в 1880–1895 годах железнодорожной станции и пристани на восточном берегу Каспийского моря не осталось следа.

Такова история исчезновения Узун-Ады.

Где были плотники?

Тому, кто плохо знает географию, рассказ плотников покажется маловероятным. Как же так: приехали в одно и то же место, занимались одинаковым делом, но Петр Иванович жил на песчаном острове, а Иван Петрович на песчаном полуострове? Неясно и непонятно!

Однако не надо забывать, что Петр Иванович плотничал там лет тридцать пять назад, а Иван Петрович — лет десять назад. Может быть, в этом «секрет» рассказа?

В нашей стране год от году совершенствуется техника производства — машины все больше заменяют ручной труд. Неудивительно, что за четверть века стали по-иному добывать и

горный воск. Раньше сотни людей, обливаясь потом, вручную варили руду в больших котлах, под которыми пылал огонь. Теперь воск извлекают из руды на химическом заводе, обслуживаемом несколькими техниками. Это ясно и понятно, как говорил один из плотников. Но разве острова превращаются в полуострова?

Прежде чем ответить на такой вопрос, я разузнал, где в нашей стране добывают горный воск. Оказалось, что его месторождения есть на Украине, в Узбекистане, на Челекене.

Украина и Узбекистан не граничат с Каспийским морем. А Челекен омывается водами этого моря. Тут-то и скрыт «секрет» рассказа.

Тридцать пять лет назад Челекен был островом — достаточно взглянуть на тогдашнюю карту Каспия, чтобы в этом убедиться. Но падение уровня воды в Каспии вызвало серьезные перемены в самом море и на его побережьях.

Во многих районах море отступило на десятки километров.

Некоторые отмели превратились в острова, некоторые острова — в полуострова.

Стал полуостровом и Челекен: вода покинула пролив, отделявший остров от материка. В этом тоже легко убедиться, взглянув на современную карту Каспия. Вот теперь в рассказе плотников все ясно-понятно.

А Челекен дает Родине не только горный воск. На полуострове добывают нефть, а из его подземных вод на другом химическом заводе извлекают йод и бром.

О красной воде и городе с косой

В этой путевой записи я не нашел обычных для Захара недомолвок и неясностей. В рассказе почти все понятно, мне остается дополнить его немногим.

Воды красного цвета в Красноводске нет, хотя залив, на берегу которого расположен город, туркмены издавна называли Кизыл-Су, что значит «Красная вода».

Залив получил название от красноватого цвета воды, — объясняет «Словарь географических названий». Объяснение не совсем полное. Вода только кажется красноватой: окраску ей придают заросли водорослей либо цвет грунта дна.

Розовая вода есть неподалеку от Красноводска — на полуострове Челекен. В некоторых озерках на этом полуострове вода содержит большое количество пурпурных бактерий, окрашивающих ее в розовый цвет. С Челекена и привез розовую воду человек, встреченный Захаром на пристани.

Красноводский залив отделен от моря длинной и узкой песчаной косой; на карте ее очертания напоминают клешню рака. В последние десятилетия «клешня» росла, все дальше выступая в море, — это вызвано обмелением Каспия. Корабли, направлявшиеся в Красноводск или из Красноводска, должны были огибать косу; теряя время и расходуя топливо, они долго плыли вдоль ее пустынных берегов.

Летом 1957 года косу перерезали морским каналом длиной около километра и шириной 70 метров. Новый канал намного укоротил путь кораблей в Красноводск и из Красноводска.

Верно ли, что Захар нашел ошибку в Большой Советской Энциклопедии? Да, верно. В 23-м томе энциклопедии говорится, что через Красноводский порт в Среднюю Азию привозят пшеницу. Это не было ошибкой в 1953 году, когда печатался том: в то время наш народ еще не распахал целинные земли Казахстана и Западной Сибири.

Теперь Средняя Азия получает пшеницу через Ташкент — из новых совхозов на целине. Оттуда же везут пшеницу в Красноводский порт и, погрузив на корабли, отправляют за море — в Закавказье.

Каракумские чудеса

Меня поразила самонадеянность Захара: не всякий отважится делать доклад о стране, где никогда не был и с которой знаком только заглазно. Ведь среди слушателей могли быть люди, постоянно живущие в Каракумах. Однако, к моему удивлению, в докладе не оказалось ошибок; лишь кое-что, как обычно, нуждается в научном уточнении.

Слово «кара» в названии пустыни далеко не все географы толкуют как «злой» или «страшный». Есть другое, и, по-моему, более верное объяснение: «черными песками» туркмены называют пески, закрепленные растительностью, в отличие от «белых» — сыпучих песков, лишенных растительности.

Барханы — нанесенные ветром серпообразные бугры сыпучего песка. С наветренной стороны склон бархана пологий и выпуклый, с подветренной — крутой и вогнутый. Ветер сдувает песчинки с пологого склона и гонит их к гребню бархана; за гребнем ветра нет, и песок осыпается, образуя крутой склон.

Высота барханов различна — от 1 до 10–15 метров. При ветре кажется, что бугры дымятся — это пересыпается песок на их гребне. Барханные пески занимают примерно 1/10 территории Каракумов.

«Чудо в пустыне» — новый город Небит-Даг у подножия хребта Большой Балхан. В этом городе живут работники нефтяных промыслов. С промыслами город соединен шоссе и железнодорожной веткой. Небит-Даг по-русски — «нефтяная гора».

Новая река, которая потекла по пустыне, — Каракумский канал, проложенный от Аму-Дарьи. Его протяжение — около 800 километров. Канал доливает водой реки Мургаб и Теджен. В их оазисах расположены орошаемые плантации длинноволокнистого хлопчатника. После прихода аму-дарьинской воды посевы хлопчатника были значительно расширены. В будущем канал намечено протянуть вдоль предгорий Копет-Дага к Красноводску.

Вместе с аму-дарьинской водой в канал попали споры водорослей. Размножившись, растения начали мешать стоку воды и судоходству на канале. Летом 1959 года с Дальнего Востока были доставлены на самолете 50 тысяч мальков белого амура и толстолобика. Эти рыбы обладают способностью быстро поедать

растительность, что и натолкнуло на мысль использовать их для борьбы с водорослями.

Пресное «море», по которому нет и не будет судоходства, — водоносные пласты под Каракумами, разведанные советскими

учеными. «Пустыня лежит на воде, — заявляют эти ученые, — но не надо думать, что под песками залегают настоящие моря или озера: вода находится в порах и трещинах пород». От одного из недавно открытых бассейнов уже проложен дальний водопровод. Такие же «моря» найдены и под другими пустынями Средней Азии и Казахстана.

Сухопутным крокодилом Захар назвал серого варана земзем — громадную ящерицу розовато-песчаного цвета. Длина взрослого варана достигает полутора метров. Интересно, что это пресмыкающееся предпочитает селиться в норах других животных и редко роет собственную нору.

Три неудачи и одна удача

Озеро, в котором купался Захар, действительно не показано на картах, даже самых подробных. И по простой причине: озеро — подземное.

Захар отстал от поезда Красноводск — Ташкент и купил дыню на небольшой станции Бахарден, неподалеку от Ашхабада. А близ этой станции, в предгорьях Копет-Дага, есть известная Дурунская пещера; там, на глубине 80–90 метров ниже поверхности земли, и находится горячее озеро.

Неприятные на вкус и запах воды подземного озера считаются целебными: они насыщены серой и другими химическими веществами. Температура воды высока, и в холодное время года над входом в пещеру струится пар.

Особенно интересна Дурунская пещера своей «фабрикой» селитры. Десятки тысяч летучих мышей, с незапамятной поры населяющих трещины и щели в сводах пещеры, создают сырье для производства селитры, откладывая свой помет — гуано. Миллиарды различных бактерий превращают это гуано сперва в перегной, затем в химические соли и, наконец, в селитру. Днем летучие мыши спят в пещере, после захода солнца вылетают на кормежку.

О каком сухом дожде забыл упомянуть Захар в докладе пассажирам поезда? Такие дожди наблюдаются в пустынях. Когда воздух над пустыней очень накален, дождевые капли испаряются, не доходя до земли. Случается, что капли успевают промочить высоко поднятые ветром мельчайшие пылевые частицы, превращая их во влажные комочки грязи. Во время падения эти комочки быстро обсыхают, и на землю падают твердые крупинки. Жаль, что Захар только слышал о сухом дожде. Если б он попал под «крупяной» дождь, то, думаю, интересно рассказал бы о таком чрезвычайном происшествии.

Разговор с рекой

С какой рекой мысленно беседовал Захар? Судя по ее ответам, с Аму-Дарьей.

«Аму» — название ныне исчезнувшего города, слово «дарья» на языках народов Средней Азии означает «большая река». Древнегреческое название Аму-Дарьи — Оксос, латинское — Оксус, арабское Джейхун.

В глубокой древности «собеседница» Захара впадала в два бессточных озера-моря: Аральское и Сарыкамышское, от которого в наше время осталась лишь сухая впадина. Часть аму-дарьинских вод, переполнявших в прошлом Сарыкамышское озеро, по руслу Узбоя направлялась к Каспию.

«Детище» длиной 800 километров, которое отвели от реки, — Каракумский канал; когда его продолжат до Красноводска, часть вод Аму-Дарьи снова будет попадать в Каспий. Второе «детище» — строящийся двухсоткилометровый Аму-Бухарский канал; по его руслу воды реки намечено перебрасывать в долину Зеравшана.

Столица, «сбежавшая» от Аму-Дарьи, — бывший центр Кара-Калпакской республики — Турткуль. Этот город перенесен на новое место в 1949 году, так как река постоянно подмывала берег, где он стоял. С 1936 года столица Кара-Калпакии — Нукус.

Зимой 1964–1965 года от нрава Аму-Дарьи пострадал самый южный речной порт нашей страны — Термез. Неожиданно изменив русло, река ушла от этого города к афганскому берегу, отделила себя от Термеза полуторакилометровой топкой мелью. Людям понадобилось немало потрудиться, чтобы порт мог снова принимать суда.

40 X 30 = 250

Пассажирский поезд, который якобы не считается с законом умножения, ходит из столицы Киргизской республики города Фрунзе в районный город Джалал-Абад.

Расстояние между этими городами по прямой линии — около 250 километров. Однако поезд, идущий со средней скоростью более 30 километров в час, прибывает в Джалал-Абад почти через 40 часов после отправления из Фрунзе. Между обоими городами высятся горные хребты Тянь-Шаня, и железнодорожное полотно огибает подножия хребтов сперва с севера, затем с запада и, наконец, с юга. По железной дороге расстояние от Фрунзе до Джалал-Абада — 1280 километров.

Пассажиры-киргизы, едущие этим поездом из столичного города своей республики в ее районный центр, волей-неволей посещают по пути три соседние республики: Казахстан, Узбекистан и Таджикистан. А границы братских советских республик проведены так, чтобы в каждую республику входили все местности, в которых живет ее народ. В Средней Азии границы особенно извилисты, и поезд Фрунзе — Джалал-Абад пересекает их неоднократно: три раза границу Киргизии и Казахстана, один раз границу Казахстана и Узбекистана, дважды границу Узбекистана и Таджикистана и трижды Узбекистана и Киргизии.

До недавнего времени иного, более короткого пути из Фрунзе в Джалал-Абад не существовало. Сейчас между этими городами прокладывают автомобильное шоссе. Крутыми петлями оно взбегает на заоблачные перевалы, спускается в долины и ущелья. Через горные реки перекинуты десятки железобетонных мостов, а сквозь одну из каменных гряд Тянь-Шаня пробит туннель длиной свыше двух километров. Этот туннель — самый высокогорный в нашей стране.

Каналы, мимо которых проезжал Захар, — оросительные каналы на юге Казахстана, в Голодной степи и в Ферганской долине, подающие воду на поля хлопчатника.

Во сне и наяву

Захар назвал реки с «перепутанными» верховьями-низовьями, что очень облегчило мою задачу. Я отыскал все три реки в обширной межгорной впадине — Ферганской долине. С севера эта впадина закрыта Кураминским и Чаткальским хребтами, с востока — Ферганским, с юга — Алайским и Туркестанским.

Как ни странно, Исфара, Сох, Исфайрамсай действительно никуда не впадают. На карте нижнее течение каждой из этих рек напоминает раскрытый веер; низовья Соха даже зовут «Сохским веером»!

«Игра природы», — решит иной малоопытный географ. Нет, я установил, что природа здесь ни при чем. «Веера» устроены человеком.

Все три реки берут начало среди мощных снеговых полей и ледников Алайского хребта. В далеком прошлом они спускались к Сыр-Дарье, были обыкновенными ее притоками. Человек отнял Исфару, Сох, Исфайрамсай у Сыр-Дарьи, разобрал их нижнее течение на водяные пряди — оросительные каналы.

Земли Ферганской долины на редкость плодородны; говорят, что достаточно воткнуть в них палку, чтобы вскоре выросло дерево. Однако при одном условии: палку надо поливать. Климат в долине теплый, горы защищают ее от холодных ветров с севера, но летом выпадает мало дождей и растениям не хватает влаги.

Искусственное орошение полей и садов известно в Ферганской долине с давних пор. Все же за тысячелетия было построено каналов меньше, чем за последнюю треть века; теперь лишь в центральной части долины остались пески, солончаки и заболоченные земли. В ближайшие годы и там появятся сады и поля — бульдозеры уже теснят барханы, экскаваторы прокладывают русла новых каналов.

Реки без устья — географическая достопримечательность не только Ферганской долины. Отнято устье у Зеравшана — бывшего притока Аму-Дарьи, заканчивают течение на плантациях хлопчатника Теджен и Мургаб, другие реки и речки Средней Азии.

Любопытен для географа и сон Захара. Меня, как будущего ученого, крайне заинтересовала высота горы, с которой он

наблюдал свой сон: ведь чтобы с одной вершины одновременно увидеть несколько морей, она должна быть исключительно большой. И я спросил Захара о высоте горы.

— Примерно семь-восемь километров над уровнем океана, — ответил Захар, — сам понимаешь, во сне некогда заниматься точными измерениями.

— Тогда ты напрасно испугался, — заявил я. — Ты не мог утонуть: на высоте семи-восьми километров вода превращается в лед!

— Все равно надо было срочно просыпаться, иначе я бы замерз, — не растерявшись, возразил Захар и с хитрой улыбкой посмотрел на меня.

Имя, которое дважды брали взаймы

Некоторые примечания к дорожной тетради Захара потребовали от меня кропотливой исследовательской работы. И я горжусь ими: не так-то просто разгадывать загадки, щедро рассыпанные по страницам тетради. Особенно доволен примечанием, которое вы сейчас читаете.

Прежде всего надо было найти древний город. Кривые узкие улочки, глинобитные дома без окон на улицу, обилие мечетей, кварталы кустарей-ремесленников подсказали начать поиски, в Средней Азии. Очень помогли слова Захара о его пути к плодородной долине, с трех сторон окруженной цепями высоких гор: в такой долине, Ферганской, я уже побывал, разбирая рассказ «Во сне и наяву». Проверил себя и выяснил, что знаменитым в истории полководцем был Александр Македонский; это он прошел со своими войсками через естественные ворота долины на западе.

Если о древнем городе говорилось в дореволюционных путеводителях, значит, в ту пору его обязаны были показывать на всех картах. И, раздобыв в библиотеке атлас издания 1913 года, я увидел в Ферганской долине город Ходжент у берега Сыр-Дарьи. Других городов на берегу полноводной реки атлас в этой долине не показывал. Стало ясно, что Ходжент и был тем засекреченным незнакомцем, которого я искал. Именно он исчез впоследствии с карт нашей страны, — в 1936 году его переименовали в Ленинабад.

Откуда же появились у Ходжента двое тезок, вдобавок бывших? Я просмотрел в библиотеке десяток справочников «Административное деление СССР» за разные годы, прежде чем сумел ответить на этот вопрос.

Первым тезкой оказался Кайраккум на берегу одноименного водохранилища. Имя Ходжент он получил вскоре после постройки в Кайраккуме гидроэлектрической станции «Дружба народов» и носил его до 22 января 1962 года.

Второй бывший тезка — Советабад. Ему присвоили имя Ходжент 22 января 1962 года, и он оставался тезкой старинного города около полутора лет.

Я полностью согласен с жителями обоих молодых городов, отказавшимися от древнего имени. Зачем им чужая слава?

Неожиданное испытание

Захар успешно выдержал неожиданное испытание. Выдержал это испытание и я, хотя мое положение было хуже: я не знал, на какой странице мысленные странники раскрыли свой «Атлас СССР».

О подземном пожаре, длящемся не одно тысячелетие, я ничего не слыхал и решил сперва найти город с населением около четверти миллиона человек. В реке, на которой он стоит, не купаются даже летом: вода слишком холодна. Это указание облегчило мою задачу, — я понял, что река находится в горах. Были известны и другие приметы: город возник в 1925 году, называется так же, как тогда, но две буквы в названии теперь изменились.

Взяв список крупнейших городов нашей страны, я убедился, что речь шла о Душанбе, в год основания называвшемся Дюшамбе. В переводе с таджикского его название обозначает «вторая ночь», или третий день восточной недели, что соответствует русскому понедельнику. Именем дня недели на востоке часто называли место базаров; видимо, Душанбе и был торговым селением, где раз в неделю, по понедельникам, собирался базар.

Оставалось разузнать о подземном пожарище; путь к нему от Душанбе, правда в обратном направлении, Захар сообщил. Идя берегом Варзоба, я поднялся по карте к Анзобскому перевалу, перебрался через него и выяснил, что каменный уголь горит в недрах горы Кух-и-Малек; эта гора высится над долиной реки Ягноб, текущей к югу от Зеравшанского хребта.

Летом 1963 года геологи обследовали горящее месторождение и установили, что незатронутые огнем пласты угля можно разрабатывать из карьеров. Причина возникновения необыкновенного пожарища точно еще неизвестна; вероятно, его вызвало самовозгорание угля.

Как стать знатоком географии?

Секрет, которым якобы делится Захар, вовсе не так прост. Я хорошо знаю Захара и могу заверить: он много и внимательно читает, делает выписки из книг, конечно не пропуская и напечатанного мелким шрифтом.

Чем объяснить, что автономная советская социалистическая республика казахов первоначально называлась Киргизской? До Октябрьской революции казахов ошибочно именовали киргиз-кайсаками, киргиз-казаками и киргизами. Неточное имя народа перешло в 1920 году и на созданную им республику. Спустя пять лет съезд Советов Казахстана восстановил правильное наименование казахов и изменил название республики,

Дореволюционный Казахстан был отсталой окраиной Российского государства. При создании республики казахов на всей ее обширной территории не было ни одного крупного города, который мог бы стать столицей — политическим и экономическим центром республики. Поэтому на первые годы пришлось включить в молодую республику и сделать ее столицей город Оренбург — крупный промышленный центр с населением свыше 100 тысяч человек. В Оренбурге жило мало казахов, но он почти два века был связан со многими районами Казахстана. И русские люди на время «одолжили» город братскому казахскому народу.

Оренбург оставался столицей до 1925 года, когда ее перенесли сперва в Кзыл-Орду, а в 1929 году, после постройки Туркестано-Сибирской железной дороги, — в Алма-Ату.

Омск и Ташкент не принадлежали Казахстану. Однако в 1924 году действительно обсуждался проект образования в Казахстане трех больших областей: Восточной — с центром в Омске, Западной — с центром в Оренбурге и Южной — с центром в Ташкенте. В этом тоже сказалась тогдашняя экономическая отсталость Казахстана. Захар узнал о проекте из книги П. Алампиева «Ликвидация экономического неравенства народов Советского Востока». Но вообразите мое удивление, когда я увидел, что рассказ о проекте напечатан в этой книге вовсе не мелким, а обычным шрифтом!

— Захар, немедленно исправь ошибку в своей тетради, — потребовал я. — Иначе юные географы будут смеяться над тобой!

— Не беспокойся, Фома, — ухмыльнулся Захар, — пусть смеются, зато крепче запомнят мой совет о чтении напечатанного мелким шрифтом! Совет-то правильный?..

Нынешний Казахстан — одна из передовых республик Советского Союза. За годы советской власти в ней раскрыты огромные богатства недр, построены тысячи промышленных предприятий. Появилось в Казахстане и много крупных городов.

Евразия и ее соседки

Любовь к дальним поездам — слабость, которую поймет и простит каждый, кто увлекается географией. Жаль, что Захар умолчал о другой своей слабости — о склонности к опрометчивым и нередко неправильным суждениям. Эта склонность подвела его при первом знакомстве с диковинным мостом в горах Закавказья, она же не принесла славы моему другу и в происшествии с Евразией.

Захар признал, что ошибся, когда, взяв «Атлас СССР», по указателю отыскал станцию Евразия на железной дороге Пермь — Нижний Тагил, пересекающей Уральский хребет.

В том же атласе Захар нашел и «европейско-азиатскую» реку. Это — тезка хребта, река Урал. До 1775 года ее называли Яиком. Императрица Екатерина II приказала переименовать реку после казни Емельяна Пугачева: восстание было начато им на берегах Яика. Казаков, которые жили по берегам реки и первыми присоединились к Пугачеву, было велено именовать не яицкими, а уральскими, Яицкий городок, где они убили посланного к ним царского генерала, — Уральском. Так «наказала» Екатерина II реку, на чьих берегах родилось грозное крестьянское восстание.

По течению Яика-Урала лежат несколько городов. Самый большой из них — Магнитогорск. Тысячи магнитогорцев ежедневно «путешествуют» из Европы в Азию и обратно, проезжая в трамвае или в автобусе по мосту через Урал. Они работают на заводе, выстроенном на азиатском берегу реки, а живут в городе на ее европейском берегу. Такие же переходы из одной части света в другую совершают жители Орска, Оренбурга, Уральска, Гурьева, тоже расположенных по течению Урала.

Уральские горы — ряд коротких и длинных хребтов и цепей. Они тянутся на 2000 километров: от побережья студеного Карского моря до жарких степей Прикаспия. Неудивительно поэтому, что люди, живущие в разных концах Урала, по-разному рассказывают о его природе. Один из приятелей Захара говорил о Северном Урале, второй — о Среднем Урале, третий — о степных районах Южного Урала. Если бы земляков-уральцев было больше, они могли б рассказать о тундре Полярного Урала, о болотах Северного Урала, о лесистых горах и прозрачных озерах Южного Урала и о многом другом.

Я тоже уроженец Урала и хочу дополнить рассказ Захара. Неподалеку от города Свердловска на Среднем Урале, там, где старинный Московско-Сибирский тракт взбегает на гребень горы Березовой, стоит мраморный обелиск. На западной грани обелиска высечено слово «Европа»,

на восточной — «Азия». Гранитный столб с такими же надписями высится у полотна железной дороги между уральскими городами Златоустом и Миассом. Мимо столба проносятся электропоезда, — голова поезда в одной части света, хвост еще не расстался с другой. Я сам наблюдал это любопытное явление. А путевой обходчик следит за железнодорожным полотном по обе стороны столба. Даже не скажешь, где он трудится: то ли в Европе, то ли в Азии.

Столбы-обелиски с обозначением частей света стоят на бывшей условной границе между Европой и Азией. Теперь эту условную границу обычно проводят не по водораздельному хребту, а по восточному склону Уральских гор.

Таинственная история с картами Урала

Секрет уральских карт прост. Стоя у классной доски, Захар заметил, что его могут выручить имена многих городов, поселков и станций.

Вот названия-подсказки, «спасшие» Захара: Соликамск, Усолье, Соль-Илецк, Солеварни… Медногорск, Медянка и Медная Шахта… Копи, Копейск и Углеуральск… Магнитогорск, Магнитная, Красный Железняк… Уралнефть, Уралзолото, Бокситы, Платина, Никель, Асбест и Новоасбест… Изумруд, Самоцвет, Хризолитовый, Хрустальная, Мраморский, Гипсы, Иридий…

Эти красноречивые названия и помогли Захару ответить на вопрос о полезных ископаемых Урала.

Две подсказки обманули моего друга. Натолкнувшись на приток Чусовой — речку Серебрянку, он решил, что на ее берегах есть месторождение серебра. Но серебра там нет. Насколько мне известно, нет его и нигде на Урале.

Вторую ошибку Захара вызвало название станции «Золотая Сопка» на железной дороге между Челябинском и Кустанаем. Месторождения золота близ этой станции нет.

Конечно, географические названия на картах Урала весьма неполно рассказывают о его минеральных богатствах. Свыше 1000 различных минералов разведано в 12 тысячах уральских месторождениях полезных ископаемых. Если бы точный адрес всех этих подземных кладов был отражен в именах городов, поселков и железнодорожных станций, географические карты Урала напоминали бы справочник-каталог минералов. По обилию и разнообразию полезных ископаемых у Урала нет равных на земном шаре.

Названия-подсказки встречаются довольно часто. Они говорят об ископаемых богатствах, растительном и животном мире, о рельефе и почвах. Все же любителей легкой жизни в школе хочу предупредить: лучше выучить урок, чем полагаться на названия-подсказки.

Город-путешественник

Город, который стоит в устье одной речки, а называется по имени другой, — Оренбург. Можно ли говорить о нем как о городе-путешественнике? По-моему, можно: он находится в 268 километрах от того места, где впервые был заложен.

В 1735 году у впадения речки Орь в реку Урал была основана крепость Оренбург, то есть город на Ори («бург» — город). Однако вскоре выяснилось, что новый город расположен неудачно: к нему не было удобных дорог. Поэтому в 1739 году крепость решили перенести на 194 километра ниже по течению Урала.

Второй Оренбург начали строить в урочище Красная гора. Но город не остался и там: строители не смогли договориться, где сооружать крепость — на горе или под горой! И город перенесли еще на 74 километра ниже по Уралу.

Третий Оренбург заложили в 1743 году близ устья речки Сакмары (очень прошу не путать с Самарой — левым притоком Волги!). Здесь он стоит и поныне. Географически неточное имя города напоминает о далеком прошлом Оренбурга.

Что стало с крепостью в устье Ори? Позднее ее переименовали в Орскую крепость, и она положила начало современному городу Орску. Не знаю, как настоящие ученые, но я считаю Оренбург и Орск тезками.

Города, которых не нашли приехавшие на побывку моряки, — Молога и Ставрополь на Волге.

Молога была затоплена в 1941 году водами Рыбинского моря. Перед затоплением многие ее дома перевезли к Рыбинску и поставили на левом берегу Волги, напротив этого города; бывшая Молога стала левобережным районом Рыбинска.

Примерно то же случилось со Ставрополем. Его улицы и площади ушли под воду в 1956 году при создании Куйбышевского моря. Но 2500 строений были заблаговременно перенесены к сосновому бору на будущем берегу водохранилища. Там возник новый Ставрополь, город-порт, в котором за последние годы построены большие химические, машиностроительные и другие заводы. 28 августа 1964 года волжский Ставрополь переименовали в город Тольятти в память выдающегося деятеля международного коммунистического и рабочего движения

Пальмиро Тольятти.

Есть в нашей стране и другие «города-путешественники». Это — Орел, Тара, Олекминск.

Орел, основанный в 1564 году для защиты южной границы Русского государства от набегов крымских татар, долгов время стоял на речке Орлик, довольно далеко от Оки. После пожара в 1673 году город отстроили у впадения Орлика в Оку.

Тара возникла в 1594 году близ устья реки Тары — притока Иртыша. Большое наводнение 1669 года разрушило Тару, и городок перебрался за 30 с лишним километров ниже по течению Иртыша, к устью речки Аркара, но имя не переменил.

Олекминск был заложен енисейскими казаками в 1635 году на Лене, против устья реки Олекмы. Теперь он находится не там, а в 12 километрах от Олекмы. К сожалению, мне не удалось выяснить причину и время переселения города.

Съеденная гора

Слово «туз» на многих тюркских языках означает — соль; слово «тюбе» — вершина, бугор, сопка, холм. Туз-Тюбе — одно из богатейших месторождений поваренной соли близ Соль-Илецка. Это месторождение известно с незапамятных времен, описано еще в «Книге Большого чертежа», составленной при Иване Грозном, однако увидеть соляной холм не удалось даже Захару, хотя иногда ему свойственно замечать то, чего не замечают другие. Неудача моего друга понятна: холма над месторождением давно нет, — он по частям увезен верблюжьими караванами, на протяжении веков приходившими к его подножию за солью.

Белая как снег высокая гипсовая гора около Туз-Тюбе в старину служила путеводным маяком для водителей караванов. Гору нетрудно увидеть и в наше время, но она сильно пострадала и уже не так красива. Сопровождавший Захара семиклассник-краевед не ошибся: разработка гипса идет много лет.

Подземный дворец под бывшим холмом — соляной рудник, где и ныне трудятся горняки. Его обширные залы образовались после выемки соли. А сине-зеленое озеро возникло в 1906 году, когда к месторождению прорвались вешние воды соседней речки Песчанки. Называется озеро — Развал. Оно насыщено солью, удельный вес его воды очень высок, и купающиеся могут лежать на поверхности озера, не опасаясь утонуть.

Стройка-невидимка

Летчик и водолаз работали на строительстве трубопровода Башкирия — Ангара. Поток нефти, заключенный в трубы, уже течет через горы, степи, болота, пересекая множество рек, и среди них такие крупные, как Тобол, Ишим, Иртыш, Обь, Енисей.

Перекачка нефти по трубопроводам обходится втрое дешевле, чем ее доставка по железной дороге. Если бы миллионы тонн башкирской и татарской нефти везли на восток в вагонах-цистернах, понадобились бы тысячи поездов и специально для них пришлось бы построить второй Сибирский путь.

Кроме того, при перевозке в цистернах немало нефти испаряется и расплескивается.

Встреченный Захаром водолаз работал на пересечениях трубопровода с реками, а пилот вертолета доставлял по воздуху трубы к болотистым участкам трассы. Я узнал, что в труднодоступных для наземного транспорта местностях вертолеты применяют и при прокладке газопроводов, при сооружении линий высоковольтных электропередач.

По уложенным в землю трубам перегоняют на дальние расстояния горючий газ, нефть и ее продукты. Ученые предложили доставлять по трубам и другие грузы — уголь, зерно, руду.

Яблоки на открытке

В саду, о котором напомнила Захару новогодняя открытка, я не был, но секрет сибирских яблонь мне известен.

Солнечного света и летнего тепла у сибиряков не меньше, чем у жителей центральных областей нашей страны. И все же полвека назад фруктовых садов в Сибири не было: саженцы яблонь, груш, вишен, привозимые туда переселенцами из России и Украины, не выдерживали суровых зим, гибли от холода.

Зимы к востоку от Урала не стали теплей. Климат там прежний, но сибиряки научились защищать плодовые деревья от вымерзания, укрывая их на зиму одеялом из… снега! Конечно, на обычную яблоню, грушу или вишню такое одеяло не набросишь, — они слишком высоки. Поэтому садоводы Сибири заставляют плодовые деревья стелиться, расти у самой земли, прижимаясь к почве. Первые же снегопады набрасывают на невысокие деревья со стелющейся кроной снежное одеяло; под таким «одеялом» дереву не страшны даже 40—50-градусные морозы.

Как уменьшают рост фруктовых деревьев? Прежде всего растения высаживают не вертикально, а наклонно и в конце лета пришпиливают их деревянными крючками к земле. Так же «приземляют» и вновь вырастающие побеги. Следующей весной крючки не убирают, сучья, растущие вверх, отгибают, придавая им горизонтальное положение, и деревья, подобно кедровому стланику, распластывают ветви возле земли. Сибирский фруктовый сад зимой похож на пустырь, покрытый сугробами-холмиками, поэтому Захар не увидел деревьев. А ели по краям двора были высажены для защиты яблонь от ветра.

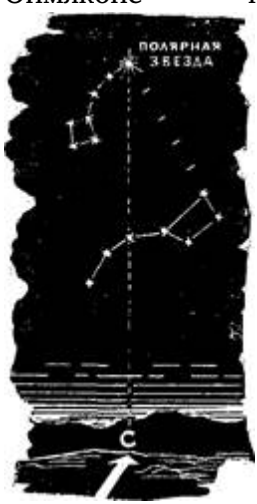
О чет шепчут звезды?

По свойственному Захару обыкновению, он забыл объяснить главное: что же такое «шепот звезд»? Я неспроста взял в кавычки эти два слова. «Шепот звезд» не имеет никакого отношения к небесным светилам. Звезды — раскаленные самосветящиеся огромные газовые шары; шептаться они, конечно, не могут.

«Шепотом звезд» называют звуковое явление, наблюдаемое на северо-востоке Сибири и в Якутии. В ясную морозную ночь, когда температура воздуха падает до 45–50 градусов ниже нуля, пар от дыхания человека замерзает и превращается в тончайшие ледяные кристаллики.

Осаждаясь инеем, задевая друг друга и ломаясь, эти кристаллики издают слабое непрерывное шуршание, еле уловимый шелест.

Встреченный Захаром геолог слышал «шепот звезд» в Оймяконе — на полюсе холода северного полушария.



Там, в верховьях горной реки Индигирки, открыты ценнейшие месторождения полезных ископаемых. И несколько лет назад тысячи парней и девушек приехали осваивать этот холодный, но богатый край. У впадения в Индигирку реки Неры молодые энтузиасты построили городок Усть-Нера. На его улицах много двухэтажных домов с центральным отоплением, клубы, кинотеатр, большая школа и все прочее, что требуется новому городу.

Француз, о котором упомянул геолог, — корреспондент коммунистической газеты «Юманите». Он побывал на полюсе холода и рассказывал читателям своей газеты:

«Я был приятно поражен, услышав в Оймяконе родную речь.

— Рад видеть француза на полюсе холода, — приветствовал меня на чистейшем французском языке молодой учитель.

— Вы тоже француз? — спросил я.

— Нет, я русский и преподаю французский язык в здешней школе. Я избрал Якутию по зову сердца. Я молод и хочу начинать свой путь с далеких окраин.

В этих словах советского педагога с полюса холода прозвучал для меня голос всех тех молодых энтузиастов, которые находят счастье в творчестве, в служении народу, на какие бы далекие окраины необъятной страны ни звал их долг».

Захар сообразил, о чем «шепчут звезды» смелым и мужественным людям. Думаю, догадались и вы. Конечно, о том, что человек сильнее природы, что даже полюс холода не страшит советскую молодежь, знающую, для чего она живет и работает. Доведется наблюдать «шепот звезд», вы услышите в нем то же самое, — слова, возможно, будут иными, но смысл останется таким же простым и гордым.

А Полярную звезду найти нетрудно. Через две крайние звезды «ковша» Большой Медведицы мысленно проведите прямую линию, а затем продолжите ее на пятикратное расстояние между этими звездами. У конца линии вы увидите Полярную звезду — самую яркую в созвездии Малой Медведицы. На рисунке, помещенном на этой странице, показано, как провести мысленную линию.

Соперник великих объедал

Как ни грустно, но, прежде чем писать научное примечание к загадке, приходится разгадывать загадку. Дело это не простое, и меня часто спрашивают, как оно мне удается, просят поделиться опытом. Держать в тайне свое умение не хочу и для примера расскажу, как я отгадывал загадку о человеке, съевшем уйму еды за одну ночь.

На все нужно время, и я сразу понял, что эта ночь была длинной, — иначе никакой едок не успел бы проглотить столько пищи. А самые длинные ночи бывают в декабре, при зимнем солнцестоянии, когда в средних широтах они длятся по 17 часов каждая. Однако и за такую длинную, но все же обыкновенную зимнюю ночь невозможно съесть все, что съел металлург, встреченный Захаром на вокзале в Красноярске! Тогда мне стало ясно, что ночь, о которой говорил соперник сказочных объедал, была необыкновенной.

А какой? Хорошенько подумав, я заподозрил, что речь идет о полярной ночи. Как известно из учебника географии, чем ближе к Северному или Южному полюсам, тем дольше длится полярная ночь; на полюсах она тянется ровно шесть месяцев.

За такую ночь успеешь съесть полугодовую порцию своих завтраков, обедов и ужинов.

Значит, новый знакомый Захара жил где-нибудь в окрестностях полюсов или плавал на научной станции, дрейфующей в Ледовитом океане? Предположение явно ошибочное: ни в окрестностях полюсов, ни на дрейфующих льдинах почетную грамоту за выплавку меди не получишь, — металлоплавильных печей там нет. Где же мог работать этот человек? Обратился к карте и увидел, что далеко на севере Сибири есть город Норильск. Этот город лежит за Полярным кругом и славится металлургическим комбинатом, построенным в годы Отечественной войны.

Но ведь как раз о таком комбинате упоминается в загадке! И последние сомнения исчезли: соперник великих объедал плавил медь в Норильске!

Полярная ночь б Норильске длится примерно с конца ноября по начало февраля. А за два месяца нетрудно съесть полторы сотни булочек, полсотни тарелок супа, столько же бифштексов,

рамштексов и шницелей, десятки килограммов печенья, конфет и прочих вкусных вещей. Любой из нас съел бы не меньше…

Две неразгаданные загадки

Лучше откровенно заявить о своем незнании, чем умолчать о нем или спрятаться за хитрой недомолвкой. И я охотно помогу моему другу. Построенные в Брянске энергопоезда прибыли своим ходом в Усть-Кут, на железнодорожную станцию Лена. Кое-кто мог предположить, что зимой, когда река Лена замерзла, по льду настелили рельсы и поезда направились дальше к Мухтуе. Это не так, хотя электростанции на колесах действительно прибыли туда по Лене.

Энергопоезд не повезешь ни в трюме, ни на палубе речного теплохода, В Усть-Куте, точнее, в речном порту Осетрово поезда расцепляли, и маневровый паровоз вкатывал вагон за вагоном на обыкновенные баржи; на палубе каждой баржи были клетками уложены шпалы, а поверх шпал укреплены рельсы. Проплыв вниз по Лене сотни километров, баржи с вагонами благополучно пришвартовались в Мухтуе. Сквозь тайгу пролегла широкая просека для линии электропередачи, и Мирный начал получать ток от энергопоездов. Еще недавно Мухтуя была небольшим поселком рыбаков и охотников, теперь поселок вырос, обзавелся отличным речным портом и переименован в город Ленек.

А как оказалась на Лене крылатая «Ракета»?

Осенью 1959 года большая флотилия речных кораблей, около двухсот судов, в том числе «Ракета», была проведена Северным морским путем из Архангельска к устьям Лены, Яны, Индигирки, Колымы. Прежде чем попасть в Архангельск, эти суда оставили за кормой многие реки и каналы: они шли из Москвы, Киева, Горького и других городов. Некоторые суда были построены в Чехословакии и Венгрии, они плыли по Дунаю и по каналам, соединяющим Волгу с Северной Двиной.

Арктические переходы речных судов для пополнения флота на реках Сибири проводятся почти два десятилетия, но плавание 1959 года было особенно крупным. «Принимайте, привели вам целое пароходство!» — сказали ленским речникам руководители этого перехода.

Меня заинтересовало, где Захар наметил построить первую якутскую железную дорогу, и я заглянул в его походный атлас. К моему удивлению, Захар проложил ее между Усть-Кутом и Мирным. Зачем? Вывозить алмазы из Мирного нетрудно по воздуху, а доставлять туда буровые станки и прочее тяжелое

оборудование можно и по воде.

Я считаю, что первую дорогу надо строить не там. Впрочем, скромность не позволяет мне хвалиться собственным проектом строительства рельсовых путей в Якутии, тем более что многие юные географы сумеют предложить проект, который будет не хуже моего. Как это сделать? Возьмите контурную карту и цветным карандашом нанесите на нее первые железные дороги Якутии. Конечно, не просто там, где правая рука захочет, а с толком — к тем местам, откуда можно и нужно вывозить уголь, руду, лес и другие грузы, неудобные для перевозки водой, по воздуху или на грузовых машинах.

Думается, не всем известно, чем знамениты арзамасские гуси. Эти гуси — одна из лучших отечественных пород. В старину их гнали на продажу в Москву по грунтовым дорогам. Гуси — неважные ходоки; чтобы они выдержали длительное путешествие пешком, их обували в… «галоши». Снаряжая птиц в дорогу, гуртовщики прогоняли их по залитой дегтем площадке, а затем по песку. Песок прилипал к лапам, и такая «обувь» облегчала гусям пеший переход.

Немыслимые грибы

«Шагаешь по лесу, обрати внимание, по лесу». В отличие от многих, я обратил внимание на эти слова собирателя грибов-«гигантов». В них — ключ к отгадке.

Выражение «по лесу» можно понимать двояко: «по лесу» — лесом и «по лесу» — поверх деревьев. Правда, чтобы шагать поверх леса, надо быть великаном. Но это доступно даже ребенку,

если лес… карликовый.

И я стал вспоминать, где встречаются в нашей стране карликовые деревья.

Раскрыл учебник географии для четвертого класса и прочел, что в заполярной тундре растут карликовые ивы и березы. Поделюсь тем, что удалось узнать о карликовых березах, потому что в рассказе говорится о грибах березовиках, чаще называемых подберезовиками.

Карликовая береза, или березовый стланец, — приземистый кустарник высотой 20–70 сантиметров. Тонкий, искривленный стволик этой березы скрыт во мху, прижимается к почве; кверху тянутся лишь короткие ветки с мелкими округлыми листьями. Из книги Ф. Леонтьева «В просторах Заполярья» я выяснил, что в «лесах» карликовой березы нередко в изобилии попадаются грибы подберезовики. Рост у них нормальный, но за несоразмерную величину по сравнению с карликовым «лесом» их шутливо называют «надберезовиками». Ф. Леонтьев видел «надберезовики» в низовьях Омолона — притока Колымы. Такие же «гиганты» встречаются в тундре Кольского полуострова, на полуострове Ямал, в других заполярных районах нашей Родины. По вкусу они ничем не разнятся от обычных «подберезовых», но почти никогда не бывают червивыми.

Часы моего друга

Когда я читал рассказ Захара о клумбе-часах, мне показалось странным, что он, опытный географ, не разгадал их секрета.

Давно известно, что различные растения раскрывают и закрывают свои венчики в разное время суток: одни рано утром, другие ближе к полудню, третьи — под вечер, а то и ночью. Так, в средней полосе нашей страны шиповник раскрывает свои цветки в 4–5 часов утра, одуванчик— в 6–7 часов, колокольчик — в 7–8 часов, ноготки — в 9—10 часов. А закрывается одуванчик в 14–15 часов, ноготок— в 16–17 часов, шиповник — в 19–20 часов, колокольчик — в полночь.

Позже других просыпаются ночная царица — в 20–21 час и смолевка ночецветная — в 21–22 часа.

Зная эту особенность растений, можно устроить цветочные часы. Минуты по ним, конечно, узнать не удастся, но время с точностью до часа они покажут надежно.

Впервые цветочные часы устроил в XVIII веке знаменитый шведский естествоиспытатель Карл Линней. Они начинали показывать время с 3–5 часов утра и заканчивали свою «работу» в 12 часов ночи. Карл Линней составил таблицу, в которой назвал более 70 растений и указал часы раскрытия и закрытия их венчиков.

«Расписания»-таблицы, указывающие час, когда раскрывают и закрывают свои лепестки различные садовые, лесные и полевые растения, существуют и у нас. Они составлены для каждой местности, в зависимости от географической широты, на которой она находится.

Такой таблицей, видимо, и воспользовался отец Пети, высадив на своей клумбе полевые и садовые растения в том порядке, в каком в течение суток раскрываются и свертываются их венчики.

Цветочные часы капризны. В ветреную, пасмурную или дождливую погоду растения вовсе не «пробуждаются», либо раскрывают свои цветки с большим опозданием. Сказывается на точности таких часов и время восхода и захода солнца. Поэтому Петин отец каждый месяц в одно и то яге время выверял свою клумбу по обычным часам.

Если вы захотите устроить цветочные часы у себя в саду или на школьном дворе, почитайте книгу А. Меньчукова «В мире ориентиров». Там вы найдете таблицу раскрытия и закрытия цветов в средней полосе нашей страны.

…Написав это пояснение, я догадался почему Захар не разобрался в «механике» часов-клумбы. Он-то ведь мореплаватель, а такие часы можно увидеть только на суше.

Драгоценный корень

Прежде чем писать примечание, я попросил знакомого китаеведа перевести слова «человек-корень» на китайский язык.

— Женьшень, — ответил китаевед.

И сразу все прояснилось.

«Человек-корень» — дикое лекарственное растение, которым медики в Восточной Азии пользуются с незапамятной поры. Неудивительно, что его осталось очень мало. Лишь кое-где в Китае, Корее и у нас на Дальнем Востоке находят дикорастущий женьшень.

Рассказ Захара верен. Почему же хохотал кок? Да потому, что мой друг не подозревал, что советским ученым удалось «одомашнить» женьшень и теперь подземного человечка успешно выращивают на плантациях, попросту говоря, на огородах.

Такой огород Захар и «нашел» в уссурийской тайге. Находится эта плантация недалеко от Владивостока, в Супутинском заповеднике.

Дикий женьшень растет медленно, его корни созревают к 20–25 годам, а весят всего до 30 граммов. На плантациях корни созревают впятеро быстрей, а весят вдвое больше!

С женьшенем произошло то же, что случилось со всеми бывшими дикими растениями, приручеными человеком жить в поле, саду, на огороде.

Плантации «человека-корня» есть и в других местах нашей страны: в Тебердинском заповеднике на Северном Кавказе, в Закатальском заповеднике на южных склонах Кавказского хребта, а также, как это ни удивительно, в Московской области.

Необыкновенный человек

Захар предупредил, что его необыкновенный товарищ любит посмеяться над легковерными. И мне стало ясно: в рассказе товарища скрыт подвох. Дошкольников в мореходное училище не принимают, поэтому прежде всего надо было установить точный возраст удивительного малыша. После недолгого раздумья я сообразил, что необыкновенный человек родился 29 февраля 1948 года. Он отмечал день своего рождения лишь четыре раза: в високосные 1952, 1956, 1960 и 1964 годы, тем не менее 29 февраля 1964 года ему исполнилось шестнадцать лет. Очень обидно справлять именины в четыре раза реже, чем остальные люди, однако великовозрастных «малышей» не так мало: например, в нашей стране их около полутораста тысяч! Откуда я знаю? Это мой собственный подсчет. Я поделил число советских граждан на 1461, то есть на сумму дней в четырех годах, среди которых один високосный. Моя цифра недалека от истинной, потому что ежедневно рождается примерно одинаковое количество младенцев.

Старший брат «малыша» работает летчиком на Крайнем Севере. Каким образом он ухитрился прилететь раньше, чем вылетел? Мне удалось ответить на этот вопрос, когда я вспомнил о поясном времени.

Земной шар разбит на 24 часовых пояса 24 меридианами, которые отстоят один от другого на 15 градусов по долготе. В каждом поясе время ровно на час разнится от времени соседнего пояса, хотя расстояние между меридианами меняется: чем дальше от экватора к северу или югу, тем оно меньше. Взглянув на глобус, вы тут же убедитесь в правильности моих слов. На экваторе это расстояние составляет около 1667 километров, на 55-й параллели — 960 километров, на 65-й — 708 километров, на 70-й — 573 километра (цифры я округлил). На полюсах все часовые пояса сходятся.

Земля вращается с запада на восток, поэтому лучи солнца движутся по ее поверхности в обратном направлении — с востока на запад. Часовая скорость их движения на экваторе больше, ближе к полюсам — меньше, но на любой широте равна расстоянию между часовыми меридианами.

Брат необыкновенного человека поднялся в воздух где-либо у северного побережья Камчатки и повел свою машину на запад по

70-й широте. Если его самолет пролетает за час 573 километра, то есть расстояние между часовыми меридианами на 70-й широте, то он не будет отставать от бега солнечных лучей. В этом случае брат «малыша» совершит посадку в ту же минуту (конечно, по поясному времени!), когда поднялся в воздух, сколько бы часов он ни находился над 70-й параллелью! А если самолет полетит с большей скоростью? Тогда он «обгонит» время — приземлится раньше, чем вылетел (по поясному времени!). Так и произошло с братом «малыша».

В часовых поясах — ключ к отгадке происшествий и с отцом необыкновенного человека. По 180-му меридиану проходит условная «линия смены дат», где ровно в полночь начинается новый календарный день. Пересекая эту линию с востока, люди попадают из вчера в сегодня, а с запада — из сегодня во вчера.

Отец «малыша», очевидно, работает на китобойном или рыболовецком корабле, которые часто пересекают 180-й меридиан. Предположим, что в субботу корабль был западнее линии смены дат, а в ночь на воскресенье пересек ее на восток. Тогда утром команда корабля снова окажется в субботе и за «двойную» субботу будет дважды завтракать, обедать, ужинать. При пересечении 180-го меридиана на запад корабельная команда из ночи на воскресенье сразу попадет в понедельник; за «пропавшее» воскресенье она не получит ни завтрака, ни обеда, ни ужина, хотя будет питаться, как обычно.

Карта часовых поясов объясняет и приключение на телефонной станции. Братья и сестры «малыша» живут в различных часовых поясах; в нашей стране таких поясов одиннадцать — со второго по двенадцатый. «Малыш» поздравлял членов своей многочисленной семьи в полночь по их поясному времени. Поэтому он простоял в переговорной будке десять часов, ожидая, пока Новый год «доберется» от крайних восточных до западных границ СССР.

Разобраться в «тайне» часовых поясов было несложно. Оставалось узнать, когда отец необыкновенного человека красил шлюпку, «проведя» за этим занятием 13 суток без сна, пищи и питья. Я уже хотел не отвечать на этот вопрос, но вспомнил о событии, которое случилось в ночь на 1 февраля 1918 года.

В ту ночь все народы нашей страны за одно мгновение «прожили» 13 суток: после 31 января наступило не 1 февраля, а 14 февраля. Это произошло потому, что старое летосчисление, существовавшее в России до Октябрьской революции, было заменено новым, более правильным. Старое летосчисление отставало от нового на 13 суток. Чтобы уничтожить отставание, 1 февраля стали считать 14 февраля. Отец «малыша» взял кисть под

вечер 31 января, а закончил покраску шлюпки после полуночи, когда с календаря было сорвано 13 листков и он показывал 14 февраля.

Как я и думал, необыкновенный человек оказался самым обыкновенным любителем подшутить над товарищами.

Как я посрамил корабельного кока

Любой юный географ хорошо знает, что Вселенная устроена не так, как представлялось средневековому путешественнику с посохом. Земля кругла; негеографу достаточно взглянуть на модель земного шара — скромный школьный глобус, чтобы навсегда в этом убедиться.

О каком же Крае Света говорит Захар? Об одном из мысов на Курильских островах, который после воссоединения Курил с Советским Союзом получил русское название — Край Света.

Небольшой скалистый мыс, носящий столь необычное имя, показан не на всех картах, но легко сообразить, где он, находится. Захар познакомился с ним, когда корабль проходил восточнее самого крупного острова в Малой Курильской гряде. Раскройте учебник географии, там сказано, что самый крупный остров Малой гряды — Шикотан; стало быть, Край Света — мыс на востоке Шикотана. Действительно, под таким именем он и обозначен на подробной карте Курил. Захар вписал название мыса в свой атлас, то же советую сделать и вам.

Вот что сообщают люди, бывавшие на Краю Света:

«Даже в тихую погоду на мысу не смолкает грохот океанского прибоя. Волна за волной накатываются на серые камни у подножия скалы. Мыс голый, только травой поросший. Мы поднялись на его вершину: до самого горизонта — ничего, кроме пустынных вод. Да что горизонт! На тысячи километров до берегов Северной Америки нет ни клочка суши, впереди — волны, ветер, бескрайний океан и такое же бескрайнее небо. И впрямь здесь — край света. Точнее: Край Света!»

Об авторе этой книги

Уже не раз бывало, что имя литературного героя становилось более известным, чем имя создавшего его автора. Так случилось и с героем, и с автором этой книги. С Захаром Загадкиным знакомо — по книгам и радиопередачам — не одно поколение советских школьников. Ребята пишут ему письма, зовут в гости, делятся мечтами о будущем… Но много ли найдется друзей Захара, которые знают и помнят имя писателя Михаила Ильича Ильина? А между тем М. И. Ильин прожил в советской литературе большую и сложную жизнь.

Михаил Ильич Ильин родился в Москве 17 мая 1901 года. Писать начал очень рано и первую свою книжку выпустил в возрасте 19 лет. В 20-е годы писал стихи, рассказы, пьесы. Одна из его пьес — «Шлюз № 2» — издавалась в 1927–1929 годах трижды. С 1924 года, после службы в Красной Армии, работал в редакциях журналов и газет («Новый зритель», «Архитектурная газета», газета «Кино»); его рассказы и очерки появлялись на страницах известных в то время журналов «Прожектор», «Наши достижения», «30 дней».

С 1943 по 1950 год М. И. Ильин — литературный редактор газеты «Труд». Это был, пожалуй, самый плодотворный период его журналистской деятельности: в «Труде» он опубликовал около 50 статей и очерков. Печатался в «Вокруг света» и других журналах.

В эти годы основной темой творчества М. И. Ильина становится новое в географии СССР. Писателя, как и многих его сверстников, увлекли грандиозные перемены, происходящие на необъятных просторах нашей страны. Он пишет о новых городах и железных дорогах, каналах и гидростанциях, об отвоеванных у болот и пустыни землях… Географию Михаил Ильич любил с детства, хорошо ее знал, — да и смог бы человек, не знавший и не любивший географию, придумать когда-нибудь Захара Загадкина?

Спустя много лет, во вступительной статье к книге «Поедешь с нами?» М. И. Ильин рассказал, как зародилась в нем эта любовь. Он вспоминает первые видовые киноленты, книги талантливого натуралиста и географа, занимательного рассказчика А. П. Нечаева, почтовые марки — даже исходивший от них запах типографской краски и почтовых штемпелей казался мальчику чудесным ароматом далеких стран… Михаил Ильич тепло пишет о своем школьном учителе географии А. П. Борзове, впоследствии известном ученом. «Склонившись над географическим атласом, я

видел за скупыми штрихами карт заманчиво прекрасные картины Земли»… Однако творческая жизнь писателя сложилась так, что к географии в своем литературном труде он обратился, когда ему было уже за сорок.

Писатель много путешествовал по нашей стране. Особенно влекли его Средняя Азия и Закавказье. Впервые побывав там в молодости, он много раз возвращается туда. Закавказью и Средней Азии посвящены большинство очерков 40-х годов. А в 1948 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла первая географическая книга М. И. Ильина — «От Черного до Каспийского моря», рассказывающая о созидательном труде советских людей в Грузии, Армении и Азербайджане.

В 1950 году в Детгизе вышел сборник «Земля Советская». Его содержание раскрывалось в подзаголовке: «Очерки и рассказы о новом в географии СССР». Авторами книги были писатели, журналисты и ученые, а составителем — М. И. Ильин. Он же написал и 10 вошедших в нее очерков — о Москве, Прибалтике, Закавказье, о преобразовании природы нашей страны.

С «Земли Советской» началась дружба Михаила Ильича с издательством, продолжавшаяся до конца жизни писателя.

Через несколько лет М. И. Ильин задумывает новую книгу для школьников, на этот раз по географии всего земного шара. Она намечалась как книга для чтения, составленная из написанных в увлекательной форме отрывков из произведений разных авторов. Для большей занимательности писатель решил включить в книгу географические загадки. Но это не должны были быть просто загадки. Михаил Ильич не терпел скуки и все, что писал, стремился, сделать как можно более занимательным. И возникла идея о молодом человеке, любителе приключений, пытливом и любознательном. Так родился юнга Захар Загадкин. Он плавает юнгой на торговом судне, и с ним случаются разные истории, которые он записывает в дорожную тетрадь. Каждая такая история — географическая загадка.

Как это порой случается, работа над книгой, для которой первоначально предназначались рассказы Захара Загадкина, по разным причинам затянулась; «Поедешь с нами?» вышла только в 1965 году. В книгу вошли отрывки из произведений 70 авторов; 12 рассказов написаны составителем. Но загадок в ней не было: к этому времени юнга Загадкин уже давно отправился в большое самостоятельное плавание.

В апреле 1958 года по Московскому радио впервые прозвучали голоса Захара Загадкина и его друга корабельного кока. С тех пор вот уже 18 лет два раза в месяц (с перерывом на летние каникулы) юные любители географии нашей страны

спешат к радиоприемникам и репродукторам на встречу с любимыми героями. Сначала Захар рассказывал о своих приключениях на всех материках и океанах Земли, а в 1960 году началось «Путешествие по любимой Родине» — радиоигра — соревнование школьников на лучшее знание географии СССР.

Только большой и настоящий друг детей мог придумать такую игру и, главное, взять на себя труд ее вести: ведь в ответ на передачи приходило по тысяче и более писем с отгадками!

Славный путь предстоял Захару Загадкину и на книжных страницах. В 1959 году в издательстве «Детская литература» вышли «Воспоминания юнги Захара Загадкина», в 1963 году — вторая книга, названная автором в стиле старинных приключенческих романов: «Необыкновенные путешествия, или Удивительные, но совершенно правдивые географические приключения Захара Загадкина на $^1/_6$ земной суши, рассказанные им самим и дополненные примечаниями будущего ученого Фомы Отгадкина». В 1965 году обе книги, дополненные новыми рассказами, были изданы вместе под названием «Воспоминания и необыкновенные путешествия Захара Загадкина».

Бывалого юнгу знают не только русские школьники. Книги о нем переведены на латышский, литовский, эстонский и грузинский языки, а за рубежом — на словацкий, китайский и польский.

Книги и радиопередачи о Захаре Загадкине помогают в учебе, вызывают у школьников стремление лучше узнать свою Родину, учат видеть обычное в необычном и, наоборот, необычное в обычном. Об этом говорится в многочисленных письмах школьников, их родителей и учителей.

Немало ребят, впервые заинтересовавшихся географией благодаря Захару Загадкину, избрали ее потом своей профессией.

Писатель продолжал работать и над другими темами. В 1961 году вышла написанная им совместно с Г. И. Кублицким книга «Твоя Россия». М. И. Ильин написал очерки о знаменитых русских путешественниках В. К. Арсеньеве, В. А. и С. В. Обручевых для сборника «Под небом всех широт» (1961), очерки о географии СССР для книги «Большой дом человечества» (1966). Но последние два года жизни М. И. Ильин занимался только своим любимым детищем — Захаром Загадкиным. Тяжелая болезнь постепенно отнимала силы писателя, и 28 сентября 1967 года его не стало…

Но Захар Загадкин живет. И на радио, где дело отца продолжает его сын — Павел Михайлович Ильин, и на страницах книг.

«Воспоминания и необыкновенные путешествия Захара

Загадкина» были переизданы в 1969 году. А это издание, с учетом переводов на другие языки, — четырнадцатое издание книг о Захаре Загадкине (впрочем, для юных читателей это книги не «о нем», а «его» книги). Их общий тираж теперь превысил 600 тысяч экземпляров, они по-прежнему остаются одними из самых читаемых детских книг. И можно с уверенностью сказать, что им предстоит еще долгая жизнь.

Талантливый литератор, Михаил Ильич Ильин был образованным человеком, он прекрасно знал не только географию, но и историю, литературу, искусство. Он остался в нашей памяти как интересный, обаятельный, скромный человек. И можно только представить, как радовался бы Михаил Ильич, держа в руках эту книгу — подарок к его семидесятипятилетию…